

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПОСАДИ ДЕРЕВО

Волонтеры леса против огня

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

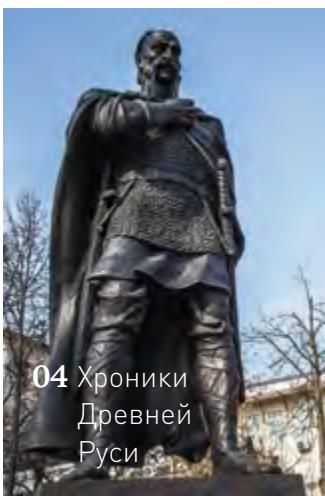

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ИСТОРИЯ

04 Хроники
Древней
Руси

12 Нетитулованная
королева
европейской
дипломатии

20 Сожженные
страницы

30 Фомин жребий

НАСЛЕДИЕ

38 Режиссер,
который
не поставил
«Гамлета»

46 Мечта
о Камчатке

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

52 Ревнитель
знания
и света

МУЗЕИ

58 Железные
магнаты

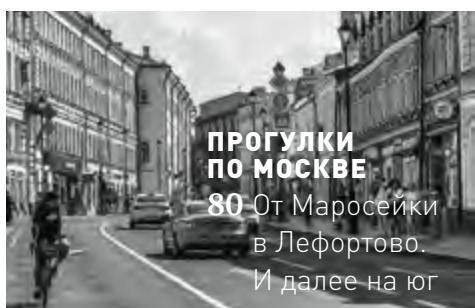

66 Дух времени

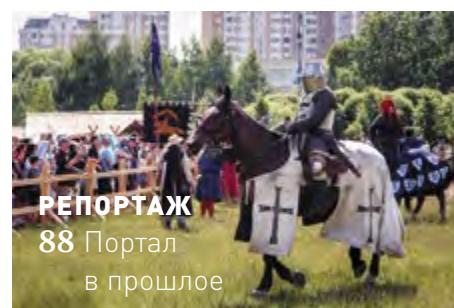
ЛЮДИ И ВРЕМЯ

74 Гудящие
сосны

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

80 От Маросейки
в Лефортово.
И далее на юг

РЕПОРТАЖ
88 Портал
в прошлое

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Александр АЛИМОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Над номером работали:
Александр БУРЫЙ

Павел ВАСИЛЬЕВ

Наталья ЗОЛОТАРЕВА

Ирина ИВИНА

Алексей КАРПОВ

Дмитрий КОПЕЛЕВ

Елена МАЧУЛЬСКАЯ

Зоя МОЗАЛЁВА

Елена ПЕТРОВА

Евгений РЕЗЕПОВ

Андрей СЕМАШКО

Наталья ТАНЬШИНА

Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический
центр «Гlamour-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (+999) 519-01-68

Сайт журнала:
[https://rusmir.media](http://rusmir.media)

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжели Бушуевой

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ
ВИТОРОВИЧ**
Министр
иностранных
дел РФ
(председатель
попечительского
совета фонда)

**КРАВЦОВ
СЕРГЕЙ
СЕРГЕЕВИЧ**
Министр
просвещения РФ
(заместитель
председателя
попечительского
совета фонда)

**ЛЮБИМОВА
ОЛЬГА
БОРИСОВНА**
Министр
культуры РФ

**ФАЛЬКОВ
ВАЛЕРИЙ
НИКОЛАЕВИЧ**
Министр науки
и высшего
образования РФ

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**АЛИМОВ
АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ**
Директор
Департамента
по многстороннему
гуманитарному
сотрудничеству
и культурным
связям МИД РФ
(председатель
правления фонда)

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ / РИА НОВОСТИ

**РАССУХАНОВ
УСМАН
АБДУЛ-АЗИЕВИЧ**
Директор
Департамента
международного
сотрудничества
и связей
с общественностью
Минпросвещения
РФ

**ТРИНЧЕНКО
КСЕНИЯ
ОЛЕГОВНА**
Директор
Департамента
международного
сотрудничества
Минобрнауки РФ

**КУЗНЕЦОВ
АНТОН
АНДРЕЕВИЧ**
Заместитель
директора
Департамента
музеев
и внешних связей
Минкультуры РФ

**ШЕВЦОВ
ПАВЕЛ
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
руководителя
Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

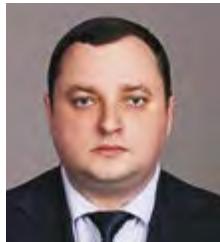

ВЛАДИМИР ТРЕФИЛОВ/РИА НОВОСТИ

**ЯМПОЛЬСКАЯ
ЕЛЕНА
АЛЕКСАНДРОВНА**
Советник
президента РФ
(председатель
наблюдательного
совета фонда)

ВЛАДИМИР ГЕРДО/РИА НОВОСТИ
**ПАНКИН
АЛЕКСАНДР
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
министра
иностранных дел РФ
(заместитель
председателя
наблюдательного
совета фонда)

ВЛАДИМИР ГЕРДО/РИА НОВОСТИ
**ГРИБОВ
ДЕНИС
ЕВГЕНЬЕВИЧ**
Заместитель
министра
просвещения РФ

ВЛАДИМИР ГЕРДО/РИА НОВОСТИ
**МАЛЫШЕВ
АНДРЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ**
Заместитель
министра
культуры РФ

ВЛАДИМИР ГЕРДО/РИА НОВОСТИ
**МАСЛОВ
ИГОРЬ
ВЕНИДИКТОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по межрегиональ-
ным и культурным
связям с зарубеж-
ными странами

**МОГИЛЕВСКИЙ
КОНСТАНТИН
ИЛЬИЧ**
Заместитель
министра науки
и высшего
образования РФ

**НЕВЕРОВ
ИГОРЬ
СВЯТОСЛАВОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по внешней
политике

**ПРИМАКОВ
ЕВГЕНИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Руководитель
Федерального
агентства по делам
Содружества
Независимых
Государств,
соотечественников,
проживающих
за рубежом,
и по между-
народному
гуманитарному
сотрудничеству
(Россотрудничество)

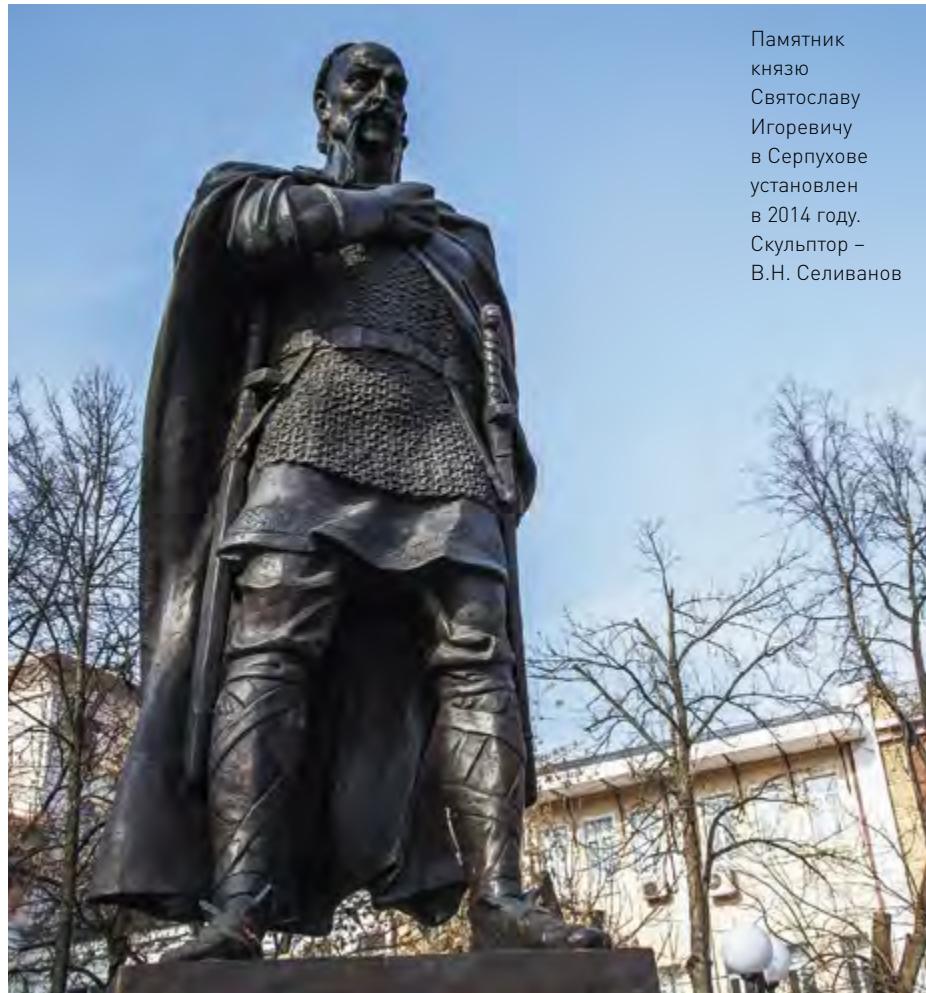
**ФИЛАТОВ
АЛЕКСЕЙ
ЕВГЕНЬЕВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по приграничному
сотрудничеству

**ЧЕРКЕСОВА
БЭЛЛА
МУХАРБИЕВНА**
Заместитель
министра
цифрового
развития, связи
и массовых
коммуникаций РФ

**ТОРКУНОВ
АНДРЕЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**
Ректор Московского
государственного
института
международных
отношений
(университет)

ХРОНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ КАРПОВ

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ ПРОЕКТ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СИСТЕМАТИЧЕСКИМ ИЗЛОЖЕНИЕМ ИЛИ, ТЕМ БОЛЕЕ, КУРСОМ РУССКОЙ ИСТОРИИ. ЭТО ИМЕННО ХРОНИКА ИЛИ, ТОЧНЕЕ, ХРОНИКИ – АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ ТОГО ИЛИ ИНОГО ГОДА. ПРИЧЕМ АВТОР САМ ВЫБИРАЛ ТО СОБЫТИЕ ИЛИ ТЕ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ КАЗАЛИСЬ ЕМУ ИНТЕРЕСНЫМИ ИЛИ ЗНАЧИМЫМИ: ИНОГДА – НЕ САМЫЕ ЗАМЕТНЫЕ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД; ИНОГДА – ОЧЕНЬ ЗАМЕТНЫЕ И, В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ И НАРОДА.

Продолжение. Начало см.: «Русский мир.ru» №1–7 за 2024 год.

ГОД 964-Й

С этого года летописец начинает рассказ о знаменитых походах «русского барса», князя Святослава Игоревича.

Из «Повести временных лет»: «Князь Святослав, возросши и возмужавши, начал воинов собирать, многих и храбрых, и в походах легко ходил – словно пардус (гепард, барс. – Прим. авт.), многие войны творил. В походах же ни возов за собой не возил, ни котла, и мяса не варил – но потонку изрезав конину ли, зверину ли, или говядину, на углях испекши, ел. И шатра не имел, но подклад стелил и седло в головах. Таковы же и все прочие его воины были. И посыпал к странам, говоря: «Хочу на вы идти!»

Так, с нескрываемым восхищением и явно опираясь на дошедшие до него дружины предания-песни, писал о князе Святославе летописец XI века.

К 964 году князю Святославу было около 22–25 лет. По нашим представлениям, это молодость; по тогдашним – несомненная зрелость. Большую часть оставшейся жизни Святослав проводит в военных походах и сражениях.

Сохранилось описание внешности князя Святослава. Правда, оно сделано несколькими годами позже – во время русско-греческой войны 970–971 годов. Византийский историк конца X века Лев Диакон, то ли по собственным воспоминаниям, то ли со слов очевидца, так описал поразивший греков облик русского князя:

«Умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал

Сражение дружины князя Святослава с войском хазарского князя.
Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV век

клок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные... В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одеждие его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой.

(Перевод М.М. Копыленко)

В русскую историю князь Святослав вошел с именем Храбрый. Источники называют еще одно его прозвище – Легкий (то есть «легкий»), данное ему, вероятно, за быстроту натиска, скорость передвижения. Не скрывают летописи и жестокости князя, его всегдашней готовности к пролитию крови.

Но при этом Святослав запомнился летописцам не столько как правитель своей земли, сколько как завоеватель чужой. Родная держава, Русь, не занимала в уме князя главенствующего места. Она представлялась ему лишь частью той великой империи, которую он замышлял создать на Дунае. Причем частью не самой главной. На страницах летописи мы почти не увидим Святослава в Киеве – он все время в разъездах, в военных походах, вдали от родного дома. Киевляне прямо будут

упрекать его: «Ты, княже, чужой земли ищешь, а своей охабився (то есть «пренебрегаешь», «брезгуюшь»). И Святослав сможет лишь подтвердить их упрек. «Не любо мне в Киеве быть» – так ответит он матери и боярам.

Первый известный по летописи поход Святослава датирован 964 годом. Он был направлен в землю вятичей – последнего восточнославянского племени, остававшегося вне власти киевских князей. Вятичи жили в бассейне реки Оки, притока Волги. Ко времени Святослава они оставались данниками хазар – опять же последними из славян.

Поход этот результатов не принес.

«И пошел (Святослав. – Прим. авт.) на Оку-реку и на Волгу, и встретил вятичей. И спросил их: «Кому дань даете?» Они же отвечали: «Хазарам, по щелягу от рала».

Хазарская
серебряная
монета
с надписью
«Моисей –
посланник
Бога».
Музей Готланда.
Швеция

Через земли вятичей по Верхней Волге и Оке проходил так называемый «серебряный путь», ведший из стран Арабского Востока через Хазарию и Волжскую Болгарию на Русь, а оттуда в западные страны. «Серебряным» он назван историками потому, что на всем своем протяжении отмечен кладами арабских серебряных монет – дирхемов («щелягов», как их называет летописец). Часть монет оседала у вятичей, а также у киевских князей, которые стремились установить свой контроль над ключевыми участками важнейших торговых путей того времени – не только по Днепру, «в греки», но и по Волге, «в хазары» и «из хазар».

К середине X века, по наблюдениям археологов, серебра на Востоке стало заметно меньше; соответственно, сократился его вывоз на Русь и в западные страны; сократились и доходы князей. Современные историки полагают, что походы Святослава на вятичей, а затем и на хазар имели своей целью в первую очередь увеличение притока серебра в Киев.

Так со спора о вятичской дани началась русско-хазарская война – одно из наиболее значимых событий в раннесредневековой истории Восточной Европы.

Князь Святослав
Игоревич
(по описанию
Льва Диакона).
Альбом
Ф.Г. Солнцева
«Одежды
Русского
государства».
1869 год

ГОД 965-Й

Из «Повести временных лет»:
«Пошел Святослав на
хазар. Услышав [об этом],
выступили хазары против
него с князем своим
каганом, и сошлись биться.
И была битва, и одолел
Святослав хазар, и град их
Белую Вежу взял, и ясов
победил, и касогов¹».

Судя по летописи, основной удар Святослава пришелся по наиболее близким к Руси западным провинциям каганата, расположенным в среднем и нижнем Подонье и на Кубани. Названная в летописи Белая Вежа или, по-хазарски, Саркел (то есть «Белый дом») – крепость в среднем течении Дона, у переволоки, соединившей Дон с Волгой. Крепость была построена еще в IX веке как форпост хазарского владычества на западе. Именно здесь, у стен Белой Вежи, были разбиты главные силы хазар – армия самого царя. Затем Святослав двинулся вниз по Дону и вдоль побережья Азовского моря к хазарской Тмуторокани, которая, вероятно, и была главной целью его похода. И снова победа Святослава оказалась безоговорочной. Тмуторокань надолго стала владением русских князей.

Разгром каганата был довершен тогдашними союзниками Святослава – кочевниками-огузами (или торками, как их называли на Руси), занимавшими обширные области по северному и северо-восточному побережью Каспия и Волге, а также печенегами. Об этом сообщают мусульманские писатели того времени. Так Хазарии был нанесен сокрушительный удар, в конечном счете оказавшийся смертельный. Но агония каганата продолжалась еще несколько лет.

Следы крепостной стены Саркела. Археологические раскопки М. Артамонова. 1950 год.
Спустя два года Саркел был затоплен при строительстве Цимлянского водохранилища

Сфероконический шлем из курганов Черная могила и Гульбище (Чернигов). X век.
Государственный исторический музей (ГИМ)

В 968-м или в начале 969 года, когда сам Святослав воевал на Дунае, на Хазарию обрушился новый удар неведомо откуда взявшейся русской рати. На этот раз русы, вероятно, в союзе с торками, смерчом прошли по всей территории каганата: от старой столицы Самандара (в нынешнем Дагестане) до Итиля в устье Волги. Города были уничтожены, земли разорены, виноградники вырублены, население частью разбежалось, частью

уведено в плен. Нападению подверглись также Волжская Болгария и земли соседних с болгарами бургасов.

Разгром Хазарии – одно из главных свершений князя Святослава Игоревича. Однако, говоря об этой победе, нельзя не сказать о другом. Падение Хазарии нарушило баланс сил, сложившийся на юге Восточной Европы, и это привело к непредсказуемым последствиям для самого Древнерусского государства. Вековое противостояние Хазарии и печенегов отвлекало на себя значительные силы этих кочевников, ставших к середине X века подлинными хозяевами южнорусских степей. Разгром каганата открыл печенегам возможности для более широкого наступления по всему югу Восточной Европы. Преграда рухнула, и лавина печенежского нашествия, уже не сдерживаемая ничем, обрушилась в том числе и на Русь. И, наверное, не случайно, что первое известное нам по летописи нападение печенегов на Киев последует всего через несколько лет после сокрушения Хазарии войсками Святослава, и с этого времени печенежские войны станут постоянным бичом Руси. ... В следующем, 966 году Святослав совершил второй поход на вятичей. На этот раз участь их была решена: «Вятичей победил Святослав и дань на них возложил».

¹ Ясы, или аланы, – предки нынешних осетин. Касоги – предки адыгских народов Северного Кавказа: адыгейцев, черкесов, кабардинцев. Те и другие были в то время союзниками хазар.

ГОД 968-Й

Из «Повести временных лет»: «Пошел Святослав на Дунай, на болгар. И бились они: одолел Святослав болгар и взял 80 городов по Дунаю. И сел княжить тут, на Дунае, в Переяславце, взимая дань с греков».

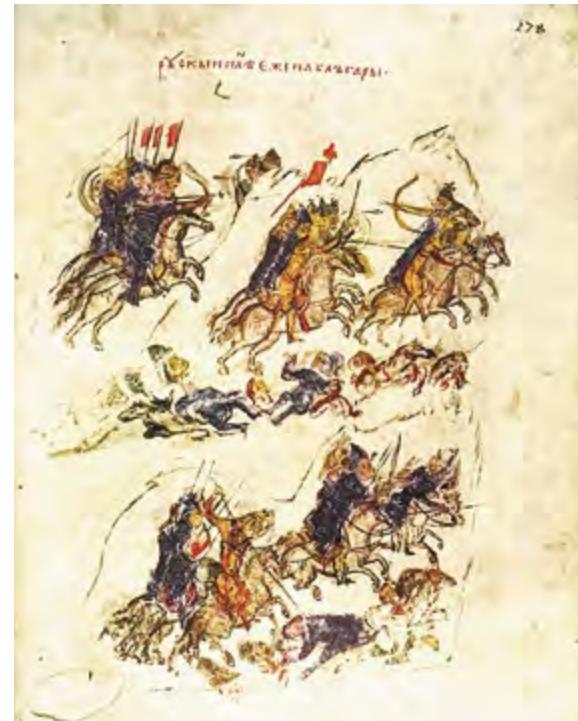
За кратким известием летописи – целая цепь событий.

Несомненно, за успехами Святослава внимательно следили в Константинополе. Правители Римской империи должны были с радостью встретить известие о крушении своего старого недруга – Хазарского каганата. Но интересы двух держав по-настоящему сталкивались лишь в Крыму. Теперь же вблизи полуострова появились русские дружины. И в этих условиях Византия попыталась втянуть Святослава в решение собственных проблем, одновременно отвлекая русского князя от своих причерноморских владений.

В это время византийский престол занимал Никифор Фока. Он был не прирожденным императором (vasilevsem), а узурпатором престола. Вскоре после смерти в марте 963 года императора Романа II (по слухам, насильтвенной) Никифор, бывший тогда стратигом-автократором Азии, то есть всей восточной половины Византийской империи, провозгласил себя василевсом ромеев и триумфально вступил в Константинополь. Здесь он восседел на царский престол и сочтется браком с вдовой Романа, красавицей Феофано (молва приписывала ей смерть по крайней мере трех императоров, двое из которых были ее мужьями, а один – свекром). Формально Никифор считался лишь соправителем малолетних Василия и Константина – «порфирородных» детей умершего василеса Романа. Он был выдающимся военачальником. Однако полководческий талант не всегда соединяется с государственной мудростью. Никифор совершил немало ошибок и со временем возбудил к себе неприязнь и даже ненависть многих соотечественников.

Византийский император Никифор Фока. Средневековая миниатюра

Вторжение Святослава в Болгарию. Миниатюра из «Хроники» Манассии (Московский список). XIV век. ГИМ

«...Возведя в достоинство патриархия Калокира, мужа пылкого нрава и во всех отношениях горячего, он (император Никифор. – Прим. авт.) отправил его к тавроскифам, которых в просторечии обычно называют росами, с приказанием распределить между ними врученное ему золото, количеством около пятнадцати кентинариев¹, и привести их в Мисию (Дунайскую Болгарию. – Прим. авт.) с тем, чтобы они захватили эту страну».

(Перевод М.М. Копыленко)

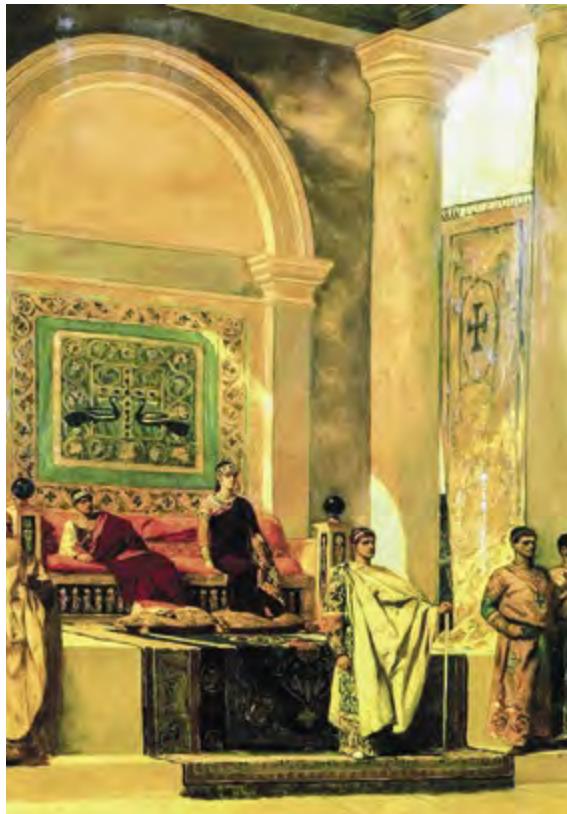
Императрица Феофано. Фрагмент миниатюры из «Хроники» Иоанна Скилицы. XII век. Национальная библиотека Испании. Мадрид

Таким способом император надеялся установить собственную власть над Болгарией, не пролив ни капли римской крови. Однако расчеты его не оправдались. Ни русский князь Святослав, ни грек Калокир не собирались играть по его правилам. Калокир вообще оказался предателем в глазах греков. Как выяснилось, он сам мечтал об императорском престоле, считая себя ничуть не менее достойным его, чем Никифор. Во всяком случае, так изображает дело Лев Диакон.

¹ Около 455 килограммов.

Из «Истории» Льва Диакона: «Тем временем... патрикий Калокир... завязал дружбу с катахонтом тавров (то есть со Святославом. – Прим. авт.), сорвал его дарами и очаровал льстивыми речами – ведь все скифское племя необычайно корыстолюбиво, в высшей степени алчно, падко и на подкупы, и на обещания. Калокир уговорил его собрать сильное войско и выступить против мисян (болгар. – Прим. авт.) с тем, чтобы после победы над ними подчинить и удержать страну для собственного пребывания, а ему помочь против ромеев в борьбе за овладение престолом и ромейской державой. За это Калокир обещал ему огромные, несказанные богатства из царской сокровищницы. Выслушав слова Калокира, Сфендослав (таким именем он назывался у тавров) не в силах был сдержать своих устремлений: возбужденный надеждой получить богатство, видя себя во сне владетелем страны мисян, он, будучи мужем горячим и дерзким, да к тому же отважным и деятельным, поднял на войну все молодое поколение тавров. Набрав таким образом войско, состоявшее, кроме обоза, из шестидесяти тысяч цветущих здоровьем мужей, он вместе с патрикием Калокиром, с которым соединился узами побратимства, выступил против мисян».

Конечно же, дело было не только в золоте. Дунай манил русского князя как мифическая прародина славян, откуда они некогда разошлись по свету. Кроме того, Болгария располагалась на самых подступах к Византии, была своего рода ключом к ее европейским владениям. Когдато русские князья установили контроль над днепровской частью торгового пути «из варяг в греки», перейдя из Новгорода в Киев; теперь Святославу выпала возможность закрепиться на Дунае, в непосредственной близости к Царьграду.

Тронный зал
в Византии.
Картина кисти
Ж.-Ж. Бенжамен-
Констана.
1870-е годы.
Русский музей

Летописец сообщает о походе Святослава на Дунай под 6475 (967/968) годом. Более точную дату назвал византийский историк второй половины XI века Иоанн Скилица: по его словам, росы напали на Болгарию «на пятом году царствования Никифора, в августе месяце 11 индикта», то есть в августе 968 года.

В первом же сражении на Дунае русы обратили в бегство и сокрушили болгарское войско.

Из «Истории» Льва Диакона: «Узнав о том, что Сфендослав уже подплывает к Истру (Дунаю. – Прим. авт.) и готовится к высадке на берег, мисяне собрали и высадили против него фалангу в тридцать тысяч вооруженных мужей. Но тавры стремительно выпрыгнули из челнов, выставили вперед щиты, обнажили мечи и стали направо и налево поражать мисян. Те не выдержали первого же натиска, обратились в бегство и постыдным образом заперлись в безопасной крепости своей Дористоле¹. Тогда, говорят, предводителя мисян Петра, мужа боголюбивого и благочестивого, сильно огорченного неожиданным бегством его войска, постиг эпилептический припадок, и спустя недолгое время он переселился в иной мир».

Своей столицей Святослав сделал Переяславец на Дунае – так называемый Малый Преслав в дельте реки, на ее южном русле. «И сел, княжа тут, в Переяславце, емля дань с греков», – пишет о нем киевский летописец. «Дань с греков» – в данном случае, ве-

Остатки
крепостных стен
Доростола
(ныне –
Силистра)

¹ Дористол, или Доростол, Дристра, современная Силистра – древнефракийский город на Дунае.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

роятно, обещанная плата за болгарский поход, а может быть, та «дань», которую византийцы традиционно выплачивали болгарам и право на которую перешло теперь к Святославу. Передавать Болгарскую землю грекам, как того требовал император Никифор, Святослав не собирался. Этот успех, слишком стремительный и безоговорочный, напугал греков. Верный обычной практике византийских василевсов сгравливать между собой собственных врагов, поддерживая то одну, то другую сторону, Никифор предпринял шаги к возможному сближению теперь уже с Болгарией.

Из «Истории» Льва Диакона:
«Так как Никифор не надеялся более договориться с таврами и знал, что нелегко будет подчинить своей воле окончательно уклонившегося от истинного пути патриархия Калокира, который вышел из-под его власти и возымел большое влияние на Сфендослава, он предпочел отправить посольство к единоверцам мисянам... Никифор напомнил мисянам об их вере (ведь мисяне без всяких отклонений исповедуют христианскую религию) и попросил у них девиц царского рода, чтобы выдать их замуж за сыновей василевса Романа, укрепив по-

средством родства неразрывный мир и дружбу между ро-
мейами и мисянами.
Мисяне с радостью приняли посольство, посадили девиц царской крови на повозки... и отправили их к васи-
левсу Никифору, умоляя его как можно скорее прийти к ним на помощь, отвратить повисшую над их головами секиру тавров и обезвредить ее...»

Война с Византией сделалась неизбежной. Однако уязвимое ме-
сто Святослава оказалось не в Болгарии, а на Руси, точнее, в Ки-
еве, который он, казалось, поки-
нул навсегда.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Мечи, мех
бобра и куницы,
воск – всем
этим славяне
торговали
с соседями.
Современная
реконструкция.
ГИМ

Подковообразная
фибула. Серебро,
médный сплав,
литъе, золочение,
зернь. Приладож-
ские курганы.
X – начало XI века.
ГИМ

ГОД 969-Й

Из «Повести временных лет»:
«Пришли печенеги на Рус-
скую землю впервые, а Свя-
toslav был в Переяславце.
И затворилась Ольга в граде
с внуками своими, Яропол-
ком, Олегом и Владимиром,
в граде Киеве. И обступили
печенеги город в силе вели-
кой, бесчисленное множе-
ство около города, и нельз-
я было людям ни выбраться из
города, ни вести послать...»

К середине X века отношения русских князей с печенегами большей частью были мирными. И Игорь, и Святослав счи-
тали их своими союзниками и привлекали к совместной борь-
бе с общими врагами. Но мир был непрочным. К тому же Пе-
ченежская земля была разделе-
на между несколькими ордами,
или родами («фемами»). Каждой
принадлежала своя территория,
и действовали они по большей
части самостоятельно. Мир с од-
ной из «фем» не означал мира со
всей Печенежской землей.

Печенеги кочевали всего в од-
ном-двух днях пути от русских
земель и могли внезапно по-
явиться у стен Киева или какого-
нибудь другого русского города.
Сами же они были почти не-
уловимы. Византийский импе-
ратор-писатель Константин Багря-
нородный, автор знаменитого
трактата «Об управлении импе-
рией», написанного для сына Ро-
мана и последующих василев-
сов, прямо указывал:

«Знай, что и росы озабоче-
ны тем, чтобы иметь мир
с пачинакитами (печенега-
ми. – Прим. авт.)... Против
удаленных от их преде-
лов врагов росы вообще
отправляться не могут,
если не находятся в мире
с пачинакитами, так как
пачинакиты имеют воз-
можность – в то время,
когда росы удалятся от сво-
их, – напав, все у них уни-
 тожить и разорить. Поэтому
росы всегда питают особую

заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силен этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помошью пользоваться».

(Перевод Г.Г. Литаврина)

Эти слова писались в начале 50-х годов X века.

Среди историков утвердилось мнение, согласно которому на-шествие печенегов на Киев явилось следствием дипломатиче-ских усилий Константинополя: стремясь отвлечь внимание Свя-тослава теперь уже от Болгарии, греки и подтолкнули их к войне с Русью. Это, конечно, не ис-ключено, хотя печенеги впол-не могли действовать и сами по себе. Они знали о том, что Свя-тослав находится далеко от гра-ниц Руси, а потому чувствовали свою полную безнаказанность. В любом случае все получилось именно так, как писал импе-ратор Константин.

Это был не просто набег. Печене-ги подвергли Киев настоящей оса-де, которая продолжалась не день и не два, но много дольше. Прав-да, через какое-то время к про-ти-воположной стороне Днепра по-дошла дружина некоего Прети-ча – вероятно, одного из воевод Святослава, оставленных им на Руси. Вооруженные люди остано-вились в виду Киева. Но помочь осажденным они не могли. Дру-жина была слишком малочислен-ной. К тому же Претич не знал о том, что происходило в Киеве.

Из «Повести временных лет»: «Изнемогли же люди от голода и жажды. [И] собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу. И нель-зя было ни из них кому-либо проникнуть в Киев, ни из горо-да к ним. И опечалились люди в городе, и сказали: «Нет ли ко-го-нибудь, кто бы смог пере-браться на ту сторону и ска-зать им: если не подступите к утру [к городу], сдадимся пе-ченегам?» И сказал один отрок: «Я проберусь». И сказали ему: «Иди». Он же вышел из горо-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Питьевые
рога (ритоны)
из кургана
Черная могила
(Чернигов).
X век. ГИМ

Наконечники
стрел (Гнёздово)
и боевые топоры
(Владимирские
и Приладожские
курганы).
Х–XI века. ГИМ

да с уздечкой и побежал меж-ду печенегами, спрашивая, не видел ли кто-нибудь коня. Ибо знал он по-печенежски, и при-нимали его за своего. А ког-да приблизился к реке, скинул порты, и бросился в Днепр, и побрел в брод. Печенеги же, увидев, устремились за ним, стреляя в него, но не смогли ничего ему сделать. Те же с дру-гого берега увидели его и по-

плыли в ладье к нему, и взяли его в ладью, и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подступитесь к утру к городу, хотят люди сдать-ся печенегам». Сказал же во-евода их по имени Претич: «Подступим к утру в ладьях и, взяв княгиню и княжичей, умчим их на этот берег. Если не сделаем так, погубит нас Святослав».

И назавтра, перед рассветом, сели в ладьи и вострубили громко, и лодки из города от-ветили им. Печенеги же по-думали, что это князь при-шел, и побежали от города врассыпную. И вышла Оль-га с внуками и с людьми к ла-дьям. Князь же печенежский, увидев это, возвратился один к воеводе Претичу и спро-сил: «Кто это пришел?» И от-ветил [тот] ему: «Ладья (в дру-гом списке – «люди»). – Прим. авт.) с той стороны». И спро-сил князь печенежский: «А ты не князь ли?» Тот отвечал: «Я – муж его и пришел в сторожах¹, а за мною идет полк к кня-зю – бесчисленное множе-ство». Говорил так, грозя им. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне друг». Тот отвечал: «Будет так». И подали руки друг другу, и отдал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы, тот же дал ему доспехи, щит и меч. И от-ступили печенеги от града».

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

¹ Сторожа – передовой отряд, охранение или разведка.

Отступили, впрочем, недалеко – так, что «нельзя было коня напоить в Лыбеди из-за печенегов».

С этого печенежского нашествия начинается череда бесконечных русско-печенежских войн, продолжавшихся без малого столетие. Но никогда, пожалуй, столица Руси не оказывалась столь беззащитной перед степными кочевниками, как в этот год – год великих побед Святослава на Дунае.

Рассказ летописца основан на народном предании. Он открывает цикл сказаний о печенежских войнах, имеющих отношение, главным образом, к эпохе Владимира Святого. Таковы, например, сказания об отроке-кожемяке, победившем печенежского богатыря на реке Трубеж, у города Переяславля-Южного, или о «белгородском киселе» – чудесном избавлении Белгорода (близ Киева) от печенегов.

Эти сказания возникли в дружинной среде и прославляли подвиги княжеских дружинников, «отроков», проявивших мужество и отвагу в ходе многочисленных русско-печенежских войн. Так и главным героем киевского сказания стал безымянный юноша, которому, благодаря хитрости, удалось переправиться через Днепр и тем спасти город. Рассказ летописца помимо прочего свидетельствует о тесных связях, существовавших между русскими и печенегами. Юноша-киевлянин знал печенежский язык; вероятно, какое-то время он прожил среди них – может быть, как пленник, а может, и в качестве заложника, оставленного у печенегов в подтверждение заключенного мира. Умел он управляться и с печенежской упряжью – не случайно эпизод с уздечкой стал сюжетной основой всего рассказа. Удивителен и факт братания русского воеводы с предводителем печенежского войска. Во время этой короткой передышки (осада все еще продолжалась) киевляне успели отправить вестника к Святославу на Дунай. Горькие слова услышал

князь от посланцев родного города. Ибо киевляне велели передать ему так:

«– Ты, княже, чужой земли ищешь и о ней заботишься, а своею пренебрегаешь. Едва не взяли нас печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не оборонишь нас, то опять возьмут нас. Или не жаль тебе ни отчины твоей, ни матери старой, ни детей своих?»

Святославу было жаль и мать, и сыновей, и свою «отчину» – Русскую землю. Оставив большую часть войска в Болгарии, он с малой дружиной вернулся в Киев.

Подвиг молодого киевлянина при осаде Киева печенегами в 968 году. Картина кисти А.И. Иванова. Около 1810 года. Русский музей

Мужской перстень. Золото, литье, ковка. Найден в Тимерёве, Ярославская область. X – начало XI века. ГИМ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

«И, придя в Киев, целовал мать свою и детей своих, и печалился о бывшем от печенегов. Затем, соединившись с дружиной Претича и, может быть, с какими-нибудь другими военными отрядами, отеснил печенегов в степи. Имела ли место битва, неизвестно. Летописи ограничиваются словами: «И прогнал печенегов в поле, и был мир». Да и времени для серьезной войны хронология событий не оставляет.

Именно тогда, в Киеве, Святослав объявил матери и боярам о своем намерении навсегда оставаться на Дунае:

«– Не любо мне в Киеве быть! Хочу жить в Переяславце на Дунае. Ибо там середина земли моей, ибо туда сходятся все блага: от греков золото, павлочки, вина и плоды различные; от чех же, от угров (венгров. – Прим. авт.) серебро и кони; из Руси же меха и воск, мёд и челядь (рабы. – Прим. авт.)».

Святослав открыто обозначил свой выбор. Киев и Русь более не интересовали его. Однако Ольге удалось уговорить сына повременить с отъездом. Летописец так передает ее ответ сыну:

«– Видишь меня, в болезни пребывающую? Куда же хочешь идти от меня?.. Погреби меня и иди, куда хочешь».

Если верить летописи, разговор этот состоялся за три дня до кончины княгини. Ольга сама предсказала свою смерть. От Святослава она добилась обещания похоронить ее по христианскому обряду: не творить над ней тризны, но погребсти ее вропень с землей, не насыпая могильного кургана, как это было принято у язычников-славян. И Святослав – при всей своей нелюбви к христианам – исполнил просьбу матери.

Княгиня Ольга скончалась 11 июля 969 года и была похоронена по христианскому обряду. ●

НЕТИТУЛОВАННАЯ КОРОЛЕВА ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

МОДА БЫВАЕТ НА ВСЕ, ЧТО УГОДНО. В ТОМ ЧИСЛЕ И НА ПОЛИТИКУ. ИМЕННО ТАК БЫЛО ВО ФРАНЦИИ ЭПОХИ ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА, ВИКТОРА ГЮГО, ПРОСПЕРА МЕРИМЕ, А ТОЧНЕЕ ГОВОРЯ, КОРОЛЯ ЛУИ-ФИЛИППА ОРЛЕАНСКОГО. ИМЕННО НА ЗАСЕДАНИЯ ПАЛАТЫ ДЕПУТАТОВ СТРЕМИЛИСЬ ДОСТАТЬ ЗАВЕТНЫЙ БИЛЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПАРИЖСКОГО БОМОНДА И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ, ОСОБЕННО КОГДА ТАМ ВЫСТУПАЛИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ ОРАТОРЫ. А ВЕЧЕРОМ «ВЕСЬ ПАРИЖ» МОЖНО БЫЛО ЗАСТАТЬ В СВЕТСКИХ САЛОНАХ.

КАК ПОДМЕТИЛ КНЯЗЬ Петр Андреевич Вяземский, оказавшийся в столице Франции в конце 1830-х годов, свет и политика – это два сросшиеся сиамца». Каждый политик стремился закрепить свой успех в светском салоне, и в каждом из них была своя политическая звезда. Одним из таких влиятельнейших парижских салонов при короле Луи-Филиппе был салон русской подданной княгини Дарьи Христофоровны Ливен, а его звездой был известный историк и политик Франсуа Гизо.

РУССКАЯ КНЯГИНА И ФРАНЦУЗСКИЙ БУРЖУА

Что сблизило французского министра и русскую княгиню? Сами они объясняли свой роман тем, что оба в недавнем прошлом пережили тяжкие утраты. Княгиня, как мы знаем, потеряла двух сыновей. Гизо тоже пережил семейные трагедии: в августе 1827 года умерла его первая жена, талантливый публицист Полина де Мелан, которая ввела тогда еще молодого и никому не известного Франсуа в высший свет парижского общества. Именно с ее помощью началась сначала литературная, а затем и политическая карьера Гизо. В конце 1828 года он женился на Элизе Дилон, родственнице Полины, которая спустя пять лет также умерла от заболевания легких. От брака с Элизой у Гизо остались две дочери и сын Франсуа, который скоропостижно скончался 15 февраля 1837 года от воспаления легких. К этому времени Гизо пережил и карьерную неудачу: он потерял министерский портфель.

На следующий день после смерти сына княгиня отправила Гизо письмо, где были такие слова: «Среди всех свидетельств соболезнования, которые вы получили в связи с постигшим вас несчастьем, простите мне мое тщеславие надеяться, что мои воспоминания что-то значат для вас? Я дорого заплатила за право понять, как никто другой, вашу боль... Подумайте обо мне, во сто крат более несчастной, чем вы, поскольку по прошествии двух лет я также страдаю, как в первый день, и, однако, Бог ниспоспал мне сил вынести этот ужасный приговор. Я сожалею, что у меня есть лишь право выразить вам в письменном виде мое самое живое, самое нежное участие и, позвольте мне добавить, мою самую искреннюю дружбу». Первое время они виделись изредка, но постепенно между ними возникли дружеские отношения, не прерывавшиеся до самой смерти княгини.

Ж.-Ж. Вибер.
Портрет
Франсуа Гизо

Полина де Мелан (1773–1827),
французская писательница
и публицист

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Франсуа Пьер Гийом Гизо

(1787–1874) – протестант, сын адвоката, сочувствовавшего жирондистам и погибшего на гильотине; внук прокурора, поддерживавшего якобинцев и не заступившегося за своего зятя; теоретик и практик режима парламентского правления, занимавший в 1832–1837 годах (с перерывами) пост министра народного просвещения, многое достигший на этом посту: Гизо во Франции считают первым знаменитым министром народного просвещения. Закон о начальном образовании от 22 июня 1833 года, разработанный Гизо, носит его имя. В октябре 1840 года он возглавил Министерство иностранных дел в кабинете маршала Николя Сульта, фактически являлся общеизвестным лидером правительства, продержавшись на этом посту рекордно долгий для Франции срок – восемь лет (официально главой кабинета он стал в сентябре 1847 года).

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Этот странный союз можно было считать взаимовыгодным. Гизо подарил Ливен свою поддержку, а княгиня предоставила Гизо свой салон – пространство, игравшее в светской географии Парижа весьма важную роль. При Июльской монархии все значительные политические лидеры принимали в своих салонах гостей, в число которых входили не только светские знакомые, но и должностные лица. Гизо использовал для этой цели салон княгини Ливен, делившийся на две части: в одной половине, именуемой «большой гостиной», вossaдела на канапе княгиня в окружении своих приверженцев; в другой, называемой «малым кружком», беседовали перед камином пять-шесть дипломатов или депутатов; сам Гизо присоединялся попеременно то к завсегдатаям «большой гостиной», то к членам «малого кружка». Именно в салоне княгини Ливен Гизо удалось превратить свой политический успех в успех светский. Отношения Гизо и княгини Ливен развивались в рамках салонной общежительности: влюбленные встречались ежедневно, но не вели совместную жизнь. Точнее, их совместная жизнь была ограничена пределами света, ведь только в конце 1838 года княгиня стала вдовой. Связь Гизо с Ливен развивалась по образцу, унаследованному от XVIII века:

дама исполняла роль хозяйки салона, в котором царил великий человек – ее возлюбленный.

Близкие люди являлись к княгине не только в известный час: они знали, что Ливен и Гизо, когда он был в Париже, обязательно виделись дважды в день. Современник событий, знаменитый писатель и поэт Виктор Гюго писал об их отношениях: «Г-н Гизо каждый день выходит прогуляться после завтрака в 12 часов и всякий раз отправляется на улицу Сен-Флорантен посидеть часок-другой у княгини Ливен. Вечером он опять возвращается туда же и, за исключением каких-нибудь официальных случаев, проводит у нее все вечера».

Эти совместные часы Гизо и Ливен хотели проводить без докучливых посетителей. Для княгини, уделявшей огромное внимание этикету, это было весьма важно. Поскольку под политической она понимала дипломатию, неудивительно, что она придавала такое огромное значение этикету и безупречным манерам. Иметь хорошие манеры – значит опасаться фамильярности, сохранять дистанцию при общении с посторонними. Время, когда Гизо приезжал, было известно, и все спешили удаляться к этому часу. Сам он, судя по всему, тоже тщательно следил за тем, чтобы не путать ее дом со своим собственным. Министр писал княгине 24 апреля 1841 года: «Вчера я ушел скрепя сердце, только из чувства долга, чтобы никто не подумал, будто я чувствую себя у вас как у себя дома и засиживаюсь позже других». Правда, есть свидетельства, что далеко не всегда ему удавалось во всем следовать этикету. Как-то Проспер Мериме, также посещавший салон Ливен, будто бы умышленно возвратился по окончании вечера в гостиную княгини и увидел, что Гизо вовсе не собирался уходить и даже снял свою большую орденскую ленту.

По мнению французского исследователя Эрнеста Доде, брата писателя Альфонса Доде, союз Ливен и Гизо лег в основу

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Так выглядели светские салоны в XIX веке.
Ж. Беро.
Салон графини Потоцкой.
1887 год.
Музей Карнавале, Париж, Франция

ву новеллы Оноре де Бальзака «Тайны княгини де Кадиньян», созданной в 1839 году. Французский министр фигурирует в ней под именем д'Артеза. Прошлое княгини Ливен, представленной в образе княгини Кадиньян, сознательно изменено автором. Главное, что хотел показать Бальзак, – это нежность и забота, которыми была окружена

на княгиня со стороны своего почитателя.

С 1837 по 1857 год Гизо и Ливен обменивались более чем 5 тысячами писем, а общий объем их переписки составил около 20 тысяч страниц книжного формата. Это настоящий памятник политической, дипломатической и сентиментальной истории. Они переписывались каждый день, зачастую по несколько раз. Политические обстоятельства, частые пребывания Гизо с детьми и матерью в Нормандии, путешествия княгини Ливен – все это надолго их разделяло. Переписка прерывалась разве что зимой, когда оба они были в Париже. Княгиня тяжело переносила расставания с Гизо; 16 сентября 1838 года она писала ему: «Почему вы меня совсем не любите? Ваши письма такие изящные, но они такие холодные! Я кутаюсь, но никак не могу согреться!» В другом письме она упрекала Гизо: «Вот триста писем, которые я вам написала. Это не делает нам чести. Это плохо, когда люди, находящие удовольствие в обществе друг друга, проводят треть жизни в разлуке».

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Иллюстрация А.-Т. Рободи к новелле О. де Бальзака «Тайны княгини де Кадиньян»

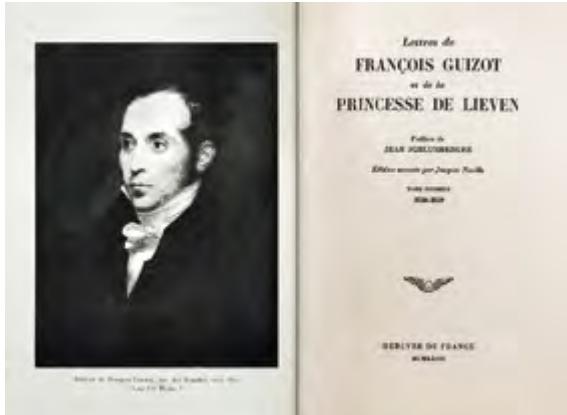
«АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕДРАССУДКИ» ИЛИ ЖЕЛАНИЕ СВОБОДЫ?

Почему Гизо и княгиня Ливен не поженились? Ведь княгиня овдовела, и, в принципе, ничто не препятствовало их браку. Утверждали, что княгиня не могла выйти замуж за Гизо из-за своих «аристократических предрассудков». Биографы любят приводить слова, якобы сказанные однажды княгиней графине Марии Дмитриевне Нессельроде во время прогулки по Булонскому лесу: «Милая моя, можете ли вы себе представить, чтобы меня называли госпожой Гизо?».

Однако, вероятно, дело было отнюдь не в «предрассудках» Дарьи Христофоровны. Скорее всего, она боялась потерять свою свободу: ей льстило ее положение в обществе и ее статус. Отказаться от своего имени и титула ради того, чтобы стать женой французского буржуа, пусть даже ведущего министра, значило отказаться от своего международного престижа. Статью Дарью Христофоровну «мадам Гизо», она превратилась бы во француженку, а ее жизнь была бы подчинена жизни ее мужа. Брак означал бы конец ее независимости.

Кроме того, совершенно ясно, какую реакцию известие о появлении «мадам Гизо» вызвало бы у российского императора. Княгиня не без оснований опасалась, что ее брак с французским буржуа грозил конфискацией ее российских капиталов.

Все это понимал и сам Гизо, страстно желавший жениться на княгине: для него семейные ценности были священны. Он писал Ливен из Лондона, где с февраля по октябрь 1840 года занимал пост посла: «Я никогда не смирюсь с этим, я всегда буду сетовать на неполноту наших отношений, на то, что мы не живем вместе...» А в письме английскому политику лорду Абердину, написанном уже после смерти княгини, он намекал, что против брака была она: «Я не мог допустить, чтобы жена моя не носила моего имени, а она дорожила своим».

«ЕСЛИ БЫ ВЫ БЫЛИ ЗДЕСЬ, У МЕНЯ БЫЛО БЫ ВСЕ»

Сколько ни важны были общественно-политические причины, не менее серьезным фактором была разница в стиле жизни домочадцев Гизо и Ливен. Гизо был очень привязан к своей семье, к матери, занимавшейся воспитанием его детей после смерти жены; он старался как можно больше времени проводить с ними в своем любимом нормандском поместье Валь-Рише в департаменте Кальвадос. В 1836 году он приобрел полуразрушенное старинное аббатство XII века, чтобы быть поближе к избирателям, а заодно дать детям возможность дышать свежим воздухом. Он восстановил его и жил там с конца июня, после окончания парламентской сессии, и до ее открытия в начале ноября. Для него Валь-Рише являлось воплощением его буржуазных идеалов. Однако мадам Гизо весьма ревниво относилась к даме сердца своего сына. Гизо писал княгине из имени: «...знаете ли вы, что в моем доме, особенно у моей матери, вы вызываете огромную ревность. Если бы я не приехал сюда, она была бы в полной уверенности, что вы были единственной тому причиной».

Больше всего на свете княгиня боялась одиночества и скуки, а развлечь ее была способна только политика. Именно по этой причине мир деревни, семьи, чтения был чужд княгине. Валь-Рише она посетила всего раз, в 1846 году, между тем как Гизо очень хотел, чтобы она была рядом с ним. Он писал Дарье Христофоровне 12 июля 1846 года: «Это правда, что мы сами виноваты в наших расставаниях. Здесь чудесно. Моя долина превосходна. У меня есть три желания: тишина, уединение и покой. Я наслаждаюсь всем этим, но каждую минуту мне не хватает вас... Если бы вы были здесь, у меня было бы все».

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Но Гизо, однако, понимал: женившись на самый влиятельный министр конституционной монархии на подданной российского императора, это возмутило бы очень многих. Его связь с княгиней и без того вызывала нарекания журналистов, едкие статьи об их отношениях постоянно появлялись во французских газетах. «Французскому министру не пристало выставлять напоказ свой союз с иностранной эгерией», — писала одна из них. В начале лета 1842 года в сатирической газете «Шаривари» появились две недоброжелательные статьи в адрес Гизо и Ливен. Одна из них была озаглавлена «Два голубка», вторая — «Прогулка в тильбюри при свете луны» (тильбюри — разновидность кареты, по названию лондонской фирмы «Тильбюри», занимавшейся производством карет на Маунт-стрит. — Прим. авт.).

Издание писем
Ф. Гизо
и княгини Ливен
1836–1839 годов

Ж.-Ж. Фешер.
Медаль
«Франсуа Гизо».
1844 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ОБВИНЕНИЯ В ШПИОНАЖЕ

Авторитет княгини Ливен в европейской дипломатии и политике и в эти годы был очень высок. Как отмечала герцогиня Доротея Дино, в Париже «много говорили о том, что княгиня назначает и отзывает послов», что вызывало раздражение дипломатического корпуса. Ее даже упрекали в непосредственном влиянии на принятие политических решений. В Париже говорили, будто во Франции было два министра иностранных дел и правительство не Сульта-Гизо, а Ливен-Гизо.

Виднейшие политики Франции и европейские дипломаты стремились добиться благосклонности Ливен и стать завсегдатаями ее салона. Злые языки называли их всех, как и саму хозяйку, агентами императора Николая I. Такие обвинения не были оригинальными. Царской шпионкой называли, например, княгиню Екатерину Багратион, поскольку она была русской подданной; ее обвиняли в том, что она доносила царю обо всем происходившем на заседаниях палаты депутатов, хотя эти заседания были публичными, а стенограммы дебатов публиковались в официальной газете *Le Moniteur Universel*.

Почему княгиню Ливен обвиняли в шпионаже? Дело в том, что в 1843 году, когда Николай I нако-

Письмо
княгини Ливен
императору
Николаю
Павловичу.
Архив внешней
политики
Российской
империи

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

нец-таки позволил своюенравной княгине остаться в Париже, она возобновила переписку с императрицей Александрой Федоровной, сообщая ей новости политического характера и отправляя их в письмах на имя графини Нессельроде. Императрица за завтраком передавала эти письма августейшему супругу, который нередко уносил их с собой. Княгиня не скрывала этой переписки, напротив, умышленно говорила о ней, стараясь показать, что она не заслуживает обвинений в шпионаже.

Однако секретную переписку симпатическими чернилами, проявлявшимися при нагревании, она все-таки вела – с братом Александром Бенкендор-

Фом. Причем и до 1843 года, то есть до получения высочайшего разрешения остаться в Париже. Так, в одном из секретных писем она сообщала: «Я вам открыто сказала то, что можно было сказать. Вот то, что есть на самом деле и о чем не было сказано».

Почему император Николай Павлович в итоге сменил гнев на милость и позволил княгине остаться в Париже? Несмотря на свою принципиальность и весь свой гнев, вызванный непокорностью и независимостью Ливен, а также несмотря на отвращение к режиму Июльской монархии, государь поступил как весьма рациональный политик. Он понимал, что, находясь в Париже на легальном положении и обретя некоторую стабильность, княгиня могла быть ему полезной, учитывая ее высокий авторитет во французских и европейских политico-дипломатических кругах. Действительно, пребывание Ливен в Париже было в определенной степени фактором, стабилизировавшим весьма непростые отношения России и Франции. Понимая, что сближения между странами достичь невозможно, княгиня прилагала усилия, чтобы сформировать объективное представление о Франции как о стране, обуздавшей рево-

Т. Райт. Портрет
императора
Николая I.
Акварель
1844 года

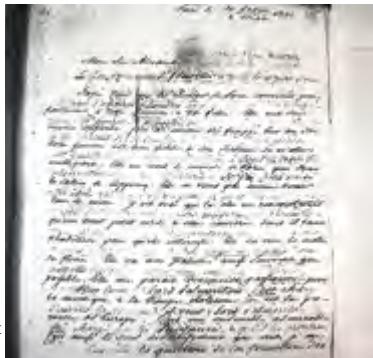
ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Портрет императрицы Александры Федоровны. Из книги Н.К. Шильдера «Император Николай Первый. Его жизнь и царствование»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Шифрованное письмо
княгини Д.Х. Ливен брату графу
А.Х. Бенкендорфу. Государственный
архив Российской Федерации

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

люцию и не вынашивавшей планов территориальной экспансии в Европе. Она находилась в тесном контакте с поверенным в делах России во Франции Николаем Дмитриевичем Киселевым (с 1841 года вследствие дипломатического инцидента послы граф Петр Петрович Пален и барон Простпер де Барант были отозваны. – **Прим. авт.**). Весьма вероятно, что продуманные, умеренные донесения российского дипломата создавались не без влияния княгини Ливен.

ОТ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КО ВТОРОЙ ИМПЕРИИ

Восемнадцать лет правления короля Луи-Филиппа закончились очередной революцией. Утром 23 февраля 1848 года, как только в Париже начались волнения, княгиня покинула свои апартаменты, сообщив прислуге, что вернется к обеду. Однако на улице Сен-Флорантен она больше не

появилась. Опасаясь разнозданной толпы, Дарья Христофоровна полторы недели скрывалась у своих друзей, после чего под видом супруги английского художника Роберта выехала в Англию. В ее платье были защиты золото и драгоценности. Гизо, отправленный 23 февраля в отставку, к тому времени уже был в Лондоне.

В столице Туманного Альбиона Гизо и Ливен задержались недолго, переехав оттуда в Ричмонд, где жили в уединении. А потом перебрались в Брайтон. Здесь к благородным изгнанникам присоединился и давний возлюбленный княгини Ливен князь Меттерних, бежавший из охваченной революцией Вены вместе со своей третьей женой, графиней Мелани Зичи. Былые обиды и разочарования остались в прошлом; прежние политические противники и бывшие влюбленные встречались, можно сказать, в тесном семейном

Н.Д. Киселев,
российский
дипломат,
поверенный
в делах России
во Франции

кругу. Княгиня оставила интересные наблюдения о князе Меттернике и его супруге. Она писала барону де Баранту: «Я видела супругов Меттерних. Она толста, вульгарна, добра, держит себя просто, естественно; он спокоен, но очень неподвижен, тяжеловесен, очень скучен, когда говорит о самом себе и своей непогрешимости, и очарователен, когда говорит о прошлом, в особенности об императоре Наполеоне».

Княгине не терпелось вновь оказаться в Париже, она надеялась, что и при новом режиме сможет сдержать салон. Наконец, пребыв 18 месяцев в Англии, в конце октября 1849 года Ливен и Гизо вернулись во Францию. Несмотря на то, что Гизо был не у власти и было очевидно, что он больше не окажется на вершине политического олимпа, Дарья Христофоровна сумела сохранить свое влияние в дипломатических кругах и вскоре вернулась к привычному для нее образу жизни. На ее воскресные приемы съезжались знаменитые политики и дипломаты. Гизо, как и прежде, приезжал первым и уезжал последним.

Как и предполагала Ливен, век республики оказался недолог. С осени 1850 года президент республики принц Луи-Наполеон Бонапарт, племянник императора Наполеона, уже не скрывал, что стремится к восстановлению империи. 2 декабря 1851 года под предлогом защиты республики он осуществил государственный переворот. Уже на следующий день Ливен, стремившаяся получать сведения из первых рук, открыла свой салон победителям. Чтобы принимать их, необходимо было обладать большой ловкостью и умением. Она оказалась на высоте: и победители, и побежденные одинаково ухаживали за ней и миролюбиво беседовали в ее салоне. Несмотря на то, что по новой конституции, обнародованной 14 января 1852 года, устанавливался 10-летний срок исполнения президентских полномочий, уже 2 декабря того же года Вторая республика прекратила су-

Ф.-У. Уоледж.
Брайтон.
1840 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Ф.-К. Винтерхальтер.
Наполеон III Бонапарт

ществование. Принц-президент Бонапарт был объявлен императором Наполеоном III. Во Франции был установлен режим Второй империи.

В эти годы княгиня продолжала играть важную роль в светской, а значит, и в политической жизни Франции. Незадолго до брака Луи-Наполеона с испанкой Евгенией Монтихо граф Огюстен де Морни, сводный брат императора, настоял на встрече Евгении с Ливен. Будущая императрица последовала его совету, посетила салон княгини Ливен и долго после этого вспоминала «высокую, худощавую, сухую и чопорную старуху». Влиятельный политик тех лет, герцог де Броль, присутствовавший при встрече, писал: «...все взоры были обращены на нее, хотя она не была еще официально объявленной невестой принца. Но когда я увидел, что хозяйка дома поместилась на низеньком стуле подле дивана, на который усадила юную красавицу, то я понял, что выбор принца сделан и что мне следует как можно скорее засвидетельствовать ей свое почтение, дабы не затеряться в толпе царедворцев, вероятно, сделавших то же самое наблюдение».

С императором Наполеоном III княгиня связывала надежды на сближение России и Франции. «Его принципы согласуются с нашими. Его идеи сильной власти... не являются ортодоксальными. Он имеет расположение

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Ф.-К. Винтерхальтер. Императрица Франции Евгения.
1854 год

«ВОЙНА КАЖЕТСЯ ОДНОВРЕМЕННО НЕИЗБЕЖНОЙ И НЕВОЗМОЖНОЙ»

В исторической науке сформировалось не вполне корректное представление, что на склоне лет проницательность изменила княгине Ливен, что она не сумела объективно оценить расстановку сил накануне Крымской войны, ошибочно полагала, что Франция не будет воевать против России, и неверно информировала Николая I, воздействуя в том же духе на Н.Д. Киселева.

Такой подход требует серьезного пересмотра. Документы, содержащиеся в Государственном архиве Российской Федерации, в значительной степени позволяют реабилитировать позицию Ливен. Из ее писем императрице Александре Федоровне 1852–1854 годов вовсе не следует, что она потеряла чувство реальности, была настроена излишне оптимистично и в итоге «проморгала» начало Крымской войны. Весной 1853 года Дарья Христофоровна писала императрице каждый день, и это подтверждает ее понимание всей сложности и серьезности ситуации.

Другое дело, что княгиня искренне надеялась, что войны удастся избежать, и именно эту надежду и видел в ее письмах император Николай. Но сама Дарья Христофоровна сохраняла трезвость мысли и способность к объективному анализу. Весной 1853 года она писала, что «беспокойство, паника охватывает общественность. Война кажется одновременно неизбежной и невозможной». Из ее писем никак нельзя сделать вывод, что она недооценила всей сложности ситуации, находилась под впечатлением миролюбивых заявлений графа Морни, не видела франко-английского сближения и объединения против России. Но ситуация была действительно неопределенная, подразумевавшая разные варианты разрешения конфликта, и это все очень точно было подмечено княгиней. В сентябре 1853 года они писала: «Всегда Восток, то есть

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Французский
marshal Жан-
Жак Пелисье
(1794–1864).
Крым. 1855 год

всегда неопределенность». Даже после занятия Россией Дунайских княжеств Наполеон III все еще колебался в принятии окончательного решения по вопросу о линии поведения в отношении северной империи.

Начавшаяся Крымская война вынудила княгиню покинуть Францию. Она уехала в Брюссель. В Париж она вернулась только 1 января 1855 года благодаря ходатайству графа Морни: французские власти опасались, что княгиня будет интриговать в пользу России. Действительно, английский политик лорд Холланд писал из Парижа за несколько дней до начала работы мирного конгресса: «Тут ждут всевозможной интриги; Бруннов (барон Филипп Иванович Бруннов – в те годы посол России в Великобритании. – Прим. авт.), Морни и Ливен совещаются часами».

«Мир для нее – это большая радость, – писал Гизо о реакции Ливен на мирные переговоры. – Она нуждается в душевном покое; все, что произошло за эти два года, ее сильно потрясло и подточило ее здоровье. Мир должен вернуть ей спокойствие».

«БЛАГОДАРЮ ВАС ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПРИВЯЗАННОСТИ, ЛЮБВИ И СЧАСТЬЯ»

Однако княгине недолго пришлось пользоваться благами спокойной жизни. В январе 1857 года она заболела бронхитом, который быстро принял тяжелую форму. В ночь с 26 на 27 января она умерла на руках Гизо и сына Павла. Старший сын, Александр, приехал из Италии уже после смерти матери. Через час после ее смерти Павел Ливен передал Гизо письмо, написанное накануне карандашом. «Благодарю вас за двадцать лет привязанности, любви и счастья», – писала она. Ливен завещала Гизо 8 тысяч франков ежегодной пожизненной ренты и карету. Княгиня часто говорила своему другу: «Я не жалею, что вы не богаты, мне это даже нравится. Но я не могу примириться с тем, что у вас нет кареты».

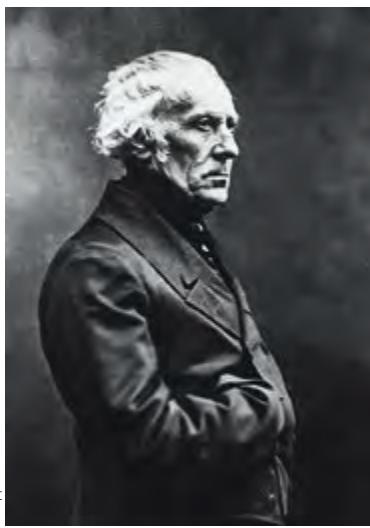
ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Портрет
Д.Х. Ливен
работы
М. В. Делисер

Перед смертью она выразила желание, чтобы ее тело было перевезено в Курляндию и погребено рядом с ее сыновьями в семейном склепе, в их родовом имении Межотне, недалеко от Митавы (ныне – Елгава на территории Латвии). Княгиня была похоронена в черном бархатном платье фрейлины российского императорского двора и княжеской короне, с распятием из слоновой кости в руках. Семейный склеп Ливен был разрушен в XX веке, сохранились лишь надгробия могилы Христофора Андреевича и сына Артура.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Франсуа Гизо.
Париж. 1869 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Дом №2 по улице Сен-Флорантен в Париже, в котором с 1837 по 1857 год проживала княгиня Ливен

Франсуа Гизо пережил Дарью Христофоровну на семнадцать лет. К политической деятельности он так и не вернулся, занимался написанием «Мемуаров» и работ, посвященных религиозным проблемам. Умер Гизо 12 сентября 1874 года в своем имении Валь-Рише в возрасте 86 лет, пережив многих своих близких друзей. «Надо служить Франции, надо ей честно служить, это великая страна» – таковы, по легенде, были его последние слова.

* * *

Княгиня Дарья Христофоровна Ливен была одной из ключевых фигур европейской закулисной политики и дипломатии первой половины XIX века. Ее главной страстью, любовью всей ее жизни была политика, которую, по ее собственным словам, она «любила гораздо больше, чем солнце».

За ней закрепилась слава шпионки и интриганки. Однако ее интриги приносили пользу Отечеству. Чистокровная немка, лютеранка, человек западного склада ума и образа жизни, она всегда оставалась русской по духу. Девизом всей жизни княгини Ливен можно считать ее слова из письма графу Чарльзу Грею: «Не сердитесь же на Россию и на меня, ибо вы прекрасно знаете, что я не могу не быть русской».

Великий
князь Алексей
Александрович.
Гравированный
портрет 1870 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

СОЖЖЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

ТРУДНО БЫТЬ БИОГРАФОМ, ОСОБЕННО ЕСЛИ ТЫ МАЛО ОЗАБОЧЕН ИСТИННЫМ ОБЛИКОМ СВОЕГО ПЕРСОНАЖА И СКЛОНЕН ПРИДАВАТЬ ЕМУ ФОРМУ «ХОРОШЕГО» ИЛИ «ДУРНОГО» ЧЕЛОВЕКА. В ЭТОМ СЛУЧАЕ ОН ТАК И ОСТАНЕТСЯ НЕЗНАКОМЦЕМ – ТЕМ БОЛЕЕ ЕСЛИ НЕ ВИДЕТЬ ПОДСПУДНО НАЗРЕВАЮЩИХ, НО СКРЫТЫХ ОТ МИМОЛЕТНОГО ВЗГЛЯДА ВЕЛИКИХ СОБЫТИЙ, КОТОРЫЕ В ИТОГЕ ВЛИЯЮТ НА ИСТОРИЮ НАМНОГО СИЛЬНЕЕ, ЧЕМ ТЕ, ЧТО ЛЕЖАТ НА ПОВЕРХНОСТИ. НО КАК РАСПОЗНАТЬ ИХ ЗНАЧИМОСТЬ В СУДЬБЕ ЧЕЛОВЕКА? ВЕДЬ ЧАЩЕ ВСЕГО ПРИВОДИМЫЕ БИОГРАФАМИ ПОДРОБНОСТИ ГОВОРЯТ ОБО ВСЕМ И НИ О ЧЕМ! ОДНАКО НЕКОТОРЫЕ НЕОЖИДАННЫЕ ДЕТАЛИ, НАПОДОБИЕ ЛИЧНОГО «ЖУРНАЛА», КОЕ-ЧТО ПРОЯСНЯЮТ.

ЧИТАЕШЬ ДНЕВНИК великого князя Алексея Александровича и все время словно бы спотыкаешься. Трудно представить, что вел его августейший принц, которому, казалось бы, все дано от рождения. И уж детство его и юность должны быть преисполнены счастьем, радостью и безмятежностью. Однако приходится разочаровываться: реальность и ожидания оказываются на разных полюсах. Вот строки последних страниц дневника. Шел 1872 год, великий князь на фрегате «Светлана» находился в кругосветном плавании: «Странно то, что обыкновенно всякому человеку оставляет детство хорошие воспоминания, а мне, напротив, я не люблю свое детство, для меня оно как-то тяжело прошло, что-то грустное лежит на нем. Я мало был с родителями, я никогда не имел друзей. Я никому не мог излить души своей, никому не мог передать свои задушевные мысли и чувства». И далее: «Во-первых, служба моя, т.е. морская, мне дала совершенно другой и более обширный круг действий, чем братьям. Познакомила меня с всевозможными людьми и обществом; заставила привыкнуть к опасностям и трудностям, которые малоизвестны, т.е. даже не известны тем, которые не служили во флоте. Во-вторых, другие обстоятельства жизни, сделавшие ее оригинальной, хотя в настоящую минуту очень грустной. Не дай Бог кому-нибудь перенести через то, что я в последнее время перенес, даже врагу своему не пожелаю этого. Боже, что я предстрадал в последнее время, да и не в последнее время, а в продолжении 4-х лет. Сожалею я, что не умею хорошо писать, а то бы...

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ва Беггров поступил вольнослушателем в Академию художеств и быстро выдвинулся в ряды известных русских художников. В 1876 году он стал членом Товарищества передвижников, а в 1878-м – художником Морского министерства. И остался любимцем своего августейшего покровителя Алексея Александровича, вместе с которым в 1871–1873 годах совершил круизовое плавание на фрегате «Светлана». Великий князь высоко ценил таланты Беггрова – первоклассное знание морского дела, отточенную технику, композиционное чутье и строгость в деталях – и пожелал, чтобы полотна мариниста украшали апартаменты его Алексеевского дворца.

Сегодня установить состав художественной коллекции великого князя непросто: многое было распродано с молотка после смерти Алексея Александровича или конфисковано революционными властями. Утратив провенанс, они растворились в собраниях и запасниках музеев. И на некоторых из них стоит подпись Беггрова: «Крейсер «Светлана», «На палубе крейсера «Светлана», «Исаакиевский собор при лунном освещении», «Главный морской штаб», «Царский смотр»...

Отдыхая в глубоком вольтеровском кресле в окружении любимых своих марин, великий князь Алексей Александрович вновь и вновь возвращался в страшный сентябрь 1868 года. Среди приобретенных им полотен были работы блистательного пейзажиста Арсения Ивановича Мещерского, который также посвятил одну из своих картин гибели «Александра Невского». Его акварели, вместе с произведениями ученика Айвазовского Льва Феликовича Лагорио и художника Морского министерства Леонида Демьяновича Блинова, составляли ядро близких сердцу Алексея Александровича картин с образами воды: безмятежными озерами, тихими водоемами посреди леса, водами Невы,

ЮТЛАНДСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Алексей Александрович словно бы исповедовался, доверяя «журналу» сокровеннейшие мысли. Подобная манера была ему свойственна, и иногда, в кануны дней рождения, он подводил итоги «дням прошедшем». Но в 1872 году «итоги» эти преисполнены драматизма. И, размышляя о своей военно-морской службе, ее превратностях, тяготах и опасностях, великий князь, возможно, вспоминал страшные минуты, которые испытал в ночь с 12 на 13 сентября 1868-го при крушении у берегов Ютландии винтового фрегата «Александр Невский». Отказавшись уйти с тонущего корабля на первой шлюпке с «больными, старшим штурманским офицером с картами и журналом, ревизором с денежным сундуком и шнурными книгами», Алексей Александрович до последнего момента рубил мачты и занимался устройством спасательных плотов. Согласился он покинуть фрегат, только убедившись, «что есть надежда спасти и других». Наконец вместе со своими наставниками Феодосием Веселаго и Николаем фон Шиллингом он добрался до берега, а «люди, бывшие на верхней палубе и занятые устройством плотов, поднявшись на сетки, следили за катером, и когда увидели великого

князя на берегу, сняли шапки и перекрестились».

Свидетелем гибели «Александра Невского» оказался прaporщик Корпуса инженер-механиков Александр Карлович Беггров, сын известного акварелиста Карла Иоахима Беггрова, прямо на берегу набросавший зарисовки увиденного. Их внимательно изучал учитель рисования великого князя, Алексей Петрович Боголюбов, тогда и отметивший талант молодого инженера. Несмотря на разницу в возрасте, их связала тесная дружба: в начале 1870-х по протекции Боголюбова

А.П. Боголюбов. Гибель фрегата «Александр Невский» (Дневной вариант). 1868 год

Император Александр II с сыновьями великими князьями Александром, Алексеем и Владимиром. 1865 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

в которых отражалась Биржа, заливами и бурными штормовыми стихиями под иссиня-черными тучами.

Взгляд великого князя невольно останавливался на парных «жемчужинах» его собрания, принадлежащих кисти Боголюбова. Художник услышал о гибели «Александра Невского» на одном из вечеров у цесаревича: «Фрегат раскатало вдребезги, но его высочество благополучно спасся от гибели. Событие это по приказанию государя императора я написал в двух картинах, составляющих собственность генерал-адмирала. Это – «Выход великого князя из катера в бурунах» и «Благодарственный молебен вечером после крушения на берегу». Для этого я отправился в Данию, где написал этюды местности и бурунов, а фрегат уже видел по частям, выброшенный на берег». Сегодня картины Боголюбова называются «Гибель фрегата «Александр Невский» (Дневной вариант) и «Гибель фрегата «Александр Невский». Вид ночью». Обе хранятся в коллекции Центрального военно-морского музея в Санкт-Петербурге, куда поступили из музеиного фонда Отдела охраны памятников искусства и старины в 1921 году. Согласно описи, они назывались «Крушение крейсера «Александр Невский» и «Крейсер «Александр Невский» в ночное время» и оценивались в 2000 и 1600 рублей соответственно.

Так, у побережья Дании, великий князь Алексей неожиданно повторил судьбу Петра Великого. Летом 1694 года на пути из Архангельска к Соловкам царь едва не погиб, попав в страшный шторм. Его «Святой Петр» чуть не пошел ко дну: соловецкий стрелец Антип Панов чудом провел судно меж камней в Унскую губу, поставив его на якорь возле скита соловецких чудотворцев – преподобных Вассиана и Ионы Пертоминских. В благодарность за спасение Петр пожаловал деньги Пертоминскому монастырю и,

А.К. Беггров.
Нева. Вид на
Исаакиевский
собор. 1883 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

А.П. Боголюбов.
Благодарственный молебен
вечером после
крушения на
берегу [Гибель
фрегата «Александр Невский»].
Вид ночью.
1868 год

собственноручно срубив трехметровый сосновый крест, на спине донес его до того места, где вышел на берег. На кресте на искаженном голландском была сделана надпись: Dat kruys maken kaptein Piter van a. Cht. 1694 («Крест сей поставил капитан Петр в год Господень 1694»). А затем, словно желая подчеркнуть сакральную связь между чудесным избавлением «Святого Петра» от бури и превращением замкнутого Московского царства в подлинную морскую державу, царь Петр возглавил первую конвойную операцию военного флота, выйдя со своим флагманским 40-пушечным кораблем «Святое Пророчество» в Северный Ледовитый океан.

АРКТИЧЕСКОЕ ПЛАВАНИЕ

И вот спустя почти два века история повторялась! Только теперь в Северный Ледовитый океан направился великий князь Алексей Александрович, став первым после Петра Великого представителем династии Романовых в Арктике. И вновь, как и в конце XVII века, движение на Север определяла геополитика, военно-стратегические интересы и наука.

Смягчение климата и улучшение ледовой обстановки в середине XIX века привели к резкой активизации полярных плаваний, и в частности подтолкнули в воды Арктики многочисленных норвежских промышленников. Из незамерзающих фьор-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

дов, омываемых нордкапской ветвью теплого Гольфстрима, норвежцы весной выходили к новоземельским зверобойным промыслам, опережая русских промысловиков, вынужденных дожидаться схода льда в горле Белого моря и прибывавших к местам добычи, когда распутанный норвежцами зверь уже покидал здешние воды. Важным оставался и вопрос об открытии северо-восточного прохода, безуспешные поиски которого заставили русское правительство отказаться от широкомасштабных исследований в Северном Ледовитом океане, что «на несколько десятков лет задержало осуществление морского пути в Обь и Енисей».

Между тем в 1870-е годы эпопея полярных плаваний вступала в новую технологическую fazу. Получив финансирование от русских промышленников Михаила Сидорова и Александра Сибирякова, совершили плавания по Карскому морю к устьям Оби и Енисея британец Джозеф Виггинс и швед Эрик Норденшёльд. В 1871–1874 годах произошло открытие Австро-Венгерской экспедицией Карла Вайпрехта и Юлиуса Пайера архипелага Земля Франца-Иосифа, гипотетически обнаруженного наставником великого князя бароном Шиллингом. В 1881 году Джордж Де-Лонг поднял американский флаг над северо-восточной частью Новоси-.

Австро-
Венгерская
экспедиция
Карла Вайпрехта
и Юлиуса
Пайера,
открывшая
Землю Франца-
Иосифа

Карта
путешествия его
императорского
высочества
великого
князя Алексея
Александровича
в 1870 году

Г. фон Розен. Зимовка барона Нильса
Адольфа Эрика Норденшёльда
в Арктике. 1886 год

бирского архипелага (острова Де-Лонга). В борьбе за Арктику все более отчетливо обнаруживалось влияние геополитики. В марте 1862 года, после упразднения Архангельского главного военного порта и сокращения базировавшихся на Севере военно-морских сил, обнажился северный рубеж российских границ. «Какое влияние может произвести на торговое мореходство жителей этого края отсутствие военной морской силы на Белом море? Не породит ли это в нравственном отношении между здешними поморами опасения в беззащитности своего положения и недоверия в спокойном плавании в открытом море? И не последует ли упадок в развитии нашего торгового флота, когда из опасения плавания в открытом море поморы ограничатся прибрежным лишь плаванием?» – почти за год до этого спрашивал гражданский губернатор Николай Иванович Арандаренко в письме, адресованном главному командиру Архангельского порта вице-адмиралу Константину Ивановичу Истомину. Слова эти остались тогда «гласом вопиющего в пустыне»: к началу 1870-х годов судовой состав Российского флота на Белом море насчитывал две парусно-винтовые шхуны «Полярная звезда» и «Бакан»,

ПРЕДОСТАВЛЕННО НА ЗАПОТАДЕВОЙ

используемые для снабжения здешних маяков.

Положение дел на Севере стало настолько критическим, что в Петербурге наконец проявили обеспокоенность. Прежде всего будущим морских территорий между норвежской границей с одной стороны и Новой Землей и Печорой – с другой. Беспокойство заставило Петербург задуматься о создании военно-морской базы на Русском Севере. Первым шагом в осуществлении новых планов должна была стать научная экспедиция «обширных размеров» в русские полярные моря к северо-востоку от Новой Земли и Карского моря, цель которой была обозначена предельно четко: «обозреть возможно большее пространство Ледовитого океана». В 1870 году военная эскадра кораблей Балтийского флота (корвет «Варяг», клипер «Жемчуг», шхуна «Секстан») под флагом вице-адмирала Константина Николаевича Посыета направилась к берегам Новой Земли. Масштабность плавания определялась фигурой его главного участника – великого князя Алексея Александровича, который вместе со своим штабом (архангельский губернатор Н.А. Качалов, академик А.Ф. Миддендорф с группой ученых) должен был заявить права Российской империи на воды Арктики и продемонстрировать всему миру, что полярные воды входят в ее сферу влияния.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫЙ

Корвет «Варяг». Путешествие великого князя Алексея Александровича на Север. Гравюра из «Всемирной иллюстрации». 1870 год

Плавание состояло из двух частей – речной и морской. В июне великий князь отправился из Петербурга на пароходе «Десятинный», пройдя Ладожское, Онежское, Белое и Кубенское озера. С 3 июля по 10 сентября состоялась морская часть экспедиции: Белое, Ледовитое (Баренцево), Немецкое (Северное) и Балтийское моря. В этом трудном плавании было немало запоминающихся эпизодов. Многое из увиденного на берегах Белого моря заставило великого князя по-новому смотреть на свою страну, узнать ее природу, видеть, как и чем живут люди. В Холмогорах, например, под впечатлением показанных ему быков и коров голландской породы, выращенных местными жителями, великий князь пожертвовал 300 рублей на покупку телят и

их безвозмездную раздачу крестьянам. А попробовав сыры и масло с местного, первого в Архангельской губернии завода купца Седельникова, наградил сыровара драгоценным перстнем. Приехав в Денисовку, откуда происходил Ломоносов, Алексей Александрович распорядился выдать 400 рублей на постройку собственного здания для школы, в которой когда-то обучался грамоте русский ученик. Архангельск также не оставил его равнодушным: он посетил местный музей, раздавал призы на Соломбальской гонке гребных судов, беседовал с семейством корелов из Кемского уезда, дивился особенностям быта лопарей и самоедов, раздал более 3 тысяч рублей различным учебным заведениям, библиотекам, приютам, косторезам, меховщикам, фотографу,

Село Сороки. Фото С.М. Прокудина-Горского. 1916 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫЙ

ца-девушки встали и с поклоном обратились к великому князю, что просят и их так же устроить, и на их счет отдано приказание старшине и пожаловано на приданое каждой по 100 рублей, чем были все осчастливлены».

Но девушки оказались не промах и ответственно подошли к визиту августейшего принца. Воспользовавшись тем, что великий князь отправился на осмотр местного лесопильного завода, они явились на прием к губернатору и заявили: великие князья бывают в их краях редко, а устроены только четыре свадьбы, а нужно бы десять. Алексей Александрович рассмеялся – уж больно пригожи были невесты – и, конечно, не стал мелочиться: десять так десять!

Далее эскадра двинулась к Новой Земле и вошла на Малокармакульский рейд; на берегу провели службу с участием судового церковного хора и установили деревянный крест с памятной доской. Перед участниками церемонии предстала совершенно незнакомая, спавшая девственным сном российская земля: «очень грустная, местность ровная с небольшими плоскими возвышенностями, деревьев и зелени положительно нет, во многих местах виден снег, а деревянные кресты, поставленные по берегам промышленниками... придают местности вид унылый и наводящий грусть. И это в лучшее время года, когда природа украшает землю всеми своими дарами при тихой и возможно ясной погоде». Под впечатлением от увиденного великий князь распорядился доставить на побережье Костиного Шара деревянную избу для промышленников, а спустя некоторое время на Новую Землю был впервые установлен российский флаг.

Фактически Россия делала первые шаги для возвращения к геополитическому, военному и научному освоению Полярного Севера. Как отмечалось в специальном обзоре Русского географического общества, возвращение в Арктику под патронатом «августейшего почетного члена

часовым, пожарной команде, гребцам, кучерам, офицерам. Своего рода культурной кульминацией северного похода Алексея Александровича стало посещение селения Сорока на Соловецких островах. Добраться до места можно было, только преодолев 8 верст по мелководью, и здесь гостей ждал сюрприз: на шлюпках сидели гребцы-девушки. Прибывшим из далекого Петербурга было невдомек, что поморские женщины были привычны к плаванию по морю и на своих карбасах осуществляли все пассажирское сообщение по морю. «На нашем катере были подобраны более сильные и красивые девушки, и в особенности одна загребная работала молодцом, – вспоминал архангельский губернатор Николай Александрович Качалов. – Я спросил ее имя, сколько ей лет, и когда она отвечала, что более 20, то я спросил ее, почему она не замужем, и она смело отвечала, оттого, что бедна и у нее нет приданого. На вопрос мой, в чем должно состоять удовлетворительное приданое, она подробно перечислила, и по примерной оценке это составило около 100 рублей. Я обратился к старшине с упреком, что из-за ста рублей бракуют такую невесту, тогда как такая хозяйка принесет несравненно больше пользы мужу и

вообще хозяйству. Простоватый старшина отвечал, что на этот счет он никаких приказаний не получал, на что ему отвечал, что приказываю ему осенью отыскать приличного жениха, а великий князь, вероятно, не откажется пожаловать на приданое 100 рублей. Великий князь на это согласился, девушка благодарила. По прошествии некоторого времени остальные три греб-

Прибытие великого князя Алексея Александровича в Архангельск. Гравюра из «Всемирной иллюстрации». 1870 год

Крестьянка Архангельской губернии в свадебном наряде. Фото из альбома «Типы и виды Архангельской губернии». 1887 год

нашего» открывало «начало нового периода в истории исследования нашего Севера, почти забытого со временем славных экспедиций Литке, Рейнеке и академика Бэра».

Однако слова оставались словами, и многие из участников экспедиции понимали, что за былые просчеты политиков придется платить дорогой ценой и автоматически восстановить державный авторитет и морское могущество не удастся. В этом они лишний раз убедились на обратном пути в Европу, когда, огибая Кольский полуостров, подошли к побережью древней Биармии – стаинным землям лопарей. Остановились в водах приграничного Пазрекского погоста, составлявшего когда-то собственность Печенгского монастыря. Один берег принадлежал Норвегии, другой – России. «На норвежском береге выстроены две хорошие каменные кирхи, дома для пасторов, разведены садики и вообще приличная обстановка, – описал увиденное Качалов. – Наша же церковь расположена на реке в четырех верстах от залива, куда отправились на катерах. Приближаясь, мы услышали звон церковного колокола, но это был звон разбитого колокольчика, употребляемого ямщиками. На берегу нас встретил священник в старенькой ризе, с деревянным крестом, сконфуженный и, видимо, забитый нищетой. Церковь была двухсаженная, бревенчатая старая холодная постройка, накрытая на сторону досками, как покрывают крестьянские хлева. Иконостас и все церковные принадлежности соответствовали наружности. Затем осмотр помещения священника довершил безобразие, помещение состояло из тесной землянки, в которой невозможно было стать во весь рост. Прихожане этой церкви состояли из лопарей, которые были убеждены, что Россия – очень ничтожное государство, несравненно слабее Норвегии, и поэтому были удивлены появле-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Церковь Бориса и Глеба на Мурманском берегу [из альбома великого князя Алексея Александровича]. Гравюра из «Всемирной иллюстрации». 1870 год

Семейство лопарей. Фото из альбома «Типы и виды Архангельской губернии». 1887 год

нием целой эскадры с великим князем во главе и с большой парадной обстановкой».

Великий князь, конечно, одарил священника подарками и деньгами. По распоряжению Синода в Архангельске подготовили материалы для строительства новой церкви и двух домов, перевезли их на место, назначив священнику жалование в 700 рублей.

Однако экспедиция еще не вернулась в Петербург, а geopolитический вектор уже сместился. На рейде в Копенгагене великий князь узнал последние новости из Европы: французская армия потерпела поражение под Седаном, император Наполеон III попал в плен. Следую-

щий шаг не заставил себя ждать: Россия потребовала отменить унизительные статьи Парижского договора и приступить к восстановлению Черноморского военного флота. Все проекты, с которыми великий князь вернулся в Зимний дворец – введение форта на Мурмане, строительство канала, соединяющего Белое море с Онежским озером (прообраз Беломорско-Балтийского канала), реконструкция Соломбальских верфей – постепенно спускались на тормозах. Арктика откладывалась на неопределенную перспективу. Юг выходил на первый план! Но и здесь для великого князя неожиданно открылось новое направление.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

КРЕЙСЕРСКАЯ ВОЙНА

Зимой 1854 года, в разгар Крымской войны, адъютант дежурного генерала Главного морского штаба капитан-лейтенант Алексей Степанович Горковенко, командированный в Северо-Американские Соединенные Штаты, представил генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу записку: «О гибельном влиянии, какое имело бы на торговлю Англии появление в Тихом океане некоторого числа военных крейсеров наших, которые забирали бы английские купеческие суда около западных берегов Южной Америки, в водах Новой Голландии и Китайских». Основная идея автора заключалась в том, что пора переходить к наступательной стратегии ведения боевых действий и начать *Commerce Destroy* – крейсерскую войну на торговых коммуникациях Великобритании, открыв ее в США. Для этого необходимо приобрести в Сан-Франциско несколько клиперов, «отлично-хороших ходоков, во всех отношениях способных к такому крейсерству», укомплектовав их экипажами с фрегатов вице-адмирала Путятина, находившихся на Камчатке. Горковенко был убежден, что «первое известие о взятых нашими крейсерами английских торговых судах произведет сильное действие на Лондонской бирже, цена страхования судов возвысится непомерно, все товары будут отправляться на американских судах, и английское торговое судоходство в Тихом океане уничтожится. Те же самые крикуны, которые теперь требуют войны, попросят мира, тем более что поймать наши крейсеры на пространстве океана будет делом почти невозможным, как бы многочисленны ни были военные суда, для того отряжаемые из Англии и Франции».

К идеям Горковенко вернулись в разгар Восточного кризиса 1870-х годов. Застрелщиком выступил будущий герой Русско-турецкой войны, коман-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Николай
Михайлович
Баранов
(1837–1901)

дир прославленного парохода «Веста» и губернатор Нижнего Новгорода капитан-лейтенант Николай Михайлович Баранов, опубликовавший в феврале 1877 года в журнале «Голос» статью о военно-морских силах России. Сравнив возможности России и Европы, Баранов пришел к выводу, что отсутствие русской морской торговли таит в себе огромные преимущества, так как ее фактически не нуж-

Великий
князь Алексей
Александрович.
1871–1872 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

но защищать. В противоположность этому «ахиллесовой пятой» наших морских противников» являются колонии, большая населенность берегов и широко развитая морская торговля. По мнению Баранова, не воспользоваться подобной «уязвимостью» противника «было бы более чем преступлением». А для этого ничто так лучше не подходит, как крейсерская война. Базы русского флота должны базироваться в мирное время на Тихом океане и по первому знаку из Петербурга быстрые военные крейсера должны «разнести ужас... по всем направлениям главных морских торговых артерий и таким образом наш флот военный находился бы всегда в тылу наших врагов».

Сходные мысли высказывал и граф Павел Иванович Кутайсов, в 1871 году служивший военным агентом в Лондоне. «Нельзя не заметить, – писал граф, – что Англия с удивительным постоянством является помехой во всем, что касается России, и что у России нет злайшего врага, как Англия, всегда и везде преследующего в своих политических действиях одни личные интересы и коварные цели, не стесняясь никакими нравственными началами и никакими правилами справедливости или добросовестности». При ведении военных действий «она не стесняется... никакими филантропическими принципами, а бомбардирует, жгет и грабит беззащитные приморские города». Есть лишь одно средство, способное обуздать «этую грубую, не признающую никаких принципов силу», – выдача капрерских свидетельств, запрещенных Парижской декларацией 1855 года, присоединившись к которой Россия лишила себя вернейшего способа ведения международной политики. Следует отказаться от этих дипломатических химер и постоянно держать в океане свои боевые корабли. Одно их присутствие «избавит нас не от одной войны» и будет способствовать подъему политического веса России.

По мнению автора еще одной «Записки неустановленного лица о противоречиях Англии и России на Балканах и о необходимости усиления русского флота», российское правительство должно принять решительные меры к будущей крейсерской войне. Для начала – избрать кружок надежных лиц, «на патриотизм которых оно может рассчитывать», независимых от морского ведомства, или предоставить «достаточные нравственные гарантии относительно независимости их суждений». В состав этого «Правления отечественного мореходного общества» должны войти специалисты по морскому делу, «по производительности государства», по финансам, международному праву и торговле, представители русского капитала. Построив «наилучшие современные типы наибыстроходящих морских судов, которые должны бороздить моря всего мира между Кронштадтом, Владивостоком и Николаевом на Черном море», Россия будет готова противостоять «владычице морей» Великобритании. В случае угрозы войны необходимо секретно направить на германских пароходах в Северо-Американские Соединенные Штаты «30 избранных морских офицеров и 50 унтер-офицеров». Старший из них приобретет четыре-шесть готовых коммерческих пароходов, «обладающих хорошим ходом и, по возможности, соответствующих требованиям морских крейсеров» и одновременно закажет еще шесть судов, «вполне отвечающих условиям их будущей службы назначению». Приобретенные пароходы будут укомплектованы посланными в Америку офицерами и командами, а также командой клипера «Крейсер», ныне находящейся в Северо-Американских Соединенных Штатах, и начнут свою службу: «...или военное крейсерство против английской торговли, или русских компанийских судов для развития русской морской торговли». Следя прогнозам автора, уже через месяц со дня издания указа о начале крей-

Леонид Павлович Семечкин (1830–1889), русский морской офицер и теоретик кораблестроения, разработал первый теоретический и практический план крейсерской войны на вражеских морских путях

той или иной партии, временно правящей Великобританией». Итог будет плачевен для Великобритании: в мирное время она окажется лишена нескольких миллионов из числа тех, что получает за перевозку наших товаров своими судами, а в военное время будет знать, что «война с Россией есть слишком опасная и дорогая прихоть, которой, при всем своем богатстве, Англия не будет в состоянии себе позволить».

Судя по тому, как разворачивались события, планы крейсерской войны были в шаге от реализации. Исходя из враждебности Великобритании и США, не изжитой со времен Войны за независимость и Гражданской войны в Америке, российское правительство решило использовать территорию Северной Америки как плацдарм для подготовки крейсерской войны. Главным действующим лицом стал капитан-лейтенант Леонид Павлович Семечкин, адъютант великого князя Константина Николаевича, направленный в Нью-Йорк для приобретения нужных для дела пароходов: State of California, Columbus и Saratoga, переименованных соответственно в «Европу», «Азию» и «Африку». В апреле 1878 года на немецком пароходе «Цимбрия» в США направились участники экспедиции, которые, высадившись в гавани Сауз-Вест-Харбор, слов-

Броненосный крейсер «Шенон», боевой корабль Британского Королевского флота, первый британский броненосный крейсер. 1875 год

серской войны четыре-шесть крейсеров будут во всеоружии «громить английские торговые интересы там, где действительно находится их нервный узел, и англичанам было бы неудобно выдумывать причины к... ограждению своих интересов даже там, где их вовсе не существует и где вопрос о них рождается теперь только благодаря безнаказанности для англичан вмешиваться в чужие дела». Через несколько месяцев после открытия действий на английских коммуникациях, когда будут готовы настоящие крейсера, государь «почувствует в своих руках могучую новую силу, благодаря которой мы навсегда будем обеспечены от бесцеремонности

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

жены с большой опасностью и часто подвергают суда захвату в плен. Возможно ли допустить, писал старый моряк, чтобы два великих князя попали в плен к врагам? Когда письмо это было прочитано, князь Горчаков хотел было поддержать мнение Лесовского, но государь не дал ему высказаться и обратился к наследнику цесаревичу с вопросом: «Скажи прежде других: как ты смотришь на это?» Цесаревич, нимало не задумавшись, обычным своим спокойным тоном ответил, что брату его было бы обидно, если бы у него отняли команду над фрегатом при таких обстоятельствах. Государь обнял наследника, расцеловал его и заплакал. «Спасибо тебе, — сказал он, — что ты так судишь; такое же и мое мнение. Я не сомневаюсь, что все мои дети сказали бы то же. Как ни тяжело отцу подвергать сына опасности, но я уверен, что каждый из моих детей исполнит свой долг честным образом и с радостью. Они должны подавать пример...» и т.д. Государь был так растроган, что несколько времени не мог прочесть отрывки из писем самого великого князя Алексея Александровича, который, описывая неудовлетворительное состояние наших судов, вместе с тем, однако же, выхваливал дух офицеров и матросов и замечал, что больно с такими молодецкими экипажами служить на таких плохих судах».

Великий князь в каюте фрегата «Светлана»

но бы должны были раствориться среди лесорубов Южной Каролины и штата Мэн и в заводях Сент-Джонс Ривер ожидать условного сигнала для начала действий в Атлантике и Тихом и Индийском океанах. Но сигнал не последовал, так как в Петербурге после Берлинского конгресса решили на время отказаться от замыслов крейсерской войны. Но какое отношение к этим событиям имел великий князь Алексей Александрович?

Неожиданный ответ мы получили, обратившись к дневникам военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина (см.: «Русский мир.ru» №9 за 2011 год, статья «Последний фельдмаршал»). Вот его запись от 14 октября 1876 года, в которой описаны планы крейсерской войны в европейских морях: «Военным судам нашим, находившимся в Средиземном море и уже собравшимся в итальянских портах под предлогом сопровождения принцессы Эдинбургской, дано секретное повеление, в случае войны, спешить в океан и действовать в качестве каверов для нанесения возможного вреда английской торговле. В числе этих судов и «Светла-

на», которой командует великий князь Алексей Александрович; с ним же плавает великий князь Константин Константинович. По этому поводу я был сегодня свидетелем трогательного эпизода: во время обычного нашего совещания государь приказал графу Адлербергу прочесть полученное им письмо адмирала Лесовского (С.С. Лесовский — управляющий Морским министерством. — Прим. авт.), который просил дождаться государю, что, по мнению адмирала, крайне неудобно посыпать в крейсерство царского сына, так как действия этого рода сопря

Граф Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912), генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал, военный министр при Александре II

Граф Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912), генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал, военный министр при Александре II

Окончание следует.

ФОМИН ЖРЕБИЙ

АВТОР

ИРИНА ИВИНА [ФОТО АВТОРА]

МАЛЕНЬКАЯ ДЕРЕВУШКА
ГДЕ-ТО В ЦЕНТРЕ
ОСТРОВА ШРИ-ЛАНКА.
В КОМНАТЕ ОБЫЧНОГО
ЖИЛОГО ДОМА ИДЕТ
ПРАВОСЛАВНАЯ СЛУЖБА.
СВЯЩЕННИК И ПЕВЧИЙ
ИЗ РОССИИ. ВОТ-ВОТ
ДОЛЖНЫ НАЧАТЬ ЧТЕНИЕ
ПРИВЫЧНЫХ МОЛИТВ,
НО ВМЕСТО ЗНАКОМОГО
ТЕКСТА НЕОЖИДАННО
ЗВУЧАТ СЛОВА
НА СИНГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ.

ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНЕ появились в Шри-Ланке задолго до прибытия на остров европейских колонизаторов. После чуда Пятидесятницы, когда апостолы, заговорившие на языках разных народов, отправились во все концы света, чтобы нести учение о Господе, Индия по жребию выпала Фоме. Тому самому Неверующему, который пожелал лично убедиться в Воскресении Христа. Пройдя добрых полмира, Фома в Индии мученически окончил свой путь. Но считается, что до этого он успел побывать и в далекой Тапробане – так в древности называли Шри-Ланку.

НА ЗЕМЛЯХ ФОМЫ

На том месте в Коломбо, где, по легенде, проповедовал апостол Фома – прямо за портом, недалеко от шумного бедняцкого района Петтах, – с 1815 года действует первая на острове англиканская церковь St. Thomas church. Колонизаторы возвели ее на месте, где некогда стоял храм других захватчиков – католиков-португальцев. А тот,

Храм
апостола
Фомы
в Коломбо

Внутри храма

в свою очередь, как считают ланкийцы, стоит на фундаменте еще более древней церкви, основанной в VI веке персами-несторианами.

Первые христиане Тапробаны упоминались в исторических документах неоднократно: о них, в частности, рассказывали святой Иоанн Дамаскин и знаменитый византийский купец Козьма Индикоплов. Пишет о них и побывавший на острове в 1154 году арабский географ Абу-Абдуллах-Мухаммад Аль-Идриси, составивший вторую после Птолемея карту мира. А вот в «Книге чудес света» венецианца Марко Поло, прибывшего в Шри-Ланку в конце XIII века, про христиан уже нет ни слова! В XV веке искал их на Цейлоне, где «на горе высокой лежит праотец Адам», и русский путешественник Афанасий Никитин. Но обнаружил лишь буддистов.

Христианство прочно укрепилось на территории современной Шри-Ланки лишь с приходом европейских колонизаторов. Но ни португальцы, ни голландцы, ни англичане не были православными, и эта ветвь христианства еще долго оставалась для островитян совершенно незнакомой. Первая попытка открыть на острове православный приход была предпринята в начале

XX века: тогда в Святейший синод от миссионера Ивана Лопухилова, чаеторговца Трифона Кирилловича Чокова, ставшего впоследствии консульским агентом Российской империи, и других православных русских города Коломбо были поданы соответствующие прошения. Независимо от них действующий вице-консул Василий Карлович Шнейдер в мае 1902 года отправляет секретное донесение директору Второго департамента МИДа Николаю Андреевичу Малевскому-Малевичу, в котором рассуждает

С именем
апостола Фомы
связывают
распространение
христианства
на острове

о целесообразности такого шага. В своем послании Шнейдер указывает, что православный приход на острове мог бы способствовать распространению влияния Российской империи. Также вице-консул сообщает об интересе к православию со стороны, как он их называет, «независимых католиков» из индийского штата Гоа во главе с Антонио Франциско Ксавье Альваресом (Юлиусом Маром I). Эта религиозная группа, не принявшая буллу папы Льва XIII 1887 года, признавала над собой власть португальского короля, а не Ватикана, и в конце XIX века влилась в древнюю Маланкарскую сирийскую православную церковь (одна из древневосточных нехалкидонских церквей, также «Христиане апостола Фомы»). – Прим. ред.),

по преданию, основанную в Индии самим апостолом Фомой. В 1889 году Альварес принял сан епископа и стал митрополитом Гоа-Цейлонским.

Католик-раскольник и его последователи небезосновательно опасались притеснений со стороны ордена иезуитов и потому искали союзников. Одним из наиболее подходящих вариантов им представлялась Русская православная церковь (РПЦ). По словам Шнейдера, Альварес ранее связывался со Святейшим синодом и просил прислать миссионера из России, который бы ознакомил его паству с православными догматами. Что примечательно, епископ давал надежду на переход его последователей в лоно РПЦ. Ничему этому тогда не было дано хода.

Не увенчалась успехом и инициатива с открытием на Цейлоне православного прихода: Святейший синод не усмотрел для этого оснований, посчитав численность российской колонии на острове недостаточной. Об этом министру иностранных дел графу Владимиру Николаевичу Ламздорфу сообщил лично глава Синода Константин Петрович Победоносцев. Но история с независимыми католиками «выстрелила» спустя почти четыре десятка лет.

МИССИЯ ЦЕЙЛОН

Племянник упомянутого Шнейдером епископа Антонио Альвареса, Иосиф Альварес, к концу 1930-х годов оставался на Цейлоне единственным священником Гоанской церкви. В его ведении находился только один храм, остальные – а их на острове было более двух десятков – были заняты иезуитами и перешли в ведение католиков.

В 1938 году на Цейлоне оказываются православные миссионеры – архиепископ Нестор (Анисимов) и его секретарь, архимандрит Нафанаил (Львов). Они направлялись в Южную Индию, куда их пригласил возглавлявший Маланкарскую церковь Католикос Василиус Мар, желавший объединения с Русской православной церковью. Он считал, что именно РПЦ более всех других сохранила чистоту Христовой веры.

Цейлонская поездка миссионеров внезапно затягивается: Нестор тяжело заболевает и попадает в госпиталь в Коломбо.

Старик Иосиф Альварес, узнав об этом, навещает его и, опасаясь передачи имущества католикам острова, предлагает в дар свою церковь, расположенную на улице Belmond street, вместе с садом и прилегающей территорией. Владыка Нестор, конечно, принимает столь заманчивое предложение, и 9 ноября 1938 года Альварес документально оформляет соответствующее соглашение. Подаренный храм освящают как церковь Успения Пресвятой Богородицы.

Православные священники, избравшие по примеру святых апостолов путь нужды и нищеты, не имели ни иконостаса, ни церковной утвари, ни необходимых книг. Службы в храме сопровождались лишь заунывным пением местного индийца, которого наскоро обучили основным молитвам. Созданный приход сталкивался с недостатком прихожан: на литургии приходила лишь небольшая группа русских эмигрантов да оставшиеся независимые католики, сочувствующие миссии.

Католическая
церковь Успения
Богоматери

А вот греки, например, посещать единственную православную церковь на острове отказывались: как рассказал отцу Нафанаилу один из них, пока таинства совершались без иконостаса, греки считали невозможным для себя присутствовать на службах. Представительница знатного сингальского рода, леди Диас, жалея почти нищих русских миссионеров, пожертвовала храму 300 рупий – имен-

но столько запросил англичанин-подрядчик за иконостас для церкви.

Позже к безденежью добавились и другие проблемы: противники православия, несогласные с передачей церкви РПЦ и появлением на острове ее прихода, стали распространять о миссионерах лживые слухи. Утверждали, например, что Нестор – большевик и коммунист, который прибыл на Цейлон уничтожить

Недолгий
период в этом
храме велись
православные
богослужения

алтарь и святыни храма. Перед Успенской церковью начали устраивать митинги, а сами миссионеры погрязли в судебных разбирательствах с католиками, требовавшими признать дарственную Альвареса недействительной. И хотя суд признал Анисимова полноправным владельцем, из-за начавшейся Второй мировой войны священники, до этого вынужденные покинуть Цейлон, оказались отрезаны от острова. А назначенный на Цейлон вместо архиепископа Нестора архимандрит Филарет (Вознесенский) так и не смог прибыть на место службы. Потерявший связь с настоятелями приход оказался в итоге в руках католиков.

К счастью, бывшую православную церковь в наши дни удалось найти: отец Нафанаил в своих «Записках цейлонского миссионера», издававшихся в газете «Православная Русь» в 1939 году, опубликовал ее фотографию и оставил адрес для пожертвований. Успенский храм, который сегодня называется Our Lady of Good Death Church (Buona Morte), расположен не в самом фешенебельном районе Коломбо, недалеко от центрального железнодорожного вокзала и знаменитого рынка Петтах. О том, что когда-то в церкви

Отец Василий
Джаявардена

действовал православный приход, ее католические служащие даже не слышали. Нет информации об этом и в книге о ее истории, которая была издана на сингальском и тамильском языках. И если бы не дарственные документы, обнаруженные в архивах Шри-Ланки и Москвы, история с первым православным приходом острова могла бы быть совершенно забыта...

Между тем церковь Успения была не единственной в Коломбо, где проводились православные службы. В своих «Записках» владыка Нафанаил неоднократно упоминает своего самого близкого друга на острове, англиканского священника Васи-

Церковь
апостола Павла
построена
по типу храма
Святой Софии
в Константи-
нополе

лия Джаявардену. Отец Василий возвел и в 1934 году освятил храм Святого апостола Павла в больничном квартале на улице Kinsey Road. В построенным по подобию константинопольской Святой Софии храме неоднократно проводились службы и непротестантских церквей: Джаявардена поддерживал тесные связи с представителями разных ветвей христианства, в том числе и с Маланкарской церковью. Именно в этом храме миссионеры-священники, едва попав на Цейлон, по просьбе отца Василия провели первую православную службу для живших на острове русских и греков. А когда на Шри-Ланку в начале 1939 года из индийского Траванкора приезжал архимандрит Андроник с собранным им из эмигрантов хором, миссионеры решили провести Божественную литургию также в храме Святого апостола Павла – Успенская церковь была слишком бедна, к тому же к этому времени возле нее уже собирались разъяренные толпы митингующих... Василий Джаявардена охотно представил своим друзьям помещение храма – своего любимого детища, возле которого священника похоронили в 1958 году. Память о нем жива среди прихожан и сегодня.

Джаявардена пытался сблизить христиан разных конфессий

ПАСТОР МАКАРИЙ

И вот совсем недавно, спустя годы забвения, на острове вновь стали совершаться православные службы, причем там, где никто бы даже не подумал – в сельской Центральной провинции Шри-Ланки. Что примечательно, в очередной раз инициатива исходила от местного ланкийского населения, а не от представителей РПЦ. Протестантский пастор Джагат Джайлат из городка Курунегала однажды задумался: а каким христианство было изначально, в apostольские времена? Некогда он был связан с индийской религиозной организацией Believers Eastern Church, якобы сохранявшей исконное христианство. В своих службах они используют элементы разных восточных и западных традиций, в том числе у них есть православные иконы Владимирской Богоматери и восьмиконечный крест. Но, как утверждает Джайлат, за несколько лет тексты основных богослужебных молитв этой организации существенно изменились шесть раз. Тогда он покинул общину и отказался от пасторского жалованья, но не отрекся от своего непростого пути и продолжил поиски. Беседы с представителями Маланкарской, Сирийской и Коптской церквей также ни к чему не привели.

В начале 2020-х годов Джайлат начинает вести интернет-переписку с православным миссионером иереем Георгием Максимовым. Знакомство с основными догматами православия стало для Джайлата настоящим откровением, поскольку в Шри-Ланке информация о нем даже на английском языке до сих пор весьма ограничена, специализированной литературы на эту тему найти почти невозможно. Что уж говорить о литературе на сингальском и тамильском языках!

Джайлат решается на переход в православие. Ему удается связаться с другим русским миссионером – иереем Кириллом Шкарбулем, который уже более десяти лет окормляет при-

Староста общины в Курунегале
Макарий

Для православных богослужений арендуется небольшой зал

ход РПЦ на Тайване. Отец Кирилл в ноябре 2022 года посетил Шри-Ланку и крестил бывшего пастора – теперь ставшего Макарием, – членов его семьи и некоторых близких друзей, которые тоже захотели перейти в православие. В последующие визиты священник передал

приходу несколько икон, помог перевести тексты ряда молитв, причащал и крестил желающих. Начала складываться православная ланкийская община, к началу 2024 года крещено было уже около 50 человек.

По словам Макария, за этот путь еще и очень небольшой срок никто из общины не покинул ее. Напротив, все больше и больше ланкийцев хотят присоединиться. В Курунегале они собираются в небольшом помещении в здании, похожем на советский Дом культуры, где в соседних залах занимаются различные музыкальные и творческие студии. Но на карте в интернете оно помпезно значится как «православная церковь».

В основном в православие переходят бывшие буддисты и протестанты, но есть и те, кто до знакомства с Макарием и вовсе считал себя атеистом. Община очень молодая: более половины прихода составляют люди 15–25 лет, причем некоторые живут не только в Курунегале, но и в небольших окрестных селах. Например, одна 13-летняя девочка, единственная православная в своей буддистской семье, вынуждена каждое воскресенье без сопровождения взрослых идти по джунглям около 4 километров, а потом полчаса ехать на автобусе, чтобы до-

браться до храма! Часто и сам Макарий навещает своих особо ревностных последователей – так, целая группа новых православных появилась в небольшом селе Мелсирипуре. Поскольку сам Макарий пока еще не рукоположен, без православного священника он может проводить богослужения лишь в чине последования изобразительных, то есть в сильно усеченном виде. Новые члены общины, еще только готовящиеся принять крещение, ждут очеред-

ного приезда русского православного священника. Знакомыми для общины стали два визита на остров – в январе и апреле 2024 года – заместителя председателя Синодального миссионерского отдела иерея Дионисия Гришкова и его помощников. Проводя богослужения также для русских, живущих в Коломбо и на курортном южном побережье, миссия все же решает сделать акцент на более углубленное знакомство общиной Макария с православием.

Зачастую православные иконы просто распечатывают на принтере, но некоторые были переданы в дар русскими священниками

ИСПОВЕДЬ ПО ОНЛАЙН-ПЕРЕВОДЧИКУ

Отец Дионисий показывает фото, которое может показаться странным: множество ланкийцев стоят в бассейне во время богослужения – так в январе Гришков крестил новых членов православной общины Курунегалы. До океана ехать было далеко, в грязном озере таинство Крещения проводить не захотели, в реке тоже. Потому крещенской купелью стал обычный бассейн. Перед таинством его тщательно почистили и наполнили свежей, чистой водой, которую после крещения слили. К слову, местные буддисты к православным, даже ранее исповедовавшим их религию, в большинстве своем относятся терпимо. Доходит и до того, что если кто-то в семье принимает крещение, в доме возникают два «красных угла»: один традиционно буддистский, другой – с иконами.

Ланкийцы, принимая крещение, часто выбирали для себя по святым совершенно нетипичные имена редких святых или новомучеников. К примеру, одним из небесных покровителей

Община издала и свой православный календарь

новокрещеного стал святитель Стефан Пермский – русский миссионер XIV века, создавший азбуку для народа коми.

А многие моменты и вовсе приобретают типично ланкийский колорит: некоторые члены общины по буддийской привычке при входе в храм или перед священником еще снимают обувь или же при молитве поднимают руки вверх. Немало сложностей возникает из-за нестыковок юлианского и григорианского календарей – в Шри-Ланке христиане ориентируются на последний, западный вариант.

Пока еще нелегко приходится и старосте Макарию: даже ему за столь короткий срок удалось изучить не все нюансы православия. До недавних пор он носил одежду своего старого служения и в качестве знаков различия дополнял ее католическим воротничком и поясом. Отец Дионисий объяснил ему, что для православия такая форма одежды нетрадиционна. Макарий, осознавая это, ответил, что, когда он снял все неправославные христианские элементы и вышел на улицу, его тут же остановил полицейский и спросил: кто он такой вообще? Гришков все же посоветовал выбрать для облачения что-то другое, например подрясник, или нашить на одежду крест, пока носить священнический наперсный еще не позволяет.

Сложной задачей для членов общины становится исповедь – не только для бывших буддистов, в традиции которых такого правила в принципе нет, но нередко еще и для тех, кто перешел из других христианских конфессий. Все усложняется еще и тем, что большая часть местных жителей не говорит по-английски – всякий раз миссионерам приходится искать выход из ситуации. На Филиппинах, например, вошло в практику составление списка грехов на английском языке и его переводом. Исповедующийся подходит к священнику и просто указывает на нужные пункты. В Шри-Ланке пришлось наблюдать другую хитрость: члены общины во время

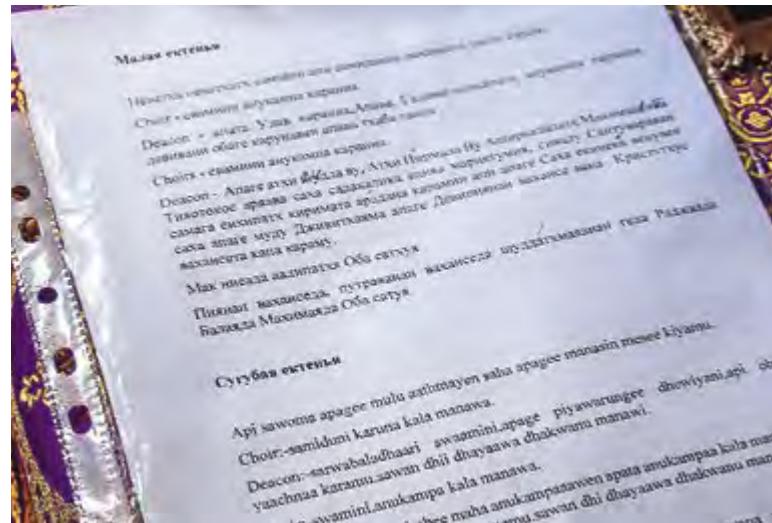

Апрельское богослужение в деревушке Мелсирипуре

таинства подходили к отцу Дионисию и набирали текст в онлайн-переводчике, а после показывали результат на английском. Доступ к переводам текстов и коммуникация с православными миссионерами стали для общины приоритетной задачей. К сожалению, переводчиков на сингальский в России сейчас очень мало, не говоря уже о тамильском – втором государственном языке Шри-Ланки. А специалистов, способных доступно излагать церковные тексты, и вовсе можно пересчитать по пальцам. Православные богослужебные тексты нужно сильно

упрощать, отсекая сложные языковые конструкции и буквально оставляя один лишь смысл, а переводить при этом так, чтобы слова молитв звучали как пение и шли от сердца.

К апрельской поездке отца Дионисия Синодальный миссионерский отдел РПЦ подготовил первый молитвослов с утренними и вечерними молитвами на сингальском языке. Небольшая брошюра стала результатом титанического труда! В ее подготовке приняли участие православные Курунегалы Петр Ранатунга и Найоми Тенакоон, а переводчиками и консультантами стали

В преддверии поездки был составлен первый молитвенник на сингальском языке

профессор Института стран Азии и Африки МГУ Борис Михайлович Волхонский и ланкийский филолог Ранджана Сенасингхе, преподающий русский язык и литературу в Университете Келания. А в настоящее время ведется перевод учебника по богослужению, литургии, катехизиса и Житий святых. К слову, буддист Сенасингхе рассказал, что в адаптации переводов на сингальский язык ориентировался на католические тексты, широко доступные жителям Шри-Ланки. Существует мнение, что Запад способствует переходу ланкийцев в католичество или протестантизм и использует это как элемент «мягкой силы», обещая взамен заманчивые перспективы, поездки по миру и помочь в получении образования за рубежом. Обращение же в православие не сулит местным таких нехитрых житейских выгод, но и новая община не ждет от русских миссионеров ни подарков, ни какого-то особого отношения. Ее члены, как правило, люди небогатые, при этом они

сами стараются оказать приходу посильную помощь. Как отмечает отец Дионисий, их вера поражает своей искренностью. В апреле православные острова собирали подписи для получения благословения патриарха Кирилла на открытие на острове двух приходов – в Курунегале и Коломбо, как раз сейчас об этом ожидается решение Синода. Община старосты Макария решила назвать свой приход

Многие члены православной общины исповедовались и причащались впервые

в честь святого страстотерпца Николая II. В начале 1891 года он, тогда еще наследник престола, посетил остров Цейлон в рамках своего Восточного путешествия на крейсере «Память Азова». И православные Курунегалы горды тем, что на их землю ступал русский святой: всего в 40 километрах от их городка, в Королевском ботаническом саду Перадении, цесаревич посадил дерево, которое можно увидеть и сегодня.

Староста Макарий не настаивает на своем рукоположении и ждет, когда священноначалие признает его готовым и даст на это добро. Даже в свои 45 лет он готов выступать в роли ученика. Быстро учится и его община, с каждым годом становясь все многочисленнее. И есть надежда, что через некоторое время старосте Макарию позволят принять священнический сан и это даст ему возможность самостоятельно крестить людей и проводить другие таинства. Тогда в истории прихода в Курунегале откроется новая страница.

Дионисий
в Русском доме
в Коломбо

П.Л. Кончаловский. Портрет
В.Э. Мейерхольда. 1938 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

В

ЯНВАРЕ 1874 ГОДА В

Пензе в семье виноза-
водчика Эмилия Федо-

ровича Мейергольда и Альвины Даниловны, урож-
денной Неезе, родился вось-
мой ребенок. Это была доволь-
но странная семья. Глава ее
был человеком, соединяющим в себе свойства несовмести-
мые: немецкую педантичность в делах и русское барство и ку-
печеское своеоление, переход в пуританское лютеранство и демонстративно скандальное поведение с многочисленны-
ми любовницами и жизнью на две семьи. Законная же супруга его, являя образец вынужден-
ного смирения, находила отду-
шину в искусстве и стремилась передать любовь к нему своим многочисленным детям. Совре-
менные психологи назвали бы такую семью дисфункциональ-
ной, а детей, выросших в ней, глубоко травмированными.

Расти, взросльть, познавать мир и самого себя в таких обсто-
ятельствах было крайне не-
легко, если не сказать больно. И то, что младший из сыновей, Карл Казимир Теодор, не чув-
ствовал себя ни в детстве, ни в юности хоть сколько-нибудь счастливым, вовсе не удиви-
тельно. Стыд за отца, за его по-
ведение и род занятий, жалость к матери, ненависть к лицеме-
рию, в которое он был погру-
жен.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

РЕЖИССЕР, КОТОРЫЙ НЕ ПОСТАВИЛ «ГАМЛЕТА»

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

РОМАНТИК, СИМВОЛИСТ, АВАНГАРДИСТ, СМЕЮЩИЙСЯ ТРАГИК, РЕВОЛЮЦИОНЕР И ЖЕРТВА РЕВОЛЮЦИИ. В СУДЬБЕ РЕЖИССЕРА ВСЕВОЛОДА МЕЙЕРХОЛЬДА, КАЖЕТСЯ, ОТРАЗИЛИСЬ ВСЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭПОХИ – ОН КАК БУДТО ПРОЖИЛ НЕСКОЛЬКО РАЗНЫХ ЖИЗНЕЙ, НО НИ В ОДНОЙ ТАК И НЕ УСПЕЛ СЫГРАТЬ ГЛАВНУЮ РОЛЬ. НЕ ДАЛИ.

Всеволод Мейерхольд в детстве

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

В.Э. Мейерхольд.
1898 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

жен с ранних лет, неприятие своей среды – все это отражено в дневниках подростка, все это повлияло на то, как непросто складывался узор его биографии, как тяжело было в хаосе жизни узнать и взять себе свое. Карл плохо учился в гимназии, несколько раз оставался на второй год. С точки зрения родных, водил сомнительные знакомства, путался с подпольщиками, ссыльными революционерами, читал «вредные для юношества» труды Чернышевского и Писарева, ненавидел выпускаемую отцом водку «Углевку», которой заливали горе пензенские мужики, и всё о чём-то смутно томился. «Какие-то страшные мысли от

тоски и скучи наполняют мой мозг, – писал он в дневнике в 17 лет. – Хожу, как угорелый, как будто что-то ищу. Не знаю, что делать. <...> У меня как будто две жизни – одна действительная, другая – мечтательная. Последней я, конечно, отдаюсь больше, так как в первой, окружающей меня, слишком, слишком мало утешительного».

«Мечтательная» жизнь иногда несмело обозначалась в обыденности неуверенными проблемами и досадными ошибками, потом вновь отступала, но однажды она прорвалась в повседневное явно, резко, даже не к месту. Карлу было 18 лет. Тогда, в 1892 году, умер его отец. Встал вопрос о наследова-

В.Э. Мейерхольд
с женой Ольгой
Михайловной
и дочерью
Марусей.
1899 год

Здание
2-й мужской
гимназии
в Пензе,
которую окончил
Мейерхольд

нии и продолжении его дела. Собрался семейный совет. Тутто младший сын и объявил некстати, чтобы на него не рассчитывали, что ему неинтересны финансовые дела семьи, что он намерен отказаться от германского подданства и даже собственного имени, перейти в православие и жениться на молодой дворянке Ольге Мунт. Это было слишком даже для научившейся сносить любые причуды жизни матери. Братья и вовсе заклеймили Карла дураком и подлецом.

Однако уверенность молодости быстро рассеялась, уступив место привычным сомнениям и «действительной» жизни со всей ее суетой. Бунт младшего Мейерхольда тогда не мог быть ничем подкреплен, он все еще оставался неуспешным гимназистом – куда уж тут жениться, как уж тут порвать с семьей. Все, что ему было доступно в сложившихся обстоятельствах, – это участие на досуге в любительских спектаклях. Мать даже благоволила такому увлечению, ведь и сама она устраивала дома музыкальные вечера, ставила небольшие пьесы. Но мысль о том, что с искусством можно всерьез связать жизнь, в доме не одобрялась. Всем надлежало выбрать солидную профессию, позволяющую твердо стоять на ногах. В 1895 году Карл в угоду матери поступил на юридический факультет Московского университета. Но о своих желаниях он не забыл.

В том же году он, как и хотел, поменял имя, назвавшись в честь любимого писателя Гаршина Всеволодом. А свою фамилию стал писать на русский манер – Мейерхольд. Он принял православие и в 1896-м обвенчался с Ольгой Мунт, которая вслед за сестрой Катей, принятой в Музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества (Филармоническое училище, ныне – ГИТИС) в класс Немировича-Данченко, тоже приехала в Москву.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

РОЖДЕНИЕ РЕЖИССЕРА

В Москве настоящая жизнь Мейерхольда вращалась вокруг театра. Томясь днем на лекциях по римскому праву, вечерами он бежал на спектакли Малого театра, покупал билеты на галерку, иной раз проникал и зайдем. Затаив дыхание, следил за игрой известных артистов, с горечью понимая, какой ничтожный зрительский и актерский опыт он успел получить в родном городе и как далек провинциальный театр от настоящего искусства. Огромным событием для студента стало посещение Московского общества искусства и литературы Станиславского. Всеволода Мейерхольда до глубины души поразила постановка «Отелло». Это стало озарением, знаком, что пора действовать. Вскоре молодой человек оставил университет и поддержаный Екатериной Мунт отправился держать экзамен перед Немировичем-Данченко. Разумеется, с монологом знаменитого мавра. Он был принят в класс драматического искусства сразу на второй курс. Это, конечно, еще не означало блестящего будущего. Слишком многое завязывалось для начинающего актера в тугой узел. На третьем курсе пора было определяться с имеющимися предложениями. После публичных экзаменов Мейерхольда приглашали только в театры Саратова и Нижнего Новгорода. Немирович делился надеждами создания нового особого театра, обещал взять Всеволода в труппу. Рассчитывать, однако, на это было нельзя, все казалось очень зыбким. А материальные дела Мейерхольда совсем пошатнулись: фирма отца под руководством братьев разорилась, он перестал получать помощь семьи, а между тем сам стал отцом. Рисковать было нельзя. Но он все же рискнул, остался в Москве. И не прогадал.

В 1898 году открылся Московский художественный театр. Тот самый особый театр, о котором говорил Немирович. И открыт он был совместно со

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

К.С. Станиславский в роли
Отелло,
Х.О. Петросян в роли Яго.
Постановка
«Отелло»
по пьесе
В. Шекспира.
1896 год

Станиславским, кумиром Мейерхольда. О большем нельзя было и мечтать. Жалованье начинающему актеру установили скромное – всего 75 рублей. Однако еще 40 рублей он получал за руководство учениками Филармонического училища, занятymi в массовке. Устроили в МХТ и Ольгу Мунт, поручив ей афишные дела. Ее сестра Катя вошла в основную труппу театра. Учитывая, что жили молодые люди из соображений экономии в одной квартире,

общий бюджет получался достаточным для поддержания относительного комфорта.

В первом же спектакле МХТ – в постановке «Царя Федора Иоанновича» – Мейерхольду прорчили главную роль, однако в последний момент на роль сына Грозного утвердили Ивана Москвина. Всеволод Эмильевич сыграл Шуйского. И сыграл блестяще, но рукоплескали-то исполнителю роли царя. Это, конечно, задевало. Быть вторым подчас обиднее, чем быть последним. Зато в следующем спектакле, в знаменитой «Чайке», Немирович сразу отдал Мейерхольду роль Треплева – это было беспроприетное попадание. Актер снискал не только симпатии публики, но и самого Чехова, что было особенно лестно. И Чехов же разбудил в молодом таланте амбиции нового рода.

Давая впоследствии актеру советы, как играть его персонажей и твердо следовать выбранной манере, не уступая даже Станиславскому, писатель, сам того не осознавая, заразил Мейерхольда режиссерским зудом. В 1902 году Всеволод оставил Художественный театр, чтобы попробовать себя в новом качестве. Один из коллег по МХТ предложил ему возглавить собственный театр в Херсоне. Пропинция. Если пять лет назад она пугала, то сейчас Мейерхольд готов был ехать куда угодно, лишь бы только попробовать свои силы в режиссуре: он был уверен, что ему есть чем удивить публику. Мейерхольд пустился в новую авантюру, даже несмотря на предостережения любимого Чехова, уверявшего, что юг России еще не готов к настоящему театру, что «там нужен еще балаган». Всеволоду Эмильевичу не терпелось доказать обратное. И он сделал это. Правда, не без помощи Антона Пав-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

В.Э. Мейерхольд в роли Треплева и М.Л. Роксанова в роли Нины Заречной. Спектакль «Чайка» по пьесе А.П. Чехова.
4 февраля 1900 года

ловича, ведь первые спектакли в Херсоне даны были именно по его пьесам.

Публика оценила новый театр. Поначалу ею двигало банальное любопытство – что привезли в провинцию московские артисты, последователи гремевшего Художественного театра? Однако очень скоро зритель убедился, что одной преемственностью по отношению к МХТ дело не ограничивается, публику подкупила смелость молодого режиссера, с которой тот брался за решение самых сложных задач, будучи весьма стесненным в возможностях. В труппе ведь не было ни одного актера с громким именем, и театр не мог позволить себе ни запоминающихся декораций, какие в том же МХТ готовили видные художники, ни богатого реквизита, который Станиславский кротко собирал по всей России и Европе. Вместо реализма своих учителей Мейерхольд выдвинул право художественной условности, символизма в искусстве. И спектакли выходили превосходные, в них все дышало какой-то новой, невиданной силой. За три года объединение Мейерхольда, получившее название «Новая драма», поставило 200 спектаклей, многие из них прошли с гастролями по всему югу страны.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В ПОИСКЕ

Это был прекрасный опыт, но нужно было двигаться дальше. Тем более что и предложения стали появляться. Сначала Мейерхольда позвала в Петербург Вера Комиссаржевская – он отказался, суеверно испугавшись города, который не смог оценить даже «Чайку». А после его позвал Станиславский. Московскому режиссеру стало тесно в МХТ. Обретя любовь публики, детище Станиславского и Немировича стало, как это ни парадоксально,

Художник
Александр
Яковлевич
Головин,
режиссеры
Николай Петров
и Всеволод
Мейерхольд.
1910 год

очень от этой любви зависимым, тут почти не осталось места для экспериментов, новый опыт невозможно было претворять в жизнь, не думая при этом о кассовых сборах. Тогда Станиславский задумал открыть отдельную студию. Вот тут он и вспомнил о Мейерхольде. От приглашения учителя Всеволод Эмильевич отказался не мог.

Студия, однако, просуществовала недолго. Вмешалась революция: людям стало не до театра, не до экспериментов, невероятных зрелищ хватало на улицах. Для Станиславского рисковать капиталом значило поставить под удар стремительно теряющий сборы МХТ. Риск был огромный. Посмотрев поставленные Мейерхольдом спектакли, Константин Сергеевич осознал, что они не поняли друг друга, когда обсуждали концепцию студии – их пути разошлись когда-то, и пропасть между ними стала почти непреодолимой. Когда Станиславский говорил о желании отойти от реализма, он имел в виду, скорее, бытовой натурализм, при этом он стремился к максимально реальному актерскому перевоплощению – не игре, а проживанию жизни персонажей. Мейерхольд же все больше уходил в абстракции, для него имели значение музыкальный ритм, пластика, жесты. Причем это было важным настолько, что, по признанию его наставника, он «пытался закрыть собою артистов, которые в его руках являлись простой глиной для лепки красивых групп, мизансцен, с помощью которых он осуществлял свои интересные идеи. Но при отсутствии артистической техники у актеров он смог только демонстрировать свои идеи, принципы, искания, осуществлять же их было нечем, не с кем, и потому интересные замыслы студии превратились в отвлеченную теорию, в научную формулу».

В 1906 году Мейерхольд все же принял приглашение Комиссаржевской стать главным режиссером ее Драматического театра в

Постановка
Мейерхольдом
на «Башне»
Вячеслава
Иванова
спектакля
по пьесе
Кальдерона
«Поклонение
кресту».
19 апреля
1910 года.
В.Э. Мейерхольд – справа

Петербург. Увы, здесь молодой режиссер тоже не задержался. Как ни пыталась Вера Федоровна устроить театр на абсолютно новых началах, но сопротивления публики она снести не могла. К условности на сцене зритель оказался не готов, к концу первого же сезона на спектакли почти перестали ходить.

Ярким событием, однако, здесь стала постановка «Балаганчика» Блока. Тут мнения публики и рецензентов разделились. Одни рукоплескали, другие освистывали. Одни писали, что это смело, дерзко, свежо, другие называли «бездамчиком», «жалкой белибердой», Блока обзывали юродивым, а «декаденту» Мейерхольду грозили смирительной рубахой. Между тем именно в «Балаганчике» наконец отчетливо выявились устремления, истинная манера, подлинное новаторство режиссера. И как ни обидно было покидать театр, быть скандално уволенным со своего поста, этого успеха – успеха в первую очередь для себя самого – никто отнять у Мейерхольда не мог.

А после случилось совсем уж немыслимое: Всеволода Эмильевича пригласили стать режиссером Императорских театров. Тогда место директора Александринского и Мариинского театров занимал Владимир Теляковский. Он понимал, что петербургская сцена переживает кризис, что столичные спектакли не идут ни в какое сравнение с постановками МХТ, и переманить к себе выходца оттуда, ученика Немировича и Станиславского, представлялось хорошей идеей. Репутация Мейерхольда, конечно, была неподходящей, но Теляковский сумел убедить высшее руководство, что скандальный режиссер переменился, стал тяготеть к традиции. Тяжелее было убедить в этом труппу. Тем более что актеры видели, что перемены «рекламиста» и «пролазы» Мейерхольда весьма сомнительны. На первых репетициях артисты откровенно игнорировали требования режиссера, а первый спектакль – «У царских врат» Гам-

В.Э. Мейерхольд с членами своей театральной труппы у виллы Лепони в Терийоках. 1912 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

суня, – в котором Мейерхольд позволил себе, вопреки недовольству труппы, сыграть главную роль, с треском провалился. Теляковский перевел Мейерхольда в оперу, с глаз долой от разгневанной труппы Александринки, и тот взялся за «Тристана и Изольду» Вагнера. И сколь ни был режиссер подавлен неудачным дебютом в Александринском театре, в Мариинке он взял тот же тон: не в силах сладить с темпераментом, он призывал знаменитых артистов подчиниться его воле, перестать гримасничать и играть, а только петь. Это всех раздражало, но что-то сдвинулось, Мейерхольда стали слушаться. И премьера превзошла все ожидания. Всеволод Эмильевич укрепился на новом месте, обеспечив себе годы относительно стабильной работы вплоть до самой революции. Конечно, его угнетала невозможность пускаться в смелые

опыты, а также не на шутку огорчало положение, при котором он не мог поставить что-то современное, злободневное, вроде работ Горького или Блока. Однако Мейерхольд то и дело отвлекался на разные любительские затеи. То поставит домашний спектакль «Поклонение кресту» Кальдерона на «Башне» Вячеслава Иванова, то разыграет пантомиму Артура Шницлера «Шарф Коломбины» в «Доме интермедий». А в 1914 году он под псевдонимом Доктор Да-пертурто открыл собственную студию на Бородинской и попытался воплотить в ней принципы, о которых писал годом ранее в книге «О театре». Один из них заключался в том, что актеры должны забыть самое себя и всецело подчиниться музыке, ритму, движению, создающему мизансцены.

Впрочем, и в Императорских театрах Мейерхольд искал возможность хоть как-то выразить новые идеи. Особенно в поздних постановках. И более всего в «Маскараде» Лермонтова, буквально ставшем последним спектаклем царской России. Гениальность этой постановки заключалась в том, что в классическом материале выразились все мрачные настроения и страшные предчувствия гибнущей страны. Через день после премьеры в России случилась Февральская революция.

Эскиз декорации А.Я. Головина к спектаклю по пьесе М.Ю. Лермонтова «Маскарад». 1917 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

НА СЛУЖБЕ У РЕВОЛЮЦИИ

Перемены не то чтобы застигли режиссера врасплох, но все же, как и для многих, оказались для него слишком резкими, непонятными. Царизма было не жалко, ведь еще с юности Мейерхольд испытывал потребность в социальной справедливости, писал в дневниках, что любит и жалеет народ, приятельствовал с подпольщиками. Но и политиком Всеволод Эмильевич не был. Он был только человеком искусства – а тут вдруг разом всем оказалось не до него. Летом 1917 года стало понятно, что февральскими потрясениями дело может не ограничиться, о себе заявляла новая политическая сила – большевики. И поначалу Мейерхольд относился к ним с опаской – слишком грубой представлялась их стихия. Зато после Октября четко обозначил позицию чуть ли не самым первым из деятелей культуры, а в 1918 году подал заявление на вступление в РКП(б). Темперамент ли, близость ли к Блоку и Маяковскому, приветствовавшим перемены, расчет ли на то, что так будет легче работать – наверное, сработало все вместе. Революция стала для режиссера олицетворением всего нового, дерзкого, смелого, операющего времени, и он страстно бросился ей служить. Поставил «Мистерию-Буфф» Маяковского,

спектакль-митинг «Зори», возглавил Театральный отдел Наркомпроса. И так рьяно взялся за реформу театра, так нетерпим стал к коллегам, что Луначарский поспешил освободить режиссера от должности, пока тот не наломал дров. Мейерхольд, впрочем, и не думал останавливаться. Оставив чиновничье кресло, он с еще большим за-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Афиша спектакля «Мистерия-Буфф». 1918 год

палом стал бороться с контрреволюционным академизмом в искусстве, все больше превращая театр в трибуну для агитации. Наиболее сильно это выразилось в постановке «Земля дыбом» 1923 года, воспевающей красноармейцев. Тут даже вожди революции удивились. Гражданская война отгребмела, дело революции победило, пора было строить новую жизнь. А братья по цеху и вообще острили. «Агитационный театр после революции – это все равно что горчица после ужина», – иронизировал, например, Таиров.

Но у всех свои сроки горения. Прошло время – остыл и Мейерхольд. От революционной борьбы он перешел всего лишь к революционным формам: углубился в выдуманную им самим биомеханику, в подсказаный архитектурой конструктивизм. А еще позже, всем на удивление, вернулся к академизму. Хотя и на новых начальцах, конечно.

Сначала он поставил в ТИМе (Театр имени Мейерхольда) «Доходное место» Островского, чем вызвал бурление в авангардных движениях. В «Правде» написали: «Не лучше ли оставлять покойников на кладбищах, в старых театрах вроде Малого?» Потом он вновь

На репетиции
спектакля
«Баня»
по пьесе
В.В. Маяковского
в ГосТИМе.
1930 год

сочелся со Станиславским, которого тогда вовсю ругали за консерватизм, и вместе с ним отметил пятилетие ТИМа, за что его окрестили героем «театрального термидора». Усугублялось дело и непростыми отношениями в труппе. Из театра ушла талантливая актриса Бабанова, и почти все связали это с тем, что Мейерхольд задвигал ее, отдавая большие роли своей новой жене, Зинаиде Райх.

А дальше все и вовсе стало заявляться в какой-то немыслимый узел. Следуя новому курсу на старое, Мейерхольд брался за Гоголя, Пушкина, Грибоедова. Спектакли и хвалили, и ругали. «Ревизор» произвел фурор, но и расколол театральную общественность. Хвалили академисты, те, от кого Мейерхольд сам не раз отрекался; разносили в прах товарищи по революции. Последние даже стали подозревать измену, не понимая, конечно, что обращение к классике хоть и было для Мейерхольда необходимым для решения собственных творческих задач, но от злобы дня он все же отказывался вынужденно: хороших пьес не было.

Выходом представлялись гастроли за рубежом. Символично, что к такому решению прибегал и Станиславский. В 1928 году Всеволод Эмильевич и Райх отправились за рубеж для переговоров. И задержались. А в то же время из заграничных поездок не вернулись Михаил Чехов, возглавлявший одну из студий МХАТа, и руководитель Государственного еврейского театра Алексей Грановский. В желании остаться в эмиграции заподозрили и Мейерхольда, Луначарский объявил, что ГоСТИМ будет расформирован. Мейерхольд почти сразу вернулся, чтобы остановить разгром театра. Были долгие и сложные переговоры – и вот чудо! – режиссер вышел из них не просто оправданным, а победителем. И даже убедил советское руководство в необходимости зарубежного турне. Между тем, когда Мейерхольд

Всеволод
Мейерхольд
и Зинаида Райх
за границей

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

вновь оказался за границей, его искушал соблазн эмиграции. Тот же Чехов уговаривал Мейерхольда остаться в Европе, рисовал страшные картины его будущего в СССР. «Он слушал молча, – вспоминал актер, – спокойно и грустно ответил мне так (точных слов я не помню): с гимназических лет в душе моей я носил Революцию и всегда в краиних, максималистских ее формах. Я знаю, вы правы – мой конец будет таким, как вы говорите. Но в Советский Союз я вернусь. На вопрос мой – зачем? – он ответил: из честности».

Режиссер вернулся, положив конец толкам о бегстве. И формально он даже вернулся к современной повестке, его заинтересовали работы Сель-

винского, Вишневского и Олеши. А вот содержательно он все еще тяготел к классике, к трагедийности, в общем-то не поощряемой в стране, в которой жить вот-вот станет лучше и веселее. В это время особое место в работе и жизни Мейерхольда заняла постановка пьесы Олеши «Список благоденний». Вероятно, она стала воплощением его собственного внутреннего конфликта. Пьеса повествует об актрисе, отправляющейся за рубеж играть в трагедии «Гамлет». Героиня уезжает из Советской России и не понимает, стоит ли ей возвращаться. Решение никак не дается. И тогда актриса составляет для себя список преступлений и благоденний советской власти.

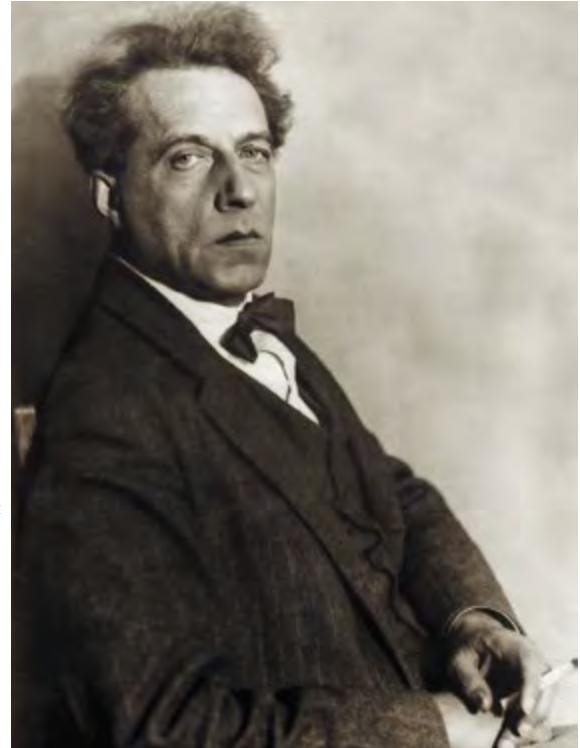

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Постановка
пьесы
В.В. Маяков-
ского «Клоп»
в ГосТИМе.
1929 год

Афиша спектакля по пьесе
В.В. Маяковского «Клоп» в ГосТИМе.
1929 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ТРАГИЧЕСКАЯ РАЗВЯЗКА

Тут, конечно, символична фигура Гамлета. История принца датского – это та вещь, которую Мейерхольд мечтал воплотить на сцене всю свою сознательную жизнь. Однако сначала боялся подступиться из-за неопытности, потом Шекспир стал не ко двору. Но известно, что Всеволод Эмильевич высказывал даже идею создания такого театра, где показывали бы только «Гамлета» – один спектакль в интерпретации разных режиссеров. «Гамлетом» должен был стать первый спектакль ГосТИМа в новом здании – в середине 1930-х режис-

сер с труппой готовились к переходу. Однако этого не случилось. А потом театр и вовсе закрыли, и Мейерхольд понял, что самую известную мировую пьесу он не поставит уже никогда. С горькой иронией он заключил, что это должно быть отражено в эпитафии на его могиле.

К закрытию театра и травле режиссера привел ряд событий. В 1934 году в ГосТИМе прошел спектакль «Дама с камелиями». Известно, что на постановке был Сталин. Известно, что она ему не понравилась. То ли выбором сю-

Всеволод
Эмильевич
Мейерхольд

В.Э. Мейерхольд
с гостями
из Казахстана.
ГосТИМ. 1930 год

жета, то ли тем, как рыдали над судьбой куртизанки комсомолки в красных косынках. Генсек даже не досмотрел спектакль. Знак был понят: на Мейерхольда обрушилась критика. Его обвиняли в эстетике, формализме, его театр называли «чужим». Весной 1936 года Всеволод Эмильевич попытался объясниться с обвинителями в докладе «Мейерхольд против мейерхольдовщины», но вышло неуклюже. Да еще в этой речи он бросился защищать Шостаковича, который тоже вызвал негодование Сталина. Травля продолжилась. Масла в огонь подлило письмо Сталину, написанное Зинаидой Райх. Защищая мужа, она позволила себе дать вождю народов немыслимые советы. Например, научиться понимать искусство, не ограничиваясь при этом своими вкусами. Скорее всего, судьба Мейерхольда после этого была окончательно решена.

Нужен был, однако, какой-нибудь повод. Он легко нашелся. К 20-летию Октября ГосТИМ готовил спектакль по книге Николая Островского «Как закалась сталь». Перед премьерой постановка была показана председателю Комитета по делам искусств Керженцеву. И премьера не состоялась. Спектакль был охарактеризован как проникнутый «безнадежным пессимизмом и обреченностю», антисоветски извращающими известное художественное произведение Островского.

В январе 1938 года театр закрыли. На какое-то время удар от Мейерхольда отвел Станиславский, дав ему работу в своем оперном театре. Но развязка была неминуема. 20 июня 1939 года Мейерхольд был арестован в Ленинграде. Через несколько недель под пытками режиссер подписал нужные следствию показания. Примерно в это же время в московской квартире была зверски зарезана Зинаида Райх. Мейерхольда, обвиненного в троцкистской деятельности и шпионаже, расстреляли 2 февраля 1940 года. Реабилитированы его только в 1955 году...

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

МЕЧТА О КАМЧАТКЕ

Вид на вулкан
Острый
Толбачик
с русла реки
Студеной
на Камчатке

АЛЕКСАНДР ПИРАМИДА/ИА НОВОСТИ

АВТОР

ЕЛЕНА ПЕТРОВА

В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА МОЖНО ОБНАРУЖИТЬ НЕМАЛО ПРОСЛАВЛЕННЫХ ИМЕН, ВНЕСШИХ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. ОСОБОЕ МЕСТО В ЭТОМ РЯДУ ЗАНИМАЕТ СЕМЕЙНЫЙ КЛАН КУПЦОВ РЯБУШИНСКИХ.

ВОСЕМЬ БРАТЬЕВ ПРО-славили династию не только в промышленности и банковской сфере, но и в науке и искусствах. Без их участия, кажется, не обошлась ни одна сфера в деловой и общественной жизни России начала XX века. Каждый из Рябушинских оставил свой след в истории, каждый из них заслуживает отдельной статьи.

Но наш рассказ сегодня о самом младшем из братьев – Федоре Павловиче Рябушинском (1886–1910). По несправедливому капрису судьбы он прожил до обидного мало – всего неполных 25 лет. Однако даже за свою недолгую жизнь он сумел сделать удивительно много для того, чтобы навсегда остаться в истории российской науки.

ТЯГА К ПУТЕШЕСТВИЯМ

Федор Павлович не принимал активного участия ни в фабричных делах Товарищества мануфактур П.М. Рябушинского с сыновьями, которыми занимались в основном Сергей и Степан, ни в банковских, которыми ведали Павел, Владимир и Михаил. Но, естественно, являлся совладельцем и пайщиком семейных предприятий. Его главное призвание, как и у брата Дмитрия, целиком ушедшего в науку, или Николая, издававшего журнал «Золотое руно» и устраивавшего выставки современного искусства, лежало совсем в иной сфере. Как многие мальчишки, Федор Рябушинский с детских лет мечтал о путешествиях, приключениях и открытиях. Он всерьез

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Титульный лист книги А.А. Ивановского «Население земного шара. Опыт антропологической классификации» (М., Тип. П.П. Рябушинского, 1911)

увлекся естественной историей и географией. Особенно поразили его воображение необъятные просторы Сибири и Дальнего Востока, тогда еще плохо исследованные и практически не освоенные. Интерес Федора Павловича к этим отдаленным пространствам России возрос еще больше благодаря лекциям по географии, этнографии и антропологии Сибири, которые по его просьбе прочел ему в 1904 году профессор Московского университета Алексей Арсеньевич Ивановский. Известный русский антрополог и географ хорошо знал те края, о которых рассказывал своему пытливому слушателю: в свое время он принял участие в экспедициях по Алтаю, Средней Азии, Монголии, Кавказу и Закавказью, совершил научные путешествия в Турцию и Персию. Свою магистерскую степень по географии Алексей Арсеньевич получил за диссертацию «Об антропологическом составе населения России». Почти двадцать лет он работал секретарем антропологического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, редактировал издававшийся отделом «Русский антропологический журнал», писал научные и научно-популярные статьи. Они печатались также в «Землеведении», «Восточном обозрении», «Сибирской газете», «Русских ведомостях», «Русской мысли», «Вестнике воспитания», «Большой энциклопедии» и других изданиях.

Рассказы Ивановского про Алтай, где ему довелось побывать в молодости, зародили у Федора Павловича мысль организовать

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Федор Павлович Рябушинский (1886–1910)

самостоятельное путешествие в этот район для подробного изучения его природы и населения. Причем отправиться туда он решил ближайшим же летом, благо недостатка в средствах у него не было, а направлять свои капиталы на пользу и культурный расцвет страны все Рябушинские считали своим долгом. «Богатство обязывает», – часто наставлял младших старший брат, Павел Павлович. Однако вскоре интерес Федора сместился в сторону вулканической Камчатки – еще более загадочной и гораздо менее изученной территории, несмотря

Банк Товарищества П.М. Рябушинского на Биржевой площади в Москве. 1912 год

на несколько экспедиций, совершенных туда русскими первоходцами XVII–XVIII веков. Он принял решение побывать в этих местах и начал подготовительную работу по организации серьезной научной экспедиции на Камчатку. На эти цели он выделил 200 тысяч рублей – огромную по тем временам сумму. Взял он ее из собственной доли наследства, доставшегося ему после смерти отца – Павла Михайловича Рябушинского, а потом и матери – Александры Степановны. В итоге личный капитал Федора Рябушинского превышал 2 миллиона рублей.

Федор Павлович собрал большую библиотеку о Сибири и Камчатке, проштудировал специальную литературу, а также все имеющиеся на тот момент географические карты и атласы. Он побеседовал со многими учеными Петербурга и Москвы, все больше убеждаясь в недостаточной изученности огромной части империи, сравнимой по площади с некоторыми европейскими государствами. Рябушинский внимательно изучил опыт своих предшественников, в том числе американского бизнесмена и мецената, одного из учредителей и президента Американского музея естественной истории Морриса Кетчума Джесупа, который профинансировал несколько крупных научных экспедиций. Особенно тщательно ознакомился Рябушинский с организацией Северо-Тихоокеанской экспедиции Джесупа, отправленной в 1897–1902 годах на северо-западное побережье Северной Америки и крайний северо-восток Азии, включая Восточную Сибирь и Дальний Восток России. При составлении плана собственной экспедиции Федор Павлович столкнулся с тем, что необходимые для этого сведения попросту отсутствуют. Он хотел сам предпринять подготовительную поездку на Камчатку для сбора нужной информации, но этому помешала резко обострившаяся чахотка.

МАНЯЩАЯ КАМЧАТКА

Камчатка давно притягивала к себе внимание исследователей. Еще в середине XVIII века под руководством офицера русского флота, капитан-командора Витуса Беринга были проведены две Камчатские экспедиции (1725–1730 и 1733–1743), внесшие важнейший вклад в развитие географических знаний о северо-восточной окраине Азии. Первая экспедиция Беринга впервые дала реальное представление не только о дальневосточном побережье России от Камчатки до северных берегов Чукотки, но и о размерах и протяженности Сибири; была составлена серия географических карт ранее не изведанных земель. Вторая экспедиция планировалась как часть Великой Северной экспедиции, названной так за беспрецедентные масштабы: были обследованы обширные пространства арктического побережья Сибири, исследован путь к Северной Америке и Японии. В результате Второй Камчатской экспедиции появились первые описания полуострова Камчатка, которые составили ее участники – биолог Георг Стеллер и тогда еще совсем юный студент Степан Петрович Крашенинников. Книга Крашенинникова «Описание земли Камчатки», в которой будущий академик приводит уникальные географические, этнографические, исторические и биологические сведения об этой *terra incognita*, сразу стала бестселлером и была переведена на французский, английский, немецкий и голландский языки. Крашенинников впервые рассказал и об основных достопримечательностях полуострова: его «огнедышащих горах» (вулканах) и «о происходящих от них опасностях», а также о горячих источниках («ключах»). В начале 1739 года Крашенинников стал, вероятно, первым ученым, который оказался свидетелем извержения вулкана Толбачик.

В XIX – начале XX века появилась и другая литература о

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Камчатская огнедышащая гора.
Иллюстрация из первого издания книги «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова (С.-Пб., 1755)

Камчатке. Однако сведения об этой территории вплоть до начала XX столетия не были систематизированы и носили отрывочный характер. Русское географическое общество (РГО) практически с момента своего основания вынашивало идею организовать экспедицию на Камчатский полуостров. В 1850–1854 годах проект такой экспедиции выдвинул основатель и первый вице-председатель РГО Федор Петрович Литке, в 1877-м его попытался реализовать естествоиспытатель и географ Бенедикт Иванович Дыбовский. А в 1903 году предложение о подобной экспедиции вносил ботаник Владимир Леонтьевич Комаров, который позднее стал руководителем всей экспедиции Рябушинского,

возглавив в ней ботанический отдел. Практическую реализацию всех этих проектов сдерживало отсутствие финансирования. И только когда Федор Рябушинский обратился в РГО с предложением устроить научную экспедицию на Камчатку на его собственные средства, проект смог наконец воплотиться в жизнь. Как вспоминал позднее Владимир Комаров, в апреле 1906 года Рябушинский лично обратился к нему «с предложением принять участие в организуемой им экспедиции для всестороннего исследования Камчатки». Он подробно изложил Комарову свой план организации экспедиции из шести более или менее самостоятельных отделов: топографического, геологического, ботанического, зоологического, метеорологического и этнографического. Подразумевалось участие многочисленного научного персонала – 24 представителя различных специальностей, а также врач и фотограф. Цель экспедиции была исключительно научная – как можно более полное и всестороннее описание Камчатки. Для разработки подробного плана экспедиции была создана особая комиссия во главе с вице-председателем РГО, прославившись

Титульный лист книги «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова (С.-Пб., 1755)

Степан Петрович Крашенинников, первый исследователь Камчатки

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945), российский ботаник, географ, академик и президент АН СССР

ленным географом и путешественником Петром Петровичем Семеновым-Тян-Шанским, к участию в ней также были приглашены видные ученые. Можно сказать, что Рябушинским была организована даже не одна, а несколько больших экспедиций, поскольку каждый из отделов его Камчатской экспедиции представлял собой отдельную, независимую от других крупную экспедицию, стоявшую под управлением особого начальника. Ученый персонал всей экспедиции состоял из 15 специалистов, не считая препараторов, метеорологов-наблюдателей и служащих. Благодаря финансированию Рябушинского экспедиция располагала превосходным снаряжением и достаточными

средствами для научных работ. Каждый из отделов имел свой маршрут и особый период работ; вся же экспедиция продолжалась с 1908 по 1911 год. Единое руководство, которое осуществляло по просьбе Рябушинского Владимир Комаров, было сведено к решению общих экспедиционных задач. Заведование всей финансовой частью Федор Павлович оставил за собой, с каждым из начальников отделов он заключил нотариальные контракты. Такая организация научных экспедиций в России была применена впервые: все предыдущие экспедиции РГО снаряжались на государственные средства. Федор Рябушинский сначала сам намеревался принять участие в полевых работах. Но когда стало понятно, что болезнь не даст ему никакой возможности это сделать, он продолжал живо интересоваться ходом работ и внимательно следил за всем, что делалось на Камчатке отправленными им специалистами. А они присыпали ему подробные отчеты о своей работе.

Участники экспедиции на вершине Ильинской сопки. Справа стоит С.А. Конради. Август 1908 года

ПУТЕВАЯ РАБОТА ЭКСПЕДИЦИИ РЯБУШИНСКОГО

Камчатская экспедиция Рябушинского носила комплексный характер. Она должна была провести всестороннее исследование полуострова: изучить его геологическое строение, климатические и гидрологические особенности, провести топографическую съемку, главным образом в районе вулканов, обследовать флору и фауну, а также изучить обычай, быт и хозяйственный уклад местного населения. Полученные научные результаты, собранные материалы и коллекции просто поражают воображение и не теряют своей ценности и актуальности до сих пор. Кроме того, очень важным итогом экспедиции было то, что она стала настоящей школой научных кадров: многие принявшие в ней участие специалисты, недавно окончившие обучение или даже студенты, прошли уникальную практику в нелегких условиях Камчатки и получили бесценные знания, что помогло им впоследствии стать известными учеными.

Геологический отдел, которым руководил горный инженер Сергей Андреевич Конради, провел физико-географическое и геологическое обследование юга Камчатки от Петропавловска до мыса Лопатка, района вулканов Шивелуч и Ключевской группы в центральной части полуострова, заливов Карагинского и Корфа. Была составлена первая топографическая карта большей части полуострова. Впервые были определены точные координаты 31 вулкана и всех крупных термальных источников. Это был настоящий научный подвиг, учитывая суровые природные условия и уровень развития геодезических приборов и оборудования. Всеми топографо-геодезическими работами руководил тогда еще студент Петербургского горного института, будущий известный российский геодезист, действительный член РГО, член-корреспондент Академии наук СССР, один из

Пик Шивелуча

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Карта вулканов Камчатки.
Составитель – Н.Г. Келль

создателей отечественной фотограмметрии и маркшейдерско-геодезической школы, профессор Николай Георгиевич Келль. Он сумел применить новые для того времени методы маршрутной триангуляции, существенно упростиившие работу геодезистов без снижения ее качества. Краткий отчет о проведенных топографических работах был опубликован в «Известиях Русского географического общества» только в 1925 году. Полученная уникальная карта вулканов Камчатки даже демонстрировалась в ноябре 1926 года на выставке русской делегации в Токио во время Третьего Всесихоокеанского конгресса; издали ее вместе с объяснительным текстом лишь в 1928-м. Два листа карты (южная часть и восточный берег полуострова) сопровождались детальными панорамными рисунками всех вулканов, выполнеными по фотографиям геолога Сергея Конради.

Ботанический отдел возглавил уже упоминавшийся Владимир Леонтьевич Комаров – известный ботаник, педагог и общественный деятель, ставший позже профессором Петербургского университета, академиком и президентом (с 1936 по 1945 год) Академии наук СССР, а также почетным президентом Географического общества СССР (с 1940 года). Это именно в его честь знаменитый дачный поселок Келльяки близ Санкт-Петербурга получил свое современное название «Комарово». Результатом работы двух экспедиций ботанического отдела стала книга «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 годах», опубликованная типографией Павла Павловича Рябушинского в 1912 году. Сам Владимир Леонтьевич охарактеризовал ее как «простой, бесхитростный рассказ о виденном и слышанном, – краткий, поскольку дело касается личных переживаний и мнений; возможно, детальный, поскольку можно иметь в виду интересы будущих путешественников и специалистов-географов». В 1927–1930 годах вышел в свет монументальный трехтомный труд Комарова «Флора полуострова Камчатка», в котором он дал схему ботанико-географического разделения Камчатки и ее флоры и привел подробную характеристику 725 видов сосудистых растений, из которых 74 вида были описаны впервые. Помимо Комарова в работе ботанического отдела

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Участники
Камчатской
экспедиции
на Жупановской
сопке. Слева
сидит Н.Г. Келль.
12 июля 1909 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Камчатская
экспедиция
Ф.П. Рябушин-
ского. Ботани-
ческий отдел.
Обложка книги
1912 года

В.Л. Комаров
во время
экспедиции на
Камчатке в 1908–
1909 годах

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

участвовали лихенолог (специалист по лишайникам) Всеволод Павлович Савич, ботаник, эколог и географ Леонтий Григорьевич Раменский, камчатский естествоиспытатель и врач Владимир Николаевич Тюшов, сахалинский агроном Эдуард Карлович Безайс, а также сын губернатора Камчатки, впоследствии видный советский микробиолог, гидробиолог и лимнолог Борис Васильевич Перфильев. Дольше других – на протяжении трех лет – работал этнографический отдел экспедиции, во главе которого стоял известный этнограф, исследователь коряков Владимир Ильич Иохельсон. Район исследований отдела простирался не только на Камчатку, но также и на Алеутские острова, которым было посвящено особое внимание, поскольку там еще сохранялось достаточно многочисленное коренное население. Исследование физической природы населения Алеутских островов, его языка, преданий и в особенности археологических остатков древних обитателей этой земли обещало пролить свет и на происхождение камчадалов, и на связь между российскими племенами коряков, чукчей, камчадалов и американскими самоедами и индейцами. И Иохельсон блестяще справился с этой задачей. Его отряду удалось собрать большую коллекцию предметов повседневного быта алеутов, а также множество интересных археологических находок.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Тунгус и тунгуска (манекены, сделанные по материалам Камчатской экспедиции)

ВО СЛАВУ РУССКОЙ НАУКИ

Собранные в ходе Камчатской экспедиции «огромные коллекции, относящиеся ко всем трем царствам природы», были привезены в Петербург. С 7 по 22 декабря 1912 года вместе с другими материалами – фотографиями, картами, графиками – они были выставлены для всеобщего обозрения в здании РГО (переулок Грибцова, дом 10, где и сейчас располагается штаб-квартира общества). Как сообщал журнал «Природа и люди», «они заполнили три залы и несколько познакомили петербургскую публику с самым удаленным уголком нашего обширного отечества». На Камчатской выставке «перебывало более 10 тысяч человек, в том числе много учащейся молодежи, учителей и даже рабочих».

На торжественном открытии выставки присутствовал вице-председатель РГО Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский, председатель его Физико-географического отдела Юлий Михайлович Шокальский, руководители отделов экспедиции Владимир Иохельсон, Сергей Конради и Николай Келль, а также вдова Федора Павловича – Татьяна Константиновна Рябушинская. После смерти мужа именно она взяла на себя все дальнейшие расходы по завершению экспедиции, обработке коллекций и по изданию «Трудов» экспедиции.

Спустя чуть более трех недель после окончания выставки Семенов-Тян-Шанский передал Татьяне Рябушинской «брюшь-кулон с изображением государственного герба, украшенного сапфиром и бриллиантами», пожалованную вдове императором...

Федору Рябушинскому не суждено было увидеть полного и блестящего окончания осуществленного им проекта. Проболев около полутора лет «буторчаткой легких» (туберкулезом), он скончался 9 марта 1910 года в имении Кучино. А исследования организованной им Камчатской экспедиции еще продолжались. В завещании, обнародованном после его смерти, особо оговаривалось, что «коллекции и материалы, добытые снаряженной Ф.П. Рябушинским экспедицией для исследования Камчатки» передавались Русскому географическому обществу для размещения в музее.

К сожалению, не все результаты экспедиции были своевре-

менщики организаторы и почетные гости на открытии Камчатской выставки. В центре сидят П.П. Семенов-Тян-Шанский и Т.К. Рябушинская. 1913 год

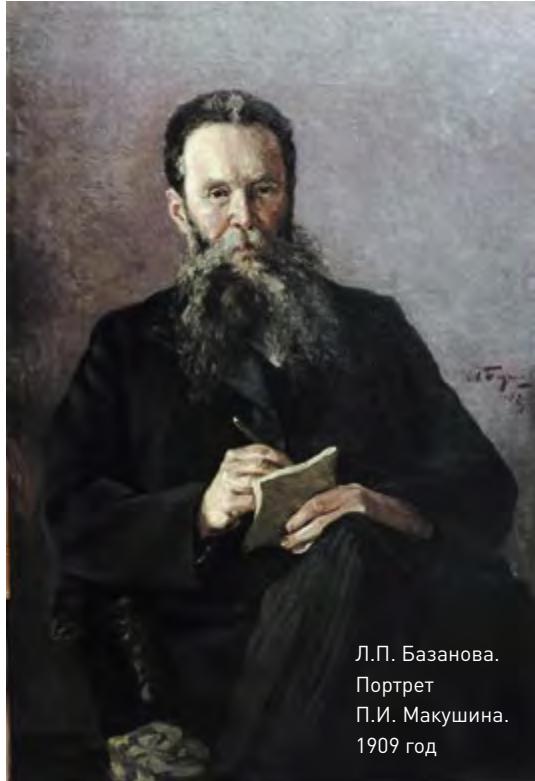
Очерк о Камчатской экспедиции Ф.П. Рябушинского в журнале «Природа и люди». Март 1913 года

менно опубликованы, как изначально предполагалось РГО: оно намеревалось издать 6 томов научных трудов (по количеству отделов). Процесс затянулся из-за того, что РГО долго не могло урегулировать отношения с вдовой Рябушинского, которая оставила за собой «исключительное право издания полного научного труда». А впоследствии этому помешала Первая мировая война и последовавшие революционные события в России. Часть трудов Камчатской экспедиции увидела свет уже в советское время, некоторые результаты не опубликованы до сих пор.

В 1910 году, после смерти Федора Павловича Рябушинского, в «Известиях Русского географического общества» была опубликована большая статья, посвященная его памяти. Она заканчивалась такими словами: «В России еще очень мало развито сознание того огромного значения и пользы, которые могут приносить частные инициативы и средства, направленные на ознакомление и изучение родины. Федор Павлович сознал это почти совсем юношей и тем тяжелее переносить его утрату: это был человек культурный, одушевленный самыми искренними желаниями принести пользу Отечеству, который мог бы еще очень и очень много сделать для русской науки».

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

РЕВНИТЕЛЬ ЗНАНИЯ И СВЕТА

АВТОР

ЕЛЕНА ПЕТРОВА

НЫНЕШНЕЙ ВЕСНОЙ НА СТРАСТНОМ БУЛЬВАРЕ В МОСКВЕ ПРОШЛА ЛЮБОПЫТНАЯ ФОТОВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ ЗНАМЕНИТЫМ ИЗДАТЕЛЯМ РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА. НА 30 БОЛЬШИХ СТЕНДАХ БЫЛА ПРЕДСТАВЛЕНА ИНФОРМАЦИЯ О СТОЛПАХ РОССИЙСКОГО ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ИЗДАТЕЛЬСКОГО МИРА: БРОКГАУЗ И ЕФРОН, БРАТЬЯ ГРАНАТ, ИВАН ДМИТРИЕВИЧ СЫТИН, ПЕТР ИВАНОВИЧ ЮРГЕНСОН, АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ СУВОРИН, МАВРИКИЙ ОСИПОВИЧ ВОЛЬФ, КОЗЬМА ТЕРЕНТЬЕВИЧ СОЛДАТЁНКОВ, БРАТЬЯ САБАШНИКОВЫ И ДРУГИЕ.

К СОЖАЛЕНИЮ, СРЕДИ них не оказалось Петра Ивановича Макушина – сибирского предпринимателя и мецената. Значение его просветительской и издательской деятельности для Сибири трудно переоценить.

АЛТАЙСКАЯ МИССИЯ

Родился Петр Иванович Макушин 12 июня (31 мая по старому стилю) 1844 года в семье дьячка села Путино Оханского уезда Пермской губернии. Начальное образование получил в приходском училище, затем окончил Пермское духовное училище и Пермскую духовную семинарию. За «благонравие и отличные успехи в науках» выпускник семинарии Петр Макушин получил похвальный лист и в 1863 году был направлен для продолжения обучения в Петербургскую духовную академию, куда его приняли на казенный счет. Казалось, Петру была уготована блестящая ка-

рьера на академическом духовном поприще: он был одним из лучших учеников в академии и вполне мог остаться преподавать в ней. Однако юноша рассудил иначе: «С семинарской скамьи в моей душе зародилась и окрепла мысль, что из дорог, ведущих народы к благосостоянию, самая верная, хотя и очень длинная и медленная, – широкое среди народных масс распространение образования. На эту дорогу и вступил я...»

Не дождавшись окончания учебы в академии, он попросил направить его в православную духовную миссию на Алтай и в рождественские дни 1865 года отправился в Сибирь. Здесь он взялся за создание школ для местного населения и организацию Центрального миссионерского училища в столице Горного Алтая – Улале (ныне – Горно-Алтайск). Спустя пятьдесят лет томское Общество народных развлечений, в создании которого Макушин тоже

ФОТО АВТОРА

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Похвальный лист, выданный ученику Петру Макушину за отличное благонравие и отличные успехи в науках. Пермь, духовная семинария

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

принял участие, так охарактеризовало его поступок: «Пятьдесят лет тому назад Вы смело направили свою жизненную стезю к нам, в страну изгнания, в прозябающую во мраке Сибирь; пятьдесят лет тому назад Вы уверенно, с большой любовью в сердце к стране положили искру под сырой костер народного образования, пятьдесят лет неутомимо эту, вначале малую искру, раздували в большой огонь, пятьдесят лет объединяли и привлекали к этой тяжелой, но благодарной работе сердца честных и благородных сибиряков». За два года миссионерской деятельности на Алтае молодой учитель подготовил 14 местных мальчиков по программе 4-летнего курса духовного училища. Позднее его воспитанники основали в Алтайском крае 15 первых школ. Он сумел открыть и школу для девочек. Кроме того, Макушин организовал воскресные чтения для взрослого населения, в основной массе своей неграмотного, а для служащих духовной миссии он устроил библиотеку. Тяга к книгам навсегда осталась его главной страстью, а потому он стремился помочь и другим утолить книжный голод. Но это было только самое начало пути.

Томск.
Благовещенский
собор и книжный
магазин
П.И. Макушина
(здание справа).
1899 год

Томск.
Бесплатная
народная
библиотека

«И НАВОДНИТЬ СИБИРЬ КНИГАМИ»

В 1868 году Петр Макушин перебрался в Томск, где стал смотрителем духовного училища. В этой должности он проработал до своего выхода в отставку в 1873 году. Вся его дальнейшая судьба была связана с этим городом. При нем духовное училище стало образцовым учебным заведением; Петр Иванович открыл в нем библиотеку, устроил переплетную, столярную и токарную мастерские, а также спортивную площадку с кеглями, «гигантскими шагами» и гимнастическими снарядами. С выходом в отставку подвижническая деятельность Макушина не закон-

чилась. Наоборот, он решил уйти с дававшей надежный заработок государственной службы, для того чтобы целиком посвятить себя просветительской деятельности.

«Назад тому 25 лет в Сибири не было ни одного книжного магазина, и всякий, кому нужна была книга, должен был обращаться за нею в ближайший центр книготорговли – Москву», – писал в 1898 году Петр Иванович. Скорость сообщения тогда была не быстрой: почта двигалась от Москвы до Томска 20–25 суток, а до Иркутска и далее, смотря по времени года, срок считался месяцами. Понятно, насколько трудна была доставка в Сибирь новых книг. А потребность в них была очень велика. По словам Макушина, «умственные интересы края требовали, чтобы книга была приближена к Сибири».

Начал он с создания частной публичной библиотеки, разрешение на которую получил в апреле 1871 года, еще на посту смотрителя Томского духовного училища. Это была первая публичная библиотека в городе, имевшая универсальный фонд по различным отраслям знаний. За определенную плату любой человек мог взять кни-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА П.И. МАКУШИН

ги на дом или работать с ними в «кабинете для чтения» в самой библиотеке. К 1917 году библиотека Макушина насчитывала около 40 тысяч томов и была одной из самых популярных в Томске; она продолжала успешно работать вплоть до ее национализации в начале 1920-го.

5 ноября 1872 года Петр Макушин направил на имя томского губернатора прошение с просьбой разрешить открыть в Томске «Сибирский книжный магазин». Спустя 10 дней разрешение было получено, однако губернатор поручил местному полицейскому начальству «иметь наблюдение за этою торговлею». Компаньоном Макушина в этом предприятии был томский купец Василий Васильевич Михайлов. Получив от него ссуду в 5 тысяч рублей (на кабальных условиях – «за половину в прибылях»), Петр Иванович в конце ноября отправился за книгами в Москву и Петербург.

«Предприятие мое – открыть в Сибири книжный магазин, многим показалось праздной затеей, и встречено было частью книгопродавцев недоверчиво. Мне пророчили неудачу, в кредите было отказано», – писал Макушин. Пришлось выбрать только самое необходимое. «Ознакомление с московскими книгоиздательями было холодным душем для моих радужных расчетов и планов. Солидные торговцы к моей мысли – устроить в Сибири книжный магазин – отнеслись с крайним недоверием, считая такое дело необдуманной затеей, – вспоминал Петр Иванович свое знакомство с миром московских книжников. – «Кто будет покупателем ваших книг? – с нескрываемой иронией спрашивали меня. – Не рассчитываете ли вы на сибирских медведей?» Нашлись, впрочем, и такие люди, которые приветствовали мое начинание. Я был проникнут и жил мечтой – приблизить книгу к Сибири и наводнить Сибирь книгами».

Петр Иванович
Макушин.
1898 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

В одну из таких поездок Петр Иванович встретился в Москве со Львом Николаевичем Толстым. Писатель узнал о просветительской деятельности Макушина от книгоиздателя Ивана Дмитриевича Сытина и попросил привезти сибиряка к нему в Хамовники. Беседа продолжалась около часа. Макушин вспоминал позднее, что он рассказал Толстому о своих планах на будущее и тот «выражал свое одобрение словами: «прекрасно», «это хорошо», «это разумно». Прощаясь, Лев Николаевич пожелал Петру Ивановичу успеха в его начинаниях и планах. А в 1891 году, к 25-летнему юбилею работы Макушина в Сибири, Толстой послал ему свою фотографию.

«Приблизив книгу к сибирскому потребителю на 4000 верст, я пробовал сделать ее доступной и сельскому обывателю, и низшему классу местного городского населения», – писал Петр Иванович. Для этого Макушин испросил у начальника губернии дозволения на развозной торг, и уже следующей зимой его служащий на лошадях разъезжал с книгами из деревни в деревню по Томскому, Мариинскому и Барнаульскому округам. Но спрос на книгу в то время оказался ничтожным, и дело прекратилось.

В 1876 году Макушин открыл торговлю народными книгами

Томск.
Публичная
библиотека
при книжном
магазине
П.И. Макушина

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

на базарной площади Томска в специально устроенной лавочке. Она просуществовала два года, «пока простой народ не узнал дорогу в магазин». Макушин пытался также распространять книги через некоторых сельских священников и учителей. В феврале 1893 года ему удалось открыть книжный магазин и в Иркутске. Он также устроил своеобразные «книжные шкафы» – лавочки на протяжении полутора тысяч верст по линии Среднесибирской железной дороги, от Оби до Иркутска, а также открыл сельские книжные лавки в 125 населенных пунктах Томской губернии. Книги в томском и иркутском книжных магазинах заказывали и клиенты из других городов Сибири. Каталог продаваемых Макушином изданий превышал 400 страниц. «Сознание, что через посредство моих магазинов внесено в Сибирь и распространено в ней <...> несколько миллионов книг, доставляет мне истинное удовольствие и дает удовлетворение, что я кое-что сделал для дорогой Сибири. Во всяком случае, содействовал распространению книги и не-разлучных с ней света и знания», – писал Петр Иванович. «Сибирский книжный магазин» Макушина до революции 1917 года являлся самым крупным книготорговым предприятием за Уралом.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Однако Макушину недостаточно было заниматься только торговлей книжной продукцией. Он решает открыть собственное издательское дело. 13 октября 1876 года в Томске заработала первая частная типография Макушина, деньги на устройство которой выделил на правах компаньона все тот же купец Михайлов. Типография была оснащена самым современным на тот момент оборудованием (три скоропечатные машины, три станка и собственная литография). В 1881 году Макушин получил разрешение на издание первой в Томске частной «Сибирской газеты», выпуск которой продолжался до лета 1888 года. В 1894-м он добился права на издание «Томского справочного листка»,

Иркутск.
Книжный
магазин
П.И. Макушина
и его компаньона
М.В. Порохина.
Начало XX века

Реклама магазина, библиотеки и газеты П.И. Макушина. 1900-е годы

в следующем году расширенного и преобразованного в «Томский листок». С 1897-го он превратился в ежедневную газету «Сибирская жизнь», которую Петр Иванович редактировал и издавал до 1905 года вместе с братом Алексеем Ивановичем Макушиним.

После открытия в Томске в 1878 году университета в типографию Макушина стали поступать заказы на печатание трудов профессоров, а также периодического издания «Университетские известия». С увеличением объема работ производство расширилось: количество типографских машин было увеличено до пяти, появилась первая в Сибири цинкография. На Уральской научно-промышленной выставке 1887 года типография Макушина была удостоена золотой медали «За отличные типографские работы».

Первым из томских издателей Макушин понял значение такого культурного феномена, как почтовая открытка. По мнению томского коллекционера Александра Борисовича Казачкова, именно Макушином были изданы самые ранние «видовые» томские открытые письма. В 1899–1900, 1903 и 1908 годах его книжный магазин выпустил три серии открыток с ви-

ПРЕДСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

дами наиболее примечательных зданий города. Причем издание 1908 года представляло собой «подкрашенные» открытки – это был первый для Томска опыт издания открыток в такой технике. Кроме того, Макушин издал две серии открытых писем по акварельным

Номер газеты «Сибирская жизнь» с портретом П.И. Макушина к 40-летию его общественной деятельности. Март 1906 года

Золотая палата. Эскиз декорации к сказке «Чудесное зеркальце» из книги Н.В. Денисова «Сказочные пьесы для народного и детского театра»

ПРЕДСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Обложка Каталога книжных магазинов П.И. Макушина в Томске и Торгового дома «П.И. Макушин и Вл.М. Порохин» в Иркутске. 1915 год

ПРЕДСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

рисункам томского художника Михаила Щеглова. Благодаря этим открыткам имя Щеглова стало известно за пределами Сибири. Даже Алексей Максимович Горький отзывался о них в одном из писем 1911 года из Италии: «Нравятся мне они: талантливо сделаны, и смешно, и трогательно».

ЩЕДРЫЙ МЕЦЕНАТ

Масштабы благотворительной деятельности Петра Ивановича Макушина поражают воображение. Кажется, не было ни одного общественно полезного дела в Томске, ни одного культурно-просветительского учреждения, которое было бы обойдено его вниманием. Один только перечень и разнообразие созданных им учреждений и обществ вызывают уважение. В 1882 году Макушин основал Общество попечения о начальном образовании в Томске с девизом «Ни одного неграмотного». И действительно добился успехов в этом отношении: процент грамотных среди населения Том-

ска стал выше, чем в других городах Сибири. А само общество послужило образцом для создания многих других подобных обществ.

Макушин выступил инициатором создания Общества содействия устройству сельских библиотек-читален, которое в 1902–1919 годах открыло в Томской губернии около 600 бесплатных библиотек. Сам Петр Иванович потратил на эти цели 40 тысяч рублей. Он также учредил две женские рукодельные школы, студенческую столовую с кулинарной школой при ней. Общество взаимопомощи учащихся и учившихся в народных школах Томской губернии, Общество пособия вечерним общеобразовательным классам, Общество попечения о народном образовании, Детский очаг для призрения 100 детей, Общество содействия устройству в селах и деревнях Томской губернии разумных развлечений.

Трудно представить, что один человек мог столько сделать для ставшего ему родным города. Помимо вышеперечисленного Макушин организовывал публичные лекции, публичные чтения, народные воскресные школы, вечерние повторительные классы, вечерние рисовальные классы для ремесленников, научную выставку, классы ручно-

ПРЕДСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

го труда и летние курсы ручного труда для сельских учителей. Кроме того, по его инициативе в Томске была учреждена бесплатная лечебница, Общий педагогический музей для всех училищ города и учительская библиотека при нем, открыта народная бесплатная библиотека. Ему принадлежала мысль о постройке дома общежития для студентов университета, и были собраны по подписке деньги на фундамент этого здания. Выстроены дома для народной библиотеки, для театра и музея прикладных знаний, здание для Сибирского областного музея. Макушин также учредил Городскую училищную комиссию, школу ручного труда, классы пения в городских школах. По его духовным завещаниям построены пять домиков для бедных и выделены две стипендии в университете. Основным детищем Макушкина стал Дом науки, открытый в 1912 году, на постройку которого он пожертвовал 110 тысяч рублей. А в 1918-м начал работать Народный университет, на создание и содержание которого он выделил 250 тысяч рублей. До революции в Доме науки работали Высшие женские курсы, потом в нем располагались, сменяя друг друга, несколько различных учебных заведений. До сих пор на этом здании сохра-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

няется надпись «Дом науки им. П.И. Макушкина». Кроме того, им были «проектированы и начаты» Дом искусств (музыкальные классы, училище живописи и ваяния и театральная студия), на него Петр Иванович выделил 30 тысяч рублей, Дом народного учителя, а также Сибирский литературный фонд. В общей сложности на различные благотворительные цели Макушином было пожертвовано около 600 тысяч рублей. За свою общественно полезную деятельность Петр Иванович, на протяжении сорока лет избиравшийся гласным городской думы, был удо-

Пётр Иванович
Макушин. Омск.
Март 1916 года

Томск. Дом науки

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Первоначальный вид могилы
П.И. Макушкина, до ее переноса
к Дому науки. Томск. 1926–1927 годы

стоен звания почетного гражданина Томска.

В советские годы Макушин продолжал просветительскую деятельность. В 1922-м он был приглашен к участию в организации государственной книготорговли в Сибири, вошел в состав правления «Сибирского краевого издательства», был заместителем председателя Сибирского отделения Всероссийского общества «Долой неграмотность».

Петр Иванович умер 4 июня 1926 года в Томске и был похоронен возле основанного им Дома науки. На могильной плите выбит девиз, ставший целью всей его жизни: «Ни одного неграмотного». Именем Макушкина был назван один из переулков в центре города.

Закончить рассказ о Петре Ивановиче Макушкине хочется словами приветствия, которое он получил в 1916 году к 50-летнему юбилею своей деятельности от уже упоминавшегося томского Общества народных развлечений, назвавшего его «ревнителем знания и света»: «Бледно и бессильно наше слово по достоинству оценить все Ваши просветительные труды на пользу родного нам края и Вашу великую заслугу перед потомством, это сделает грядущее поколение, это сделает историю».

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ЖЕЛЕЗНЫЕ МАГНАТЫ

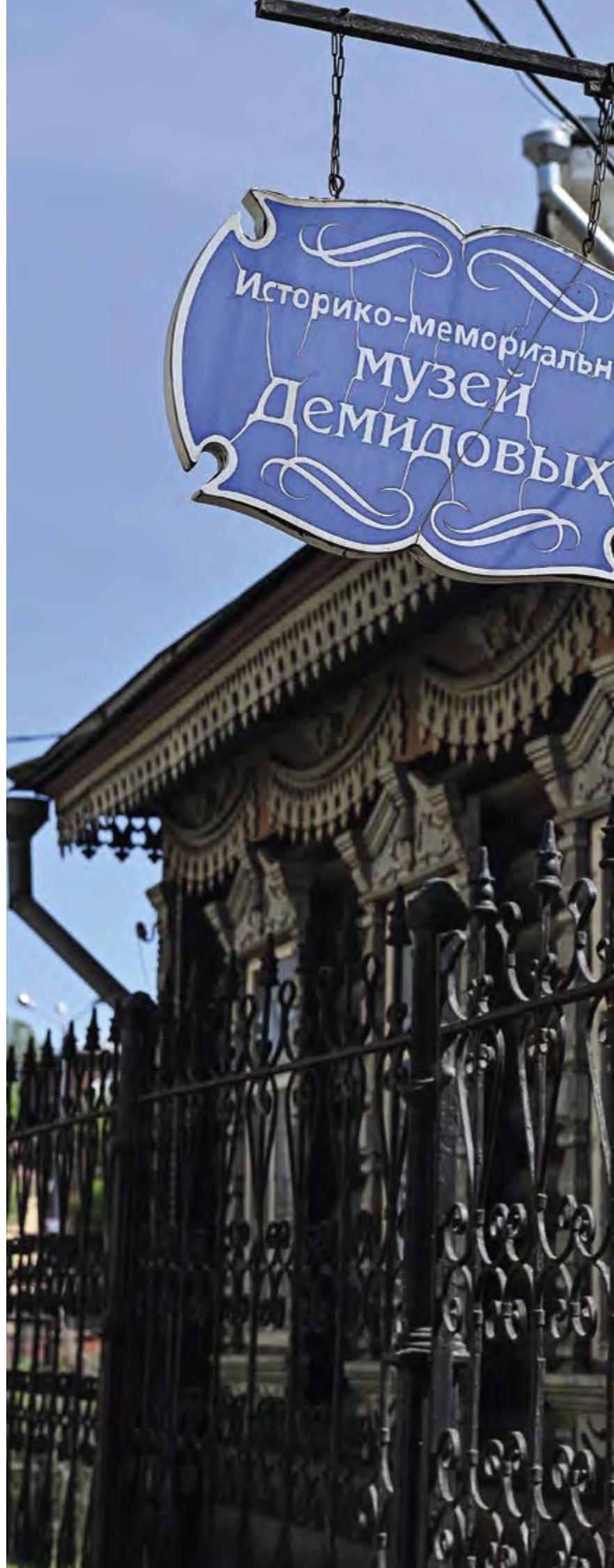
АВТОР ФОТО

ЗОЯ МОЗАЛЁВА АНДРЕЯ СЕМАШКО

ДЕМИДОВЫ... ПРИ УПОМИНАНИИ ЭТОГО ЗНАМЕНИТОГО РОДА ВСПЛЫВАЕТ ОБРАЗ МАСТЕРОВ-ОРУЖЕЙНИКОВ – СИЛЬНЫХ, СУРОВЫХ, РЕШИТЕЛЬНЫХ. У МНОГИХ ЭТА ФАМИЛИЯ АССОЦИИРУЕТСЯ С УРАЛОМ И СИБИРЬЮ: В ЭТИХ РЕГИОНАХ ДЕМИДОВЫ ПОСТРОИЛИ ГОРНОЗАВОДСКУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ПРИНЕСШУЮ ИМ ПРОЦВЕТАНИЕ. А НАЧИНАЛОСЬ ВСЕ В ОДНОЙ ИЗ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ – В СПОКОЙНОЙ И УРАВНОВЕШЕННОЙ ТУЛЕ.

Уже не все помнят, что Никита Демидов был тулянином – так в те времена именовали жителей Тулы

В ТУЛЬСКОМ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНОМ МУЗЕЕ ДЕМИДОВЫХ ПОМНЯТ ПРОСЛАВЛЕННЫХ ЗЕМЛЯКОВ И С УДОВОЛЬСТВИЕМ РАССКАЗЫВАЮТ О НАЧАЛЕ ПУТИ ЗНАМЕНИТЫХ ПРОМЫШЛЕННИКОВ. ДАЖЕ УЛИЦА, НА КОТОРОЙ РАСПОЛОЖИЛСЯ МУЗЕЙ, НОСИТ ИМЯ ДЕМИДОВСКОЙ. Открыли музей в 1996 году, когда готовились праздновать 340-ю годовщину со дня рождения основателя династии – Никиты Антюфеева, ставшего впоследствии Демидовым. «Да, он был тулянином. Сейчас говорят «туляки», а тогда жителей Тулы называли тулянами, – рассказывает специалист по экспозиционно-выставочной деятельности Музея Демидовых Галина Касатикова. – И именно здесь было создано первое предприятие Демидова. Оно было не таким масштабным, как те, что появились позже, но положило начало всей «железной империи» Демидовых». Никита родился в 1656 году в Туле, на правом берегу реки Упы, где еще в 1595 году по приказу царя Федора Иоанновича поселились кузнецы. В числе работавших здесь 30 молотобойцев был и отец Никиты – Демид Климентьевич Антюфеев. Происходил он из села Новое Павшино, которое и сегодня можно найти в Дубинском районе Тульской области.

«Мы не так уж много знаем о начальном этапе жизни Никиты Демидовича. Известно, что он работал в кузнице отца подмастерьем и даже вел некоторую торговлю, – говорит Галина Касатикова. – Когда Никите было около 40 лет, состоялось его легендарное знакомство с Петром I. Легенда, которую рассказывают посетителям в музее, гласит, что Петр как-то получил в подарок пистолет немецкого мастера Кюхенрейтера, но случайно сломал у оружия курок. Царь обращался ко многим мастерам, но никто не смог починить «игрушку», и лишь Никита Демидов не только исправил курок, но и изготовил точную копию заморского пистолета. За что получил от царя земли в Малиновой и Щегловской засеках. «Малиновая засека – это юг Тульской губернии, недалеко от Ясной Поляны. Там сейчас действует экотропа, эта территория пользуется популярностью у туристов. Памятное место, где Никитой Демидовым была добыта первая руда, тоже сохранилось. Так что можно своими глазами

Историко-мемориальный музей расположился на фамильной улице – Демидовской

ми увидеть, откуда все начиналось, – рассказывает Галина Касатикова. – Свой завод Демидов поставил на реке Тулице, при ее впадении в реку Угу. К сожалению, до наших дней он не сохранился, хотя существовал примерно до конца XVIII века. Конечно, тульский завод действовал не с таким размахом, как уральские предприятия. Тем не менее свой первый опыт будущий «железный магнат» получил именно здесь. Когда Никита приступил к развитию земель Урала, Алтая и Сибири, он уже был сведущим мастером». Кстати, сейчас на месте, где располагался тульский демидовский завод, стоит памятный знак – камень из яшмы, который установили ко дню рождения Никиты Демидова 5 апреля 2023 года по инициативе Международного Демидовского фонда.

Надо заметить, что в развитии сибирских и уральских предприятий существенную роль сыграл старший сын Никиты – Акинфий, ставший достойным наследником и продолжателем дела отца. Сам же Никита Демидович никогда не разрывал связи с тульским краем. И умер он в Туле.

«Думаю, то, что местом последнего приюта Никиты стала тульская земля, дает исчерпывающий ответ на вопрос, почему музей расположился в Туле. Причем создан музей на исторической территории – на правом берегу реки Упы, где когда-то жили кузнецы. Сейчас здесь находится мемориальный сквер, а когда-то располагалось церковно-приходское кладбище, на котором и похоронили Никиту Демидова, – говорит Галина Касатикова. – Здесь же покоялся прах Демида Антюфеева. К сожалению, его место захоронения неизвестно, но оно точно было на этой земле».

В роду Демидовых были очень разные люди, и экспозиция, посвященная истории металлопромышленников, очень разноплановая

Многие представители знаменитой династии были неординарными личностями. Демидовы и их потомки остались яркий след в истории

ЛЕГЕНДАРНАЯ ДИНАСТИЯ

У Никиты Демидовича было три сына – Акинфий, Григорий и Никита. Старший, Акинфий, стал первым помощником отца. Именно с ним Никита Демидович отправился покорять новые земли. Но при всех успехах на Урале и в Сибири Акинфий тоже не забывал про родную Тулу: здесь он в 1729–1735 годах возвел храм – тот самый,

в котором сегодня находится усыпальница рода. Так в Туле появился величественный двухэтажный храм, который в народе называли «Никола Богатый». Им можно любоваться и сегодня. Правда, в советское время в нем располагался склад, но затем храм вернули церкви. Для прихожан пока открыт лишь первый этаж, восстановительные работы продолжаются. Напротив храма, на другой стороне улицы, высится колокольня. Такое странное архитектурное решение неслучайное. Первоначально колокольня была пристроена к западной части храма. Но после возведения она обрушилась, и под ее обломками погибли люди. Чтобы трагедия не повторилась, было решено строить колокольню на другой стороне улицы. Ее соединили переходом со вторым этажом храма, который опоясывала галерея. Увы, эти конструкции до наших дней не уцелели. В 90-е годы XX века возле церкви проводили археологические раскопки. Многое из найденного тогда стало экспонатами тульского музея. Фрагмент люстры, серебряная ручка, нательные кресты, в том числе янтарный, монеты, перстни, печные

изразцы, а также золото, серебро, алмазы... Словом, сокровища Демидовых. В усыпальнице Демидовых в храме было обнаружено около 20 захоронений. Генетическую экспертизу останков не проводили, так что точно сказать, кто там похоронен, пока невозможно. Однако считается, что в усыпальнице покоятся Акинфий Никитич Демидов, его вторая жена, Евфимия, один из трех их сыновей – Григорий Акинфиевич и его супруга Анастасия. В Туле бытует легенда, что Николо-Зарецкий храм Акинфий Демидов возвел в память о своей первой жене, Авдотье, которая трагически погибла совсем юной. «Какое-то время считали, что матерью двух первых сыновей – Прокофия и Григория – была первая жена, а Никита рожден уже от второй, – объясняет Галина Касатикова. – Так думали потому, что наследство Акинфий завещал Никите – такое решение было нехарактерно для того времени. Однако исследователи доказали, что у всех сыновей была одна мать, а наследником отец сделал младшего потому, что видел в нем предпринимательскую жилку. И не ошибся...».

МЕДАЛЬ ВЕСОМ 7 КИЛОГРАММОВ

В экспозиции тульского музея можно увидеть почти все, что нашли археологи во время раскопок на территории тульского Заречья – бывшей Оружейной слободы. Чего здесь только нет: алебарды, ружейные и пистолетные стволы, форма для литья ядер, пушечное ядро, ружейные замки, пушка чугунная... К Оружейной слободе примыкала Гончарная – кузнецам требовалась глина, из нее делали сопла, которые использовались в домнах при выплавке металла.

На Демидовских заводах изготавливали брутальные вещи

Так что керамическим изделиям в музее тоже нашлось место. Детям особенно интересна музейная зона «Руками трогать». «Гости нашего музея не только слушают рассказ экскурсвода, они могут потрогать подлинные предметы – фрагмент кольчуги, изразцы, глиняные курительные трубки – моду на курение ввел в России Петр I, утюг, которому более ста лет, дверную петлю, подкову – все эти предметы погружают нас в прошлое, – считает Галина Касатикова. – Дети нередко подходят и спрашивают: где купить такую кольчугу?» Внимание посетителей постарше привлекает другой экспонат – знаменитая медаль «За пьянство». Потрогать можно реплику, а в витрине – увидеть оригинал. «Петр I велел «награждать» такой медалью всех тех, кто злоупотреблял спиртными напитками, – объясняет Галина Касатикова. – Вес этой медали 6 килограммов 800 граммов, надевали ее на несчастных в полицейском участке. Снимать самостоятельно запрещалось». На первый взгляд это довольно забавное наказание, но на самом деле, потаскав пару дней на шее 7 килограммов, пожалуй, задумашься: снова уходить в запой или стоит образумиться?..

КОРОЛИ МЕТАЛЛУРГИИ

Есть в экспозиции музея предмет, от которого становится не по себе. Это клеймо «вор». Букву «в» выжигали на лбу, а «о» и «р», как правило, на щеках. Так в старину наказывали нарушителей закона.

Удивляет выставленный здесь оригиналный портрет царя Петра, выполненный неизвестным художником, который вместо холста использовал... железо. Глядя на него, начинаешь понимать: неслучайно Тула стала «железным» городом, даже художники здесь творили на металле. А вот портрет Никиты Демидова выполнен на традицион-

ной основе. Написал его местный художник Евтеев. Правда, в Туле можно увидеть список, оригинал же хранится в Нижнем Тагиле. Есть в музее и копия портрета Акинфия, старшего сына Никиты и главного наследника его дела, – оригинал этого портрета написан известным портретистом елизаветинского барокко Георгом Кристофором Гроотом.

Здесь же – пушки и ядра, которые изготавливали на тульском заводе, а стоящая по соседству посуда – это уже продукция уральских предприятий. Медная, покрытая оловом, укращенная чеканкой, она хорошо продавалась в России и даже поставлялась в Европу. Ковш, кувшин, братина, стопка, чарка – образцы этой посуды в основном хранятся в Государственном историческом музее в Москве.

Почему же знаменитый тулянин, у которого неплохо шли дела на родной земле, вдруг решил отправиться на Урал? «В 1702 году по указу Петра I Никита берет под управление Невьянский казенныи, то есть государственный, завод, – поясняет Галина Касатикова. – Производство постепенно набрало серьезные обороты, стали появляться все новые и новые заводы. И в начале XVIII века уже 40 процентов всего российского чугуна давали Демидовские заводы. Всего за XVIII столетие Демидовыми было создано более 55 предприятий – медеплавильных, железноделательных, чугуноплавильных».

Никиту Демидовича неслучайно называют сподвижником Петра I: современники отмечали, что он пользовался особым расположением царя. В 1709 году простой кузнец получил звание придворного комиссара, в 1720-м – личное дворянство. Все эти звания были пожалованы Демидову за особые заслуги. Петр I вел войны, строил флот, реформировал и перево-

Оригинал портрета Акинфия Демидова хранится в Нижнем Тагиле. В Туле можно увидеть копию этой работы

Нередко Демидовых называют оружейниками, но на их заводах изготавливались и вполне мирные бытовые предметы

оружал армию, возводил Санкт-Петербург – для всего этого нужен был металл. Россия преображалась на глазах, и в этом была в том числе и заслуга Демидовых.

Между прочим, на Высоком заводе Демидовых работали знаменитые отец и сын Черепановы – Ефим и Мирон, которые построили первый в России паровоз и которых нередко по ошибке называют братьями.

СПОСОБНЫЕ УДИВЛЯТЬ

В тульском музее можно познакомиться с историей знаменитой наклонной Невьянской башни (см.: «Русский мир.ru» №1 за 2020 год, статья «Дедушка уральских заводов»). Имя архитектора неизвестно, точного года ее создания мы тоже не знаем, но считается, что она была возведена в 20-х годах XVIII столетия, – рассказывает Галина Касатикова. – Высота башни – около 60 метров, наклон у нее около 2 метров 20 сантиметров. Ее нередко называют копией Пизанской башни, но на самом деле есть серьезное отличие: Пизанская падающая, а Невьянская – наклонная. Для чего она была построена, точно сказать не могу, ее часто называют символом влияния и могущества Демидовых на Урале. Верхние этажи башни занимал часовой механизм, а на нижнем есть легендарная «звуковая» комната. Если два человека встанут в разных углах этой комнаты, они могут негромко беседовать друг с другом, и при этом третий человек, стоящий в центре, не услышит ни звука. Вот такой акустический эффект».

Судьбы представителей рода Демидовых не раз вдохновляли писателей, режиссеров и актеров. Достаточно вспомнить трилогию «Каменный пояс» Евгения Федорова или двухсерийный фильм «Демидовы», снятый еще в 1980-х годах. «Но в художественных произведениях преобладает вымысел, – вздыхает Галина Касатикова, – и у большинства читателей и зрителей образ Демидовых формируется именно по этим творениям». Трудно сказать, насколько вымысел совпадает с реальностью, но, думается, определенная доля правды в этих произведениях есть: неслучайно в них Демидовы наделены суровым характером, решительностью и предприимчивостью. Даже в продукции демидовских предприятий чувствуется брутальность, в витринах тульского музея есть немало тому подтверждений: чернильница в виде головы медведя, мощные кованые рамки для фотографий...

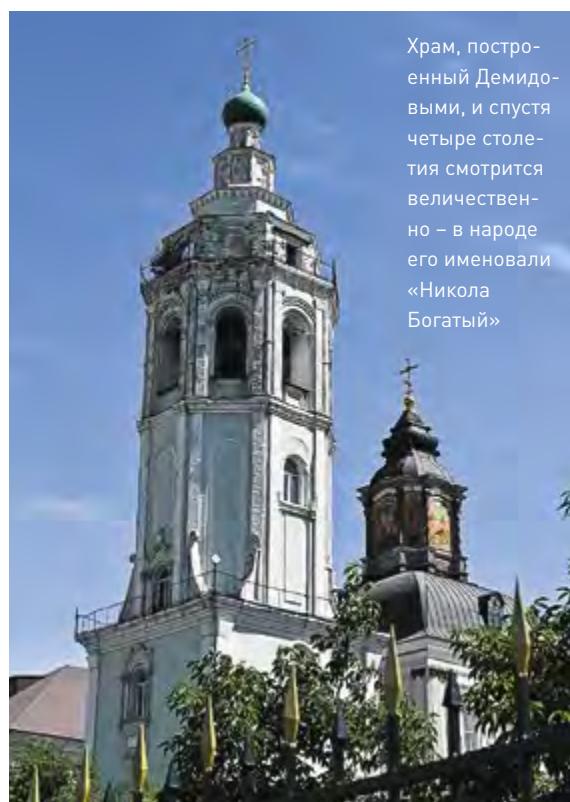

Еще один экспонат может служить доказательством того, что Демидовы ко всему подходили с размахом. В тульском музее можно увидеть сибирскую монету. «Это был уникальный случай в истории России, когда на территории демидовских владений ходила собственная монета. Правда, просуществовала она недолго и быстро вышла из обращения, потому что ее неохотно принимали купцы, ведь расплатиться ею можно было не везде», – объясняет Галина Касатикова.

Вообще, в истории этого рода много интересных фактов, свидетельства о которых хранятся в музее. Жалованное императрицей Екатериной I потомственное дворянство трем сыновьям Никиты. Герб, разработанный для этого рода графом Санти: на нем знаменитый геральдист изобразил три рудоискательные лозы. Пояс – символ достоинства дворянского рода. Серебряный молот – символ рудоискательской деятельности. Девиз династии Демидовых: *Acta non verba* – «Делами, а не словами». Но не только железом были славны Демидовы. Например, одного из представителей рода называли «малахитовым королем».

Кстати, именно Демидовы познакомили европейских мастеров с этим камнем. Можно даже сказать, что они ввели моду на малахит, создавая из этого минерала вазы, каминные часы и многое другое. Работали они и с другими материалами. «Вот здесь у нас асбест, – показывает

В музее постарались собрать экспозицию, которая представляет сложный и разносторонний род Демидовых и их вклад в развитие России

Храм, построенный Демидовыми, и спустя четыре столетия смотрится величественно – в народе его именовали «Никола Богатый»

Галина Касатикова на одну из витрин. – Есть красавая история, связанная с этим материалом. Фигурируют в ней то Петр I, то Екатерина I. Рассказывают, что Акинфий Демидов расстелил перед царствующей особой скатерть из асбеста, а после трапезы все свернул и отправил в огонь. Сгорело все, уцелела только сама скатерть. Это легенда, которая ничем не подтверждена, тем не менее она отражает отношение современников к Демидовым. Они умели удивлять».

РОДОВОЕ ДРЕВО

Удивлять они и правда умели, возможно, потому интерес к колоритному роду не ослабевает и сегодня. Кого только не найдешь в этой династии! Начнем с сыновей Акинфия. Как уже говорилось, их было трое, но основную часть наследства и все заводы отец оставил самому младшему, Никите. Тот дело отца продолжил и приумножил. «А старшие братья – Прокофий и Григорий – увлекались совершенно нехарактерным для мужчин того времени видом деятельности – растениеводством, – объясняет Галина Касатикова. – В своем московском имении Нескучное Прокофий создал ботанический сад». На копии картины Левицкого (оригинал находится в Третьяковской галерее) изображен Прокофий Демидов. Художник написал его в халате, с лейкой, указывающей на любимые цветы. Здесь можно увидеть и портрет его дочери Анастасии, которая в замужестве стала Хозиковой. Родилась она во втором браке Прокофия с бывшей крепостной – эта история любви в свое время тоже наделала немало шума. Прокофий вообще слыл чудаком. Но при этом он был крупным благотворителем, жертвовал на благие дела солидные суммы. К примеру, в том числе и на его средства были построены воспитательный дом в Москве и первое здание Московского университета. Григорий Акинфиевич тоже не отставал от брата: вместе с женой Анастасией, урожденной

Частью музея стала родовая усыпальница Демидовых в Николо-Зарецкой церкви. Это единственное уцелевшее в России внутрицерковное захоронение представителей рода

Суровцевой, разбил первый в России научный ботанический сад в селе Красное под Соликамском. Он переписывался со знаменитым шведским естествоиспытателем Карлом Линнеем и обменивался с ним посадочным материалом. У Григория и Анастасии родились три сына и семь дочерей. Все дети получили прекрасное по тем временам образование. Одна из дочерей Григория, Хиония Демидова, перевела французскую сказку «Красавица и Чудовище» на русский язык, и этот перевод лег в основу сказки Сергея Аксакова «Аленьевский цветочек».

Такие факты заставляют по-другому взглянуть на Демидовых, которые в романах и фильмах предстают суровыми и жесткими дельцами. В музее считают, что такими были первые Демидовы и что их суровость сильно преувеличена. «Демидовы не были мягкими людьми, но какой-то особой жестокости за Акинфием и Никитой их современники не замечали, – говорит Галина Касатикова. – Их методы управления

Демидовы постоянно развивали свое производство и старались идти в ногу со временем, а иногда и опережали его

мало чем отличались от тех, что применялись в ту эпоху». Вообще, семейное древо Демидовых очень любопытное: среди потомков первых промышленников можно найти имена, сыгравшие заметную роль в истории России. К примеру, Ярославский государственный университет носит имя своего основателя – Павла Григорьевича Демидова. Этот внук Акинфия собирал различные редкости, увлекался нумизматикой и гербарием – все эти коллекции он передал в дар Московскому университету. Правда, часть их погибла во время пожара 1812 года.

Даже рабочие на демидовских предприятиях были необычные: отец и сын Ефим и Мирон Черепановы, крепостные рабочие, приписанные к Выйскому заводу Демидовых, придумали и построили первый паровоз и железную дорогу в России

Один из внуков и тезка Григория Акинфиевича, Григорий Александрович, женился на княжне Екатерине Лопухиной. Их потомкам было позволено носить фамилию Лопухины-Демидовы, поскольку мужская линия рода князей Лопухиных прервалась. А Никита Акинфиевич был женат трижды. Две его жены скончались молодыми, сын и дочь от первой супруги умерли в младенчестве. Третья жена – Александра, урожденная Сафонова, – родила ему двух дочерей и сына Николая. «Николай Никитич женился на баронессе Елизавете Строгановой, – рас-

Именно в Туле началось первое государственное оружейное производство в России

сказывает Галина Касатикова. – Это был человек удивительной судьбы. В войну 1812 года Николай Никитич на собственные средства сформировал 1-й егерский полк Московского ополчения, который называли в его честь Демидовским. Затем как дипломат отправился в Тоскану».

Павел, старший сын Николая Никитича Демидова, женился на баронессе Авроре Шернваль. Современники называли ее «роковой Авророй». Биография красавицы заслуживает отдельного рассказа, поэтому коснемся этой судьбы лишь вскользь: ей посвящали стихи известные поэты, а ее вторым мужем после смерти Павла Демидова стал Андрей Карамзин – сын знаменитого исто-

рика. «Павел Демидов был курским губернатором, учредил Демидовскую премию, которая выдавалась с 1832 по 1865 год. Полная премия составляла 5 тысяч рублей – это было неплохое подспорье для молодых ученых. В разное время лауреатами премии становились Менделеев, Пирогов, Сеченов, Востоков», – говорит Галина Касатикова.

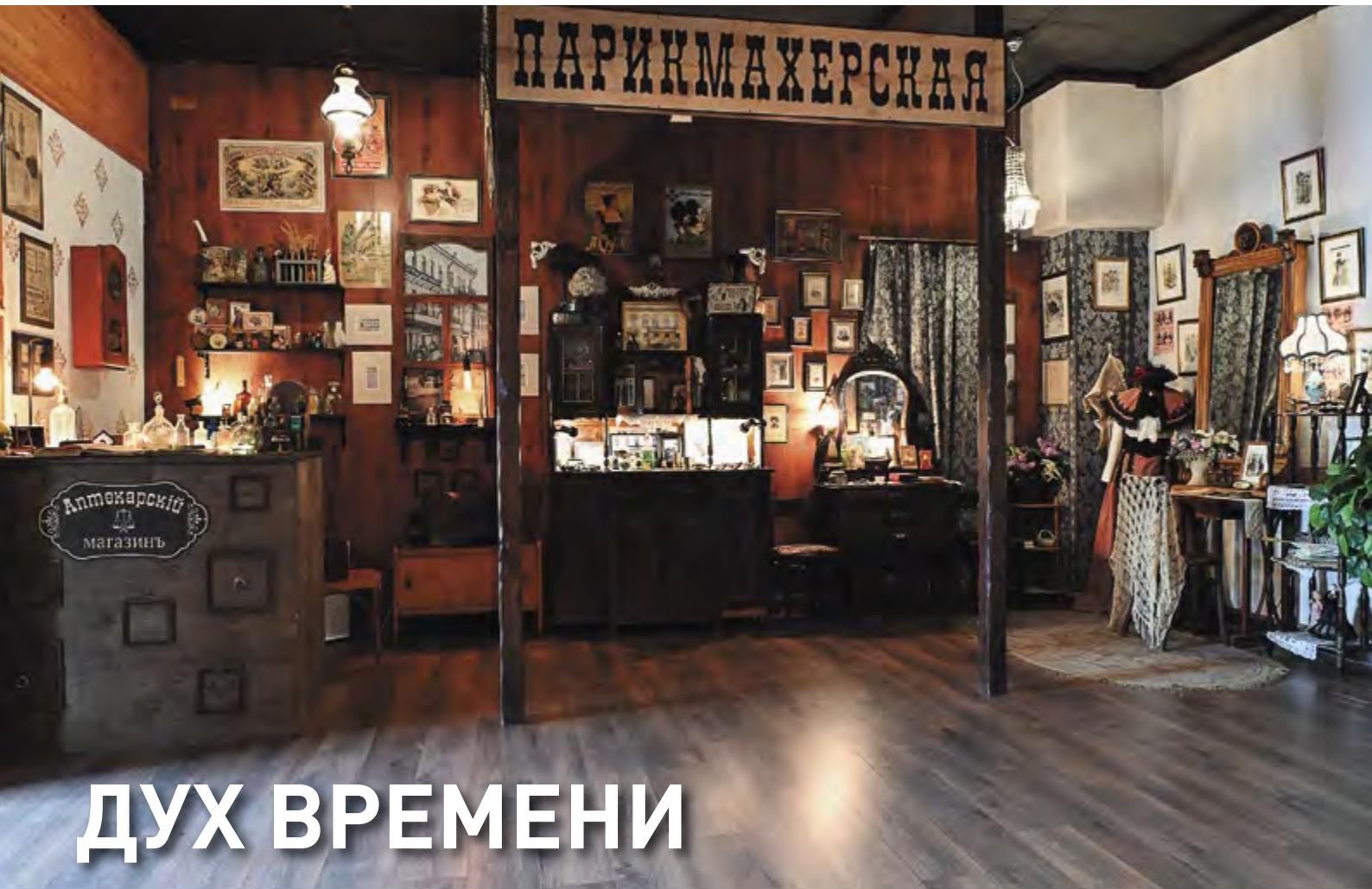
А одна из самых ярких любовных историй «железного рода» связана с именем Анатолия Николаевича Демидова, младшего брата Павла. Он женился на племяннице Наполеона Бонапарта и императора Николая I – прекрасной Матильде-Летиции Вильгельмине (см.: «Русский мир.ru» №3 за 2024 год, статья «Русский вояж Матильды Бонапарт»). Правда, брак был недолгим, последовал официальный развод. Анатолий более не вступал в брак, и наследников у него не осталось. Поэтому все

его состояние, в том числе титул князя Сан-Донато, который он имел в Италии, перешло к его племяннику Павлу Павловичу Демидову – сыну Павла Николаевича и Авроры. Павел был женат дважды, его первой женой стала Мария Мещерская, бывшая возлюбленная императора Александра III. Она умерла в 24 года, родив сына. Второй женой Павла стала Елена Петровна Трубецкая. Одна из их дочерей, Аврора, названная в честь бабушки, вышла замуж за принца Арсена Карагеоргиевича, представителя правящей династии Сербии. У них родился наследник – Павел Карагеоргиевич, который позже женился на принцессе Ольге Греческой. Любопытно, как может расти семейное древо рода, начавшего когда-то свое возвращение с простого кузнеца...

Много всего неожиданного переплелось в сложной истории демидовского рода. Ну вот, к примеру, что может связывать Тулу и Флоренцию? В обоих городах можно увидеть памятники представителям династии Демидовых. Во Флоренции, на набережной реки Арно, на Демидовской площади, установлен памятник Николаю Никитичу Демидову – его благодействия в итальянском городе помнят и сегодня. А на площади в Туле можно увидеть памятник Никите Демидову. Бронзовый Никита «смотрит» на монумент Петра I, который находится на другой стороне площади и развернут в сторону Демидовской плотины – туда, где был когда-то завод Никиты Демидова.

Потомки Демидовых живут сегодня в разных странах – Италии, Канаде, Финляндии, Англии, Франции... Со многими из них тульский музей поддерживает связь. Вряд ли кузнец Никита Демидов мог представить, как разрастется его родовое древо, до каких высот дотянутся его ветви... Но самое главное, что и потомки, и земляки хранят память о знаменитых тулянинах вот уже четыре столетия. ■

ДУХ ВРЕМЕНИ

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

У КАЖДОЙ ЭПОХИ СВОИ АРОМАТЫ. МОДА НА ЗАПАХИ МОЖЕТ РАССКАЗАТЬ МНОГОЕ О ВРЕМЕНИ И О ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ В НЕМ ЖИЛИ. УЛОВИТЬ ДУХ РАЗНЫХ ЭПОХ ПОПЫТАЛИСЬ В РЯЗАНСКОМ МУЗЕЕ «АРОМАТ ВРЕМЕНИ» – ЗДЕСЬ МОЖНО БУКВАЛЬНО ПОНЮХАТЬ ИСТОРИЮ.

ЧТОБЫ ПОНЯТЬ, ЧТО предшествовало созданию музея, отправимся в недалекое прошлое. Начало этой истории надо искать за много километров от Рязани – в Пскове. «Да, я из Пскова и до поры до времени никакого отношения к Рязани не имела. Но у меня были друзья-рязанцы, с ними я отправилась в поход, а потом решила остаться в Рязани», – рассказывает создатель музея «Аромат времени» Ксения Паначева.

ВЛЮБЛЕНА ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ

В Рязани Ксения Паначева живет уже семнадцать лет, ее хорошо знают и в городе, и за его пределами как одного из самых креативных и активных рязанских экскурсоводов. И сейчас трудно поверить, что примерно половину своего рязанского периода Ксения жила, не имея никакого отношения ни к туризму, ни к истории, ни к достопримечательностям.

До поры до времени Ксения Паначева была далека от сферы туризма – она стала ездить по региону, чтобы его полюбить, а теперь и другим прививает эту любовь

«Рязань я совершенно не знала. В какой-то момент я поняла, что мне надо либо оставаться, либо возвращаться в Псков. Я задумалась: если оставаться, то зачем? – делится Ксения. – Честно говоря, уезжать не хотелось, и я стала искать «крючочек», который мог бы меня зацепить. У меня было убеждение: если я узнаю регион, то наверняка полюблю его».

Ксения стала ездить по Рязанской области. Просто набирала в интернете «что посмотреть?» и ехала. Первым пунктом стало село Старое Зимино Захаровского района, где находится очень красивая заброшенная усадьба. Посмотрела, изучила ее историю. Так и стала путешествовать: поищет, почитает, пойдет смотреть. Завела группу в соцсетях – «Рязань туристическая. Уникальные маршруты». Группа начала быстро разрастаться. Потом желающие стали присоединяться к поездкам. «Мы много ездили по заброшенным уголкам. Я понимала: рано или поздно всего этого не будет. Хотелось показать другим эту уходящую красоту. Рассказать о людях, которые строили усадьбы и жили в них, сохранить и передать эту память –

успеть, пока что-то есть хотя бы в виде кирпичей, – рассказывает Ксения. – Работала я совсем в другой сфере, это было просто хобби. Потом возникла потребность заниматься этим более углубленно. Мне захотелось водить экскурсии по Рязани. Не скажу, что изучала рынок – это слишком серьезно. Но смотрела, что происходит в других городах – Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде. И видела, что там много тематических экскурсий, даже социально-тематических проектов. Мне хотелось сделать что-то подобное. В итоге пришла к идеи создания проекта». И вот у Ксении родилась идея, а ее коллега приду-

Более века назад индустрия красоты была менее разнообразна, но не менее интересна

Идея создания музея родилась благодаря громкому начала ХХ века, который удалось приобрести на аукционах

мал задорное название – так появился проект «Я вам покажу!». Тематические и обзорные экскурсии Ксении отличались неординарностью и стали набирать популярность.

Туристическая тема так увлекла, что постепенно стала основным занятием. «Часто говорят, что в Рязани плохо развит туризм. Туристов действительно могло бы быть больше. Но с 2015 года я кормлю себя именно этой работой и пока не умерла от голода», – смеется Ксения. Можно сказать, что появление в Рязани такого экскурсовода, как Ксения Паначева, стало большим плюсом: она переломила стандартное представление о городе, помогла даже местным жителям по-новому взглянуть на родные места.

ЭКСПОЗИЦИЯ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО МУЗЕЯ

«Меня часто спрашивали, почему я не вернулась в Псков, ведь там такая благодатная почва. Конечно, там, где есть 10 памятников ЮНЕСКО, проще заниматься туризмом. Но мне не так интересно делать это там, где все уже есть. Мне хочется что-то доказать. Я многие вещи делаю, чтобы какому-то безликому виртуальному собеседнику что-то доказать», – говорит Ксения. И она уже доказала, что Рязань намного интереснее, чем кажется. В истории края она нашла множество интересных фактов, некоторые из них были подзабыты.

К примеру, проводя обзорную экскурсию по Рязани, она рассказывала про Макса Фактора – мало кто помнил, что всемирно известный косметолог начинал свою блестательную карьеру в Рязани. «Поначалу, когда я говорила об этом, люди поражались: Макс Фактор в Рязани? Не может быть! Я решила собрать больше информации. Посмотрела русскоязычные и англоязычные сайты, выяснила, что у него был свой биограф, который написал книгу, обнаружи-

ла в ней фотографию Рязани. Вот какой хороший человек, указал конкретно город, а не «ниа бай Моску», как нередко пишут о Рязани, – рассказывает Ксения. – Потом наткнулась на сайт некоего австралийца – огромный портал об истории косметических брендов. Там обнаружился раздел, посвященный Максу Фактору. Мы списались с этим австралийцем. Общаюсь с ним, я узнала, что Макс Фактор создал первый в мире киногрим, за что и получил звезду на Аллее славы в Голливуде». Ксения выяснила, что этот грим можно приобрести – стоит он совсем недорого. Она купила его, чтобы показывать людям, ведь интересно, что представлял собой грим начала XX века! Потом задумалась: если есть грим вековой давности, может быть, сохранилась и косметика Макса Фактора того времени? Ксению так увлекла эта идея, что она стала участвовать в аукционах. Так постепенно подобралась небольшая экспозиция несуществующего музея.

Когда Ксения написала в соцсетях об экспонатах, у которых нет места, люди откликнулись: оказалось, в центре Рязани есть небольшое помещение, подходящее для музея. И в конце 2019 года в самом центре города открылся исторический салон, в котором можно узнать много интересного об индустрии красоты прошлых времен. «Несмотря на то, что Макс Фактор послужил отправной точкой, я не хотела создавать музей его имени, мне показалось это несправедливым по отношению к другим людям, которые работали в нашем городе. Конечно, Макс Фактор – это имя, которое вызывает интерес, но помимо него здесь было много достойных аптекарей, парикмахеров и цирюльников, которые тоже хорошо знали свое дело. Поэтому знаменитому косметологу у нас посвящена только часть экспозиции, – поясняет Ксения. – Мы рассказываем, как работала сфера красоты в конце XIX – начале XX века».

В музее «Аромат времени» постарались собрать самые разные мелочи, олицетворяющие собой мир красоты прошлого

СЕКРЕТЫ КРАСОТЫ

Одна из первых экспозиций музея – дамский будуар XIX–XX веков. Многое из того, что в нем можно увидеть, мало изменилось с той поры: те же расчески, зеркала, флакончики. Но есть здесь предметы, которые уже покинули «арсенал» современной женщины. Острая длинная булавка в руках экскурсовода вызывает настоящие дискуссии. «Шпилька? Брошь?» – гадают посетители. Им трудно догадаться об истинном предназначении этого предмета, ведь мало кому придет в голову, что таким «копьем» прикалывали шляпку. «Это еще небольшая, – объясняет экскурсовод Алла, вертая в руках

острую «рапиру» длиной не менее 20 сантиметров. – В начале XX века шляпы достигают пика своего размера. Они стали такими огромными, что женщинам в Москве и Санкт-Петербурге даже запретили передвигаться на общественном транспорте. И причина была в первую очередь в шляпных булавках – порой они достигали полуметра. Даже вышел закон, запрещавший носить булавки без защитного колпачка – во избежание ранений. Шляпная булавка была многофункциональной вещью, с ее помощью можно было даже обороняться от назойливых поклонников. Кстати, известно немало убийств, где орудием вы-

Шляпные булавки порой достигали полуметра – дамам даже запрещали ездить в общественном транспорте, чтобы пассажиры не получили травм

ступала шляпная булавка – дамы протыкали сонную артерию или втыкали ее в ухо...».

Сотрудники рязанского музея нашли брошюру светской львицы того времени – итальянская актриса, одна из первых фотомоделей, Нина Кавалье, охотно раздавала советы. В наше время она точно стала бы бьюти-блогером, а в то время придумала продавать открытки с собственным изображением и издавала сборники рецептов красоты – первый вышел в 1912 году. Вот, к примеру, одна из ее мудростей: «Всякий раз, когда женщина испытывает усталость, она тем самым уменьшает капитал своего очарования». Для поддержания красоты Кавалье рекомендовала класть на ночь на лицо кусок парной телятины...

Впрочем, красивыми хотели быть не только женщины. И в музее «Аромат времени» можно убедиться, что для создания привлекательного образа мужчины прилагали не меньше усилий, чем представительницы прекрасного пола. Для чего прибегали к услугам мастеров – цирюльников, куафёров, парикмахеров, брадобреев, которых в наше время именуют «барберами». «Современные барбершопы – это места, максимально приближенные по концепции к парикмахерским концам XIX века: работают мужчины, обслуживают только мужчин, – объясняет Алла. – Женщины в парикмахерские не ходили – у них были помощницы, которые помогали управляться с волосами».

«ГОЛУБЧИК, ЗАВЕРНИ МНЕ КАПУЛЬЧИК»

Существовала разница между парикмахерами и цирюльниками. «Кто такой цирюльник? Мужик крепкий, сильный, носил с собой стул и два чемодана, – рассказывает Алла. – Вот он идет, кричит, рекламируя свои услуги, и любой человек на улице может ими воспользоваться. Найдя «жертву», цирюльник спускает с шеи стул, рядом ставит чемоданы. Клиент присаживается на стул – и вот он уже в салоне». Главное отличие ци-

Французский тенор Виктор Капуль стал эталоном красоты, и его прически старались подражать едва ли не все мужчины

рюльника от парикмахера было в том, что помимо наведения красоты цирюльники оказывали мелкие медицинские услуги: вырвать зуб, срезать мозоль, удалить бородавку, вскрыть фурункул, сделать кровопускание. Прямо посреди улицы эти «специалисты» могли проделать подобные манипуляции. «Недавно мы дополннили экспозицию, посвященную цирюльникам, потому что мне встретились очень интересные воспоминания драматурга Евгения Шварца. Его дедушка и бабушка по материнской линии были из Рязани, – рассказывает Ксения Паначева. – Шварц вспоминает, как ребенком он приходил в цирюльню, там был запах лавандовой воды, стрекотали ножницы. Его дед был цирюльником, он не только стриг и брил, но еще и ставил банки. Так что экспозицию мы дополннили банками».

Эпохе цирюльников положил конец царский указ. Решили, что лечиться надо ходить к врачам, стричься – к парикмахерам. Парикмахеры, они же куафёры (чем больше французских слов задействовано, тем дороже услуга), старались вовсю. Считалось, к примеру, что если в парикмахерской делали прическу «а-ля Капуль», то это фешенебельное заведение. Кто такой Виктор Капуль, в «Аромате времени» рассказывают подробно. Французский оперный тенор был богат, знаменит, красив. Он будоражил умы не только женщин, мужчины старались ему подражать, так что его прическа пользовалась неимоверной популярностью. Ровный пробор посередине, гладкие напомаженные волосы, уложенные в многочисленные завитушки. Если присмотреться, то можно заметить, что современные подростки причесаны по моде начала XX века и носят тот самый «капульчик», как нежно называли любимую прическу в то время. Мужчины приходили в парикмахерскую и говорили: «Голубчик, заверни мне капульчик».

Инструменты для создания красоты той эпохи больше напоминают орудия пыток

ПЕРИОД УСАЧЕЙ-БОРОДАЧЕЙ

Но не только «капульчиком» славилась мужская мода того времени. Это было время бородачей и усачей. Борода и усы были своего рода визитной карточкой мужчины – чем больше роскоши, тем богаче кавалер. «Тогда было не принято наводить красоту самостоятельно. Надо было отправляться в парикмахерскую. Мастер завил «капульчик», бороду подровнял или щеки выбрал, усы напомадил. И кавалер спешит к своей dame сердца. Да вот беда, по пути перехватил стаканчик воды или чашечку чая, и прекрасные усы опали. Трагедия! Чтобы избежать таких конфузов, были придуманы чашечки с полочками для усов, – демонстрирует Алла изобретение, спасавшее усы от намокания. – Полочки изготавливали на заказ – по меркам усов конкретного мужчины. Если мужчина шел в гости или намеревался заглянуть в какое-то заведение, чашку тащить с собой было неудобно, и он брал из дома съемную полочку. Полочка на двух ножках вставлялась в чашку. Очень удобно. И усы в целости». Полочка еще и оберегала владельца усов от отправления – усы основательно напомаживали, а в составе фиксатуара тогда можно было найти едва ли не всю таблицу Менделеева. Страшно представить, что будет, если этот коктейль попадет в напиток.

«Сохранить красоту мужчина хотел как можно дольше. Поэтому на ночь прятал «капульчик» под специальную сеточку. А что делать с усами? Ведь во сне человек ворочается, уложенные усы помнутся. На выручку приходил наусник – специальное приспособление, которое прижимает усы. Оно цеплялось за уши, и мужчина мог спать, не помяв драгоценных усов. – Алла показывает экспонат, похожий на защитную маску. – Утром проснулся, наусник снял, пальцем усы взбил для объема – и вуаля: красавец готов покорять сердца дам».

Мужчины XIX-XX веков следили за своей внешностью более трепетно, чем дамы

АРОМАТ ВИНТАЖА

Путешествие по миру мужской красоты помогают продолжить ароматы – после наведения глянца кавалера обязательно освежали. Экскурсовод проводит тест, насколько хорошо гости музея знают классические запахи, ведь многие одеколоны, преодолев вековой рубеж, продолжают жить и в XXI веке. Один из таких ароматических «мамонтов» – шипр. «Шипры – это цепное направление ароматов, которое не теряет актуальности и сегодня. Шипровые нотки используются для создания ароматов «унисекс», – объясняет Алла. – И в барбершопах сегодня тоже опрыскивают шипрами».

В музее «Аромат времени» сделали все, чтобы гости смогли ощутить дух эпохи

Еще один одеколон-долгожитель – тройной. Экскурсовод обычно спрашивает гостей музея, почему, по их мнению, он так называется. И выслушала уже немало версий. К примеру, один посетитель заявил, что название дано по трем направлениям применения: ноги – растирать, фломастеры – заправлять, внутрь – потреблять. Не раз доводилось слышать, что тройной одеколон называется так потому, что подходит для того, чтобы «сообразить на троих». А один из гостей поделился, что, если смешать тройной одеколон и одеколон «Саша», получится коктейль «Александр III». «В состав тройного входят три масла – бергамота, нероли (цветки горького апельсина – померанца) и лимона, но называется он тройным не поэтому, – объясняют в «Аромате времени». – На самом деле тройка – это концентрация эфирного масла по отношению к спирту. Мужчины в то время курили крепкий табак, носили густую бороду, пышные усы и не имели возможности мыться так часто, как современные люди. Поэтому ароматы от них исходили сногшибательные, и девушки могли испытывать дискомфорт во время разговора с кавалером. Поэтому нужен был сильный одеколон, чтобы замаскировать «ambre». Кому-то хватало двойного, кому-то нужен был посильнее – тройной. Некоторым мужчинам требовался одеколон №4 или даже №5 – их называли «экстракты», они были способны перебить все остальные запахи».

ПРАБАБУШКА МАРКЕТПЛЕЙСОВ

Приобрести косметическую продукцию в то время можно было в аптеке, которая сильно отличалась от современной. В аптеках работали лаборатории, где готовили не только лекарства, но и разные косметические продукты, а также предлагали каталоги, с помощью которых можно было заказать товары: настольные игры, теннисный стол, швейная машинка, кухонная утварь, коза металлическая заводная, такса на колесиках... Кажется, аптека была прародительницей нынешних маркетплейсов.

В своих заведениях аптекари сами изготавливали парфюмерные композиции. Но это были простые ароматы, а искушенная публика предпочитала более изысканные продукты. Специально для таких клиентов закупали продукцию двух самых известных парфюмерных компаний Российской империи – «Брокар» и «Ралле» (см.: «Русский мир.ru» №10 за 2015 год, статья «Жизнь парфюмера» и №4 за 2020 год, статья «Наследие парфюмера»). «Эти компании существуют и сегодня, правда, под другими названиями.

После революции обе были национализированы и переименованы. Одну из них мы знаем под именем «Новая заря», другую – «Свобода», – объясняет экскурсовод. – «Ралле и Ко» считается первой в России промышленно-косметической компанией. До этого были лишь лаборатории в аптеках. Молодой француз Альфонс Ралле приехал в нашу страну в 40-е годы XIX века. Главный парфюмер компании Ралле – Эрнест Эдуардович Бо, обрусевший француз, – после революции эмигрировал во Францию. И там судьба свела его со знаме-

для лечения в то время зачастую использовали весьма странные средства, которые нередко приносили вред человеку

Аптека прошлого была универсальной торговой точкой – помимо покупки лекарств здесь можно было заказать парфюм или приобрести разнообразные товары из обширного каталога

нитой Коко Шанель. Она пожаловалась, что к каждому запуску коллекции одежды один из ее главных конкурентов заказывает духи у компании «Герлен». Но ей духи «Герлен» не по вкусу, они пахнут цветами, а она терпеть не может цветочные ароматы и хочет чего-то особенного. «Хочется, чтобы женщина пахла не цветами, а женщиной», – сказала заказчица. В 1921 году из всех ароматов, предложенных ей, Коко выбрала флакончик №5. В итоге духи «Шанель №5» стали культовым ароматом XX века. В «Аромате времени» предлагают понюхать «классику» парфюмерии и подробно рассказывают историю знаменитых духов. «Это аромат, который всегда вызывал много споров. Но то, что он был культовым, бесспорно. Это был один из первых полностью синтетических ароматов. К тому же аромат для Эрнеста Бо был особенным: при создании «Шанель №5» он вдохновлялся русскими морозами. Кто-то возразит: аромат совсем не напоминает холод русской зимы, явно не пахнет снегом... На самом деле автор задумывал его исключительно как зимний, он хотел, чтобы его наносили не на кожу, волосы или одежду, а на меха. Я всем говорю: кому не нравится «Шанель №5», покупайте соболиные шубы. Тогда эти духи будут правильно пахнуть, – уточняет Алла. – Считается, что до этого запаха надо дорасти – не по возрасту, а по статусу. «Шанель» сочетается с мехами и жемчугами».

Еще одна известная в те времена компания – Товарищество «Брокар и Ко» – отличалась не только своей продукцией, но и яркими маркетинговыми ходами. К примеру, там изготовили первое фигурное мыло – в форме огурца. Говорят, только раскусив кусок, можно было понять, что это не огурец. Сколько было покусано мыла на той ярмарке, где создатель компании Генрих Брокар представил свой продукт, история умалчивает. Но известно, что люди были в восторге. А однажды на между-

народной выставке Брокар установил фонтанчик с цветочным одеколоном – так он решил презентовать свою новинку. Люди стали бросать в фонтанчик шляпки, шарфы, платки, чтобы те пропитались ароматом. Пришлось вызывать полицейских. Они оградили фонтан, но... сами стали бросать туда свои предметы одежды. Можно не сомневаться – рекламная кампания прошла на ура.

К 1913 году это было уже крупное парфюмерное производство, поставщик царского двора. К 300-летию дома Романовых главный парфюмер компании «Брокар и Ко», Август Мишель, выпустил духи «Любимый букет императрицы» – аромат был доступен только для царского двора. После революции Август Мишель остался работать в национализированной компании. «В 1925 году появился культовый аромат советского времени – если наши дедушки пахли шипром, то бабушки – «Красной Москвой». А «Красная Москва» и есть тот самый «Букет императрицы», Мишель восстановил формулу и выпустил прежний аромат под новым наименованием», – говорит Алла.

КОСМЕТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Если парфюмерный мир был всегда очень разнообразен и богат, то с косметикой дела обстояли иначе. «Из косметики была баночка с пудрой, такого же вида румяна и еще баночка с помадой. И всем этим пользовались не приличные девушки, а барышни с пониженной социальной ответственностью да актрисы, – рассказывает экскурсовод. – Приличные девушки применяли старинные методы: для румянца пощипать щеки, для яркости губ покусать их...». У женщин того времени были свои секреты: для придания аристократической бледности коже они либо пили уксус, либо использовали свинцовые белила. В глаза закапывали капли белладонны, чтобы расширились зрачки. «Ради красоты

Некоторые ароматы успешно прошли испытание временем и спустя век не потеряли своей популярности

были готовы на все. Вот, к примеру, внутрь употребляли ради для... «естественного свечения изнутри». Никто не знал, насколько это вредно. Когда ради открыли, считали его прекрасным средством, – вздыхает Алла. – В 1911 году в одном из журналов в разделе «Здравие семьи» вышла статья «Ради как лечебное средство и применение его в гигиене и косметике». Были зубные пасты, бальзамы для губ, фиксатуар для усов с радием». Об опасности узнали после громкого скандала на часовом заводе, где девушки по-

крывали радием стрелки. Кисточки не обмакивали в воду, а облизывали... Прошло немало времени, прежде чем поняли причину аномальной смертности работниц. До этого ради можно было запросто купить в аптеке. Как и кокаин – от кашля, опиум – для плачущих младенцев или морфий – как обезболивающее средство...».

Серьезные перемены в мире косметики связаны с именем Макса Фактора. Ему, поскольку он был связан с Рязанью, в «Аромате времени» посвятили отдельный уголок. Уроженец Лодзи Максимилиан Абрамович Факторович приехал в Рязань в возрасте 27 лет. В 1894 году он открыл здесь свою первую парикмахерскую, в доме №48 по Соборной улице – это совсем недалеко от музея «Аромат времени». «Около этого здания установили небольшой арт-объект, посвященный Максу Фактору – там описана красивая легенда, как однажды в наш город приехал на гастроли императорский театр. Актеры открыли чемоданы, и – о ужас! – театрального грима у них не оказалось. Тогда кто-то из добрых людей посоветовал сходить к странному мастеру. Якобы актеры пришли и

В образе красивой женщины не было мелочей – важны были и аксессуары, и аромат

нашли театральный грим высочайшего качества. Конечно, после этого мастер должен был перебраться в столицу, – говорит экскурсовод. – Мы были бы очень рады рассказывать легенду, как Николай II чуть ли не лично приехал в Рязань, чтобы забрать Макса Фактора. Правда, театр к нам не приезжал, и Макса Фактора никто не забирал. Он эмигрировал из России в 1904 году. В Рязани он прожил около десяти лет.

А перебрался он, как говорят в музее, в небольшую деревушку под названием Голливуд. Эмигрировал он со своей первой женой, которую называл Эстер-Роза-Луиза. Исследователи выяснили, что звали ее на самом деле Елизавета и была она родом из Касимовского уезда Рязанской губернии.

АУРА РОДНОГО ГОРОДА

«На первых порах для съемок кино в Америке использовали театральный грим. Но он плохо подходил: то, что было хорошо для театра – жирно, густо, ярко, чтобы даже дальние ряды увидели, – для кино не подходило. От света софитов и жары в павильонах грим буквально стекал с лица, а в кадрах с крупным планом выглядел как пластилиновая маска. Именно Максимилиан Факторович создал первый в мире киногрим. Все, чем сегодня пользуются на съемочной площадке гримеры, это заслуга Макса Фактора и его сына, Макса Фактора-младшего, – рассказывает Алла, показывая тю-

ники 1920-х годов. – По текстуре этот грим как тональный крем, только плотнее и более пигментированный».

Изобретение принесло Максу Фактору огромную известность. В Голливуде он нарасхват и работает только с ведущими актрисами того времени: Марлен Дитрих, Авой Гарднер, Джин Харлоу, Гретой Гарбо, Ритой Хейворт... Пользуясь дружбой с Максом Фактором, актрисы попросили его сделать косметику, которой можно пользоваться и в обычной жизни. Тогда Макс Фактор создал

Максимилиан Факторович приехал в Рязань в 27 лет и открыл здесь свою первую парикмахерскую

еще одну линейку – грим для бытового применения.

Не стало косметолога-революционера в 1938 году. Его старший сын, Фрэнк, взял все в свои руки и стал Максом Фактором-младшим. Первым делом он усовершенствовал киногрим, адаптировав его для цветного кино и телевидения. «Для черно-белого кино использовали синюю или черную помаду – красная выглядела бледно. Под глаза, чтобы выделить их, наносили синий, коричневый, зеленый цвета... В цветном кино это выглядит как клоунский грим. Макс Фактор-младший адаптировал грим под требования цветного кинематографа. Но на этом перечень его заслуг не заканчивается. К примеру, он первый изобрел жидкую тушь, и теперь, крася ресницы, женщинам не надо плевать на щеточку. Оба Макса Фактора – и младший, и старший – оставили заметный след в мире косметики. Но прежде, чем заработала их мощная империя красоты, Максимилиан Абрамович Факторович стриг и брил рязанских мужиков. И прежде, чем делать макияж Марлен Дитрих, он продавал свою первую косметику рязанским девушкам. Почему уроженец небольшой Лодзи, выбирая место жительства, остановился на Рязани, никто теперь не узнает...»

«Я нашла тот самый «крючочек», который искала, – узнала Рязань и полюбила ее. Отношусь к нашему городу так, как мы относимся к близким – знаешь их недостатки, но не перестаешь любить, – делится Ксения Паначева. – Это город, ставший для меня родным. Я очень переживаю за ту красоту, которая уходит от нас, и стараюсь ее всем показывать. В первую очередь это деревянное зодчество, которого в Рязани остается все меньше. Рязань – хороший город, и мне хочется, чтобы у нее все было хорошо. Все города разные, какие-то нам роднее и ближе. У каждого города своя душа, своя аура». С таким наблюдением не поспоришь. Как и с тем, что у каждого времени свой аромат. Надо лишь его уловить...

Прежде чем стать всемирно известным косметологом, Макс Фактор продавал свою нехитрую продукцию рязанским девушкам

ГУДЯЩИЕ СОСНЫ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

МОТОР НАТУЖНО РЕВЕТ, МАШИНА БУКСУЕТ. КТО-ТО ВСПОЛОШИЛСЯ: ПРОШЛОЙ ОСЕНЬЮ КАПИТАЛЬНО ЗАСТРЯЛИ, ПРИШЛОСЬ ВСЕМ ВЫГРУЖАТЬСЯ И КОЛЕСА ОТКАПЫВАТЬ. МОЖЕТ, И СЕЙЧАС НАДО БУДЕТ ТО ЖЕ САМОЕ ДЕЛАТЬ? ВОЦАРЯЕТСЯ НАПРЯЖЕННОЕ МОЛЧАНИЕ.

«**Х**

ОРОШО, ЧТО додгадались полог натянуть, пыль не летит! – говорит Мария Якимова, чтобы разрядить обстановку. – Кстати, сколько мы уже едем?» Мужчины и женщины в рабочих спецовках и старых куртках смотрят на часы. Из поселка Пушта, где находится контора Мордовского государственного природного заповедника им. П.Г. Смидовича, мы выехали с полчаса назад. Сколько еще предстоит трястись по бездорожью? Ведь кажется, что ухабы никогда не закончатся. Вот очередная яма, и соседи по кузову, дружно охая, падают друг на друга.

Что там за бортом – и так понятно: ветви деревьев царпают брезентовый полог, значит, едем через густой лес.

Я рассматриваю соседей по кузову. У всех одежда плотно прилегает к телу, у многих концы штанин и рукавов перехвачены лентами скотча, чтобы не пролезли клещи. Трудно признать в этих лесных волонтерах работников банковской сферы, специалистов статистического управления и энергетиков. Ранним утром все мы собрались в Саранске, чтобы на автобусах проехать 200 километров до Мордовского заповедника и в поселке Пушта пересесть на спецтранспорт – грузовики-вездеходы. На них-то мы сейчас и едем к местам прошлых пожаров, где должна пройти высадка нового леса. В нашей машине собрались и волонтеры-ветераны, и новички. По дороге первые подбадривали вторых: людей во время прошлых

поездок не теряли, возвращались без травм и вовремя.

Едем мы к дальней границе заповедника, неподалеку от нее находится знаменитая Саровская пустынь. Кто-то из соседей сообщает, что, согласно писцовым книгам XVI–XVII веков, территория нынешнего Темниковского района входила в Шацкий уезд, как тогда называли Мещёру. Ту самую, воспетую Константином Паустовским в повести «Мещёрская сторона»...

Ну вот наконец мы на месте. Вылезаю из машины, оглядываюсь. Вместе с нами прибыло несколько грузовиков и «буханок», из которых уже высыпали волонтеры. Несмотря на жару, от открывшегося вокруг вида пробирает озноб. Слева – черные обугленные стволы, бесконечными цепочками тянувшиеся к горизонту. Справа – настоящий бурелом, пробраться сквозь который невозможно. Много обгоревших корней деревьев, похожих на выползающих из земли монстров. Ветер поднимает золу и колючий песок. Хочется быстрее вернуться в кузов и убраться отсюда. Какая же это прекрасная Мещёра Паустовского?! И все-таки это она – сгоревшая, в язвах и ранах, оставленных безжалостным огнем.

Огненный лес

По данным ФГБУ «Рослесинфорг» на 2021 год, общая площадь земель лесного фонда составляет

1 миллиард 187,6 миллиона гектаров

(включая леса на особо охраняемых природных территориях и в населенных пунктах).

По площади лесов Россия занимает первое место в мире.

Ежегодно в России фиксируется от 10 тысяч до 35 тысяч лесных пожаров. Рекордным по количеству лесных пожаров стал 2002 год: было зарегистрировано 43 418 очагов.

С 2019 года в рамках федерального проекта «Сохранение лесов» ежегодно высаживается порядка 1 миллиона гектаров саженцев деревьев.

По подсчетам Рослесхоза, в среднем размер ущерба от лесных пожаров в год составляет порядка 20 миллиардов рублей.

Возгорания лесов в России обычно начинаются в апреле и делятся до октября.

Основные причины лесных пожаров: климатические условия, неосторожное обращение людей с огнем, обрывы линий электропередачи.

ИНСТРУКТАЖ

Руководитель местного отделения межрегиональной экологической общественной организации «ЭКА» Юлия Аршинова окидывает оценивающим взглядом отряд волонтеров, стоящих по щиколотку в песке. Она могла бы собрать и больше людей, но заповедник ограничивает число помощников, которых может принять. Их ведь нужно отвезти к месту посадки нового леса, оно – за 30 километров от Пушки. А подходящих машин немного. Да и слишком большой отряд – это риск внесения дисбаланса в жизнь заповедника. По той же причине ограничено и время пребывания здесь волонтеров – в 15.00 мы должны закончить посадку и уехать. «Работать надо будет интенсивно!» – объявляет Юлия. И еще раз предупреждает: сажать будем не плодовые деревья, мы здесь для того, чтобы восстановить хвойные и лиственные леса после пожаров.

У Юлии Аршиновой душа болит за каждый саженец

12 тысяч саженцев сосны накануне доставил отец Юлии. Ночью они находились на специальном складе. Волонтеры-новички ожидали увидеть подросшие саженцы и теперь удивлены: саженцы маленькие, высотой в полторы ладони взрослого человека! Хранятся они в плотных увлажненных пакетах, в которые добавлен суглинок.

«Лопаты! Где лопаты?» – шумят новички, явно обескураженные объемом работ. Лопат тут нет. Главный инструмент – меч Колесова (сажальный меч – узкая стальная лопата для посадки саженцев. – Прим. ред.). Их всего 9 штук. В прошлом году было 10, да один где-то потерялся. Юлия купила мечи на собственные средства, поскольку, как она убедилась на опыте, инвентарь в таком деле нужно иметь свой.

С помощью своей подруги, координатора краудфандинговой платформы «Посади лес» Виктории Озериной Юлия собирает волонтеров в круг и объясняет технику посадки. Мечом Колесова в почве делается посадочная щель, в нее сажается один саженец. «Обязательно в одну лунку – один саженец! По два сажать нельзя! Погибнут!» – уточняет Юлия. После этого обычно рядом нужно воткнуть меч Колесова и отвалом земли присыпать саженец. Но здесь можно просто обтоптать почву со всех сторон ногой, чтобы лунка с саженцем была плотно засыпана. Расстояние между лунками – 80 сантиметров. «Мечей всем, конечно, не хватит, кто-то будет носить посадочный материал и меняться с тем, кто работает на борозде. Все

понятно?» – спрашивает Юлия. Волонтеры натягивают перчатки. Юлия и Виктория велят разделиться на пары, брать ведра, в которые загружаются сеянцы, и вставать на борозды.

Я знаю, что во время работ Аршинова будет и сама трудиться, и найдет время обойти волонтеров, чтобы проконтролировать, как выполнены посадки. Но у Юлии и Виктории есть еще одно важное дело: они хотят проверить сеянцы, высаженные прошлой осенью. Тогда в три заезда удалось посадить в заповеднике 30 тысяч деревьев. Девушки знают, что любопытные волонтеры обязательно расспрашивают о том, как прижились высаженные ими в 2023 году сеянцы. Не убил ли их мороз? Не ободрали ли лоси?.. Момент, когда она впервые увидела место пожара, Юлия запомнила на всю жизнь. Аршинова рассказывает, как она стояла и молча смотрела на океан черной гари, под которым еще тлел огонь. Пламя тушили и пожарной техникой, и самолетами, но окончательно справились с ним только осенние дожди. Юлия смотрела на мертвую землю и понимала, как ужасна для леса огненная стихия. Заповедник им. П.Г. Смидовича, расположенный в Темниковском районе Республики Мордовия, обратился к Юлии Аршиновой с просьбой помочь с волонтерами: нужно было убрать антропогенный мусор, оставшийся после пожарных. Приехав на место, чтобы оценить фронт работ, Юлия не смогла сдержать слез. Немного утишили ее новые побеги, свидетельствовавшие о том, что природа сама себя восстанавливает. Но сколько времени на это уйдет! И Юлия решила, что, как только будет получено разрешение на посадки в заповеднике, она соберет волонтеров и привезет их восстанавливать лес. Первая посадка в Мордовском заповеднике прошла в октябре прошлого года, вторая и третья – в ноябре. И все – при минусовой погоде. А теперь высаживать сеянцы придется в жару, да еще и при сильном ветре.

Виктория
Озерина
рассказывает
о лесовосстанов-
лении в России

50 БОРОЗД

…Пейзаж со сгоревшими деревьями действует угнетающе. По сути, вокруг огромное кладбище. Страшно представить, какое пламя тут бушевало пару лет назад. Кажется, некоторые из волонтеров пожалели, что согласились сюда приехать. Красивых видов тут нет. Работа тяжелая – спины не разогнуть. Особенно достается мечникам. Они постоянно отплевываются от песка. Дышать на огромном выжженном пустыре, после того как он лишился сосен, нечем.

Евгений с размаху втыкает меч

Александр
Цыганов (слева)
напутствует
вооруженных
мечами Колесова
волонтеров

Колесова в землю, энергично ворочает им, чтобы получилась посадочная щель, а затем резко выдергивает. С мечом и краев лунки осыпаются осте-

клевевшие в пламени песчинки. Вокруг еще несколько человек проделывают то же самое. «Песок спекся в стекло!» – сообщает Евгений.

Мария, оглядываясь вокруг, констатирует: «Сегодня будет много работы». И говорит подруге Елене: «Ну, неси ведра!» Чтобы не стоять без дела, я тоже иду к машине и беру ведро с сеянцами, которые так быстро перекочевывают в посадочные ямы, что вести разговоры с волонтерами не получается.

Мария аккуратно сажает сеянцы: помещает корень в яму так, чтобы он не изогнулся, сыпет туда немного земли, которую предварительно просеивает сквозь пальцы, чтобы отделить камни. И вдруг у нее в руке оказывается останки сгоревшей то ли ящерицы, то ли полевки. Много мелких грызунов, не сумевших избежать огненного вала, разделили участок сгоревших сосен. Это обычная находка, которая давно не вызывает у волонтеров ни брезгливости, ни ажиотажа. «Жалко малютку», – вздыхает Мария… Тяжелый меч Колесова вновь и вновь отскакивает от спекшейся песчаной корки как от панциря. Количество лунок, которое предстоит пробить, Евгений

Борозды уходят за горизонт

не считает. Ну, наверное, не менее тысячи, раз привезли 12 сотен сеянцев и 10 мечей. Я напоминаю ему, что мечей 9, так как один потеряли в прошлом году. Евгений в ответ мрачно шутит: «Награда ждет того, кто его найдет!»

Я снова спешу к машине, чтобы принести очередные ведра с сеянцами. Замечаю, как стремительно опустошаются пакеты, к которым прибегают за новой партией другие волонтеры. Но сить ведра приходится все дальше и дальше.

«Сколько всего борозд? Где они заканчиваются?» – спрашивает кто-то. «Вон у того сгоревшего столба!» – «Откуда тут столб? Это дерево! Мы же в заповеднике!» – кричит Мария и принимается за следующее ведро, принесенное Еленой.

Я сообщаю им, что заместитель директора заповедника в области охраны окружающей среды Александр Цыганов сказал, что всего приготовлено 50 борозд. Мария и Елена пугаются: они однажды еще не закончили! Не все борозды надо засаживать, успокаиваю я их. Они вздыхают и оглядываются на соседей, которые уже закончили одну борозду и идут по новой. Вот это скорость!

ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВНУКОВ

Александр Цыганов курирует волонтерскую акцию от заповедника. Смахивая с лица налипший песок, он поясняет, что борозды делали плугом. Здесь почва песчаная, ее взрыхлить достаточно. Лес, конечно, сам может восстановиться – семена принесет ветром, сосны прорастут. Только на все это уйдет слишком много времени. «Помощь нам нужна, – признается Александр. – Любые работы по восстановлению лесов – это колоссальные деньги. Без волонтеров никуда...».

Он рассказывает, что на этом месте, где мы сейчас сажаем крошечные сеянцы сосны, был горельник (участок леса с древостоем, погибшим из-за пожара. – Прим. ред.), оставшийся после печально знаменитых пожаров 2010 года. Затем этот горельник уничтожил пожар 2021-го. В прошлом году, впервые за последние шестьдесят лет, в заповеднике провели акции по восстановлению леса с привлечением волонтеров, к работе которых претензий нет. «Волонтерам не принято делать замечаний, – объясняет Александр. – Они сами друг друга поправляют. Среди них немало тех, кто не в первый раз принимает участие в посадках».

«А я в первый раз! – кричит мне Елена и кивает на подругу. – А она вот – не в первый!» Сотрудница энергетической компании Мария Якимова участвовала во всех посадках, организованных Юлией Аршиновой. В своей компании она – руководитель экологической группы. Волонтерством занимается не один год. «Помогаем детским домам, бездомным животным. В субботниках городских участвуем. Спасибо руководству компании, оно нас поддерживает. Есть единомышленники на работе. Я так и сказала коллегам: выезжаем независимо от погоды. А то с утра начинают все пугаться: дождь пошел».

«Когда мы ехали сюда, то казалось, что собралось много людей, а когда вышли на борозды, кажется, что нас маловато», – удивляюсь я. Мария отвечает, что причина – в огромном выжженном пространстве: люди рассредотачиваются по бороздам, потому и кажется, что волонтеров мало.

Сложно поверить, что здесь из маленьких, похожих на паутинки сеянцев поднимутся высокие гудящие сосны и образуют огромный зеленый купол. Девушки улыбаются и говорят, что так и будет. «Юлия нам рассказывала, что работники леса считают волонтерские посадки лучше собственных. Приживаемость выше, – рассуждает Мария. – Мы же сажаем обычно на землях Лесного фонда по договоренности с территориальными лесничествами. Они сами это делают с помощью сезонных работников, работа которых оплачивается. А мы работаем безвозмездно и подходим к делу с душой. С нежностью».

Дело, поначалу кажущееся легким, но поверку оказывается тяжелым и монотонным занятием. Это вам не в городском парке новую аллею на праздник высаживать. Тут все иначе. Становится понятно, почему среди волонтеров нет детей. Они быстро устают. Их надо развлекать. Так что на подобные акции берут добровольцев не моложе 18 лет. Сегодняшние волонтеры на посад-

ке леса – взрослые и опытные люди. Они не пугаются сгоревших при пожаре мелких грызунов или змей. Не обращают внимания на живых ящериц. Даже не фотографируют их. И не особо отвлекаются на животных. Как-то видели зубра, поголовье которого восстанавливают в заповеднике, в другой раз – лося. Кстати, лоси – любители пощипать саженцы, так что после их посещений производят дополнительную посадку сеянцев на тех местах, где они их подпортили. Отгонять лосей от посадок запрещено. Обо всем этом рассказывает сотрудник заповедника Сергей Княжкин. «А когда-то здесь был густой, непроходимый лес. 30 процентов заповедника сгорело! – с грустью констатирует Сергей. – Когда лес сильно горит, ничего не помогает. Даже сброс воды с самолетов. Но жизнь лазейку всегда найдет! Будем надеяться, что лес восстановится. Для детей и внуков останется».

ОСТАЛОСЬ СЫНА РОДИТЬ

В минуты короткого отдыха волонтеры допрашивают Сергея Княжкина: какого возраста были деревья, стоявшие на этом участке? Сергей оправдывается, что он работает в заповеднике недавно, страшных пожаров 2010 года не видел и по бывшему здесь лесу не ходил. Говорит, что четырнадцать лет назад пожар был верховой, а в 2021-м – низовой. По упавшим стволам огонь пошел. Костер до небес вырос. И тяжелый черный дым валил. «А такой пожар не закопаешь и не зальешь. Осадков не было. Сушь, смола. Как тушить? Сюда же техника не проедет. С противопожарным ранцем можно добраться, но много в таком случае не потушишь», – объясняет Сергей.

Волонтеры слушают рассказ сотрудника заповедника, поеживаясь и оглядываясь по сторонам. «Зато на пожарище появились тетерева и краснокнижные черные дятлы, которые только в горельниках живут, – продолжает Княжкин. – Вот дерево упало, начало гнить. Новый жучок появился.

За ним наши научные работники следят. Люди обычно думают, что раз лес сгорел, то вместе с ним сгорело и все живое. Это не так. К тому же многие животные спасаются, уходят от пожара – как мелкие, так и крупные». И, оказывается, возвращаются. «Медведи, лоси, волки, кабаны, олени как ходили этими местами, когда здесь шумел лес, так и ходят. Звериные тропы не меняются, – улыбается Сергей. – Вот борозды под посадку приготовили, а по ним лось прошел. А зубр по кличке Миграй во время пожара 2021 года стоял в стороне и наблюдал за тушением. Он привык к людям. Может, и сейчас где-то рядом находится. Наблюдает». Княжкин всматривается в даль и говорит, что поднимается пыль. Суховей идет. Это плохо. Волонтеры возвращаются на борозды, но теперь работа явно идет медленнее. Люди чаще выпрямляются и стоят над лунками, давая отдых натруженной спине. Юлия Аршинова понимает, что волонтеры устали. Еще бы! Выматывающая дорога, занимающая половину дня, и тяжелый труд на бороздах. Даже у самых ответственных и активных волонтеров мотивация во второй половине дня сдувается. Это нормально.

Многие идут к машинам, чтобы передохнуть в их тени. Некоторые намекают, что неплохо было бы перекусить, но обед ждет нас в поселке Пушта. Юлия смотрит на часы и командует: через полчаса работа будет остановлена. Заповедник нам нужно будет покинуть вовремя. Все согласно кивают.

Отправившись за очередной партией сеянцев, я с радостью замечаю, что от посадочного материала остались крохи. Хотя из 50 подготовленных борозд не засажена и половина. Значит, придется еще раз.

Несмотря на усталость, волонтеры выглядят довольными. «На посадке леса забываешь о бытовых делах. Ты сажаешь деревья и ни о чем не думаешь, – стягивая перчатки, говорит Мария Якимова. – Это своеобразная терапия. Посадил лес и хорошо стало на душу!» А у машин – разговоры о насущном: у кого кожа на лице шелушится, у кого нос из-за солнца облез, у кого мозоли на руках... «Ну, вот! План перевыполнены. Столько деревьев посадили. Осталось только сына родить», – говорит одна из женщин. Раздается взрыв хохота. «Смейтесь-смейтесь! А я в 2018 году родила после посадок! – продолжает женщина. – В том же году взяли с мужем

Такие таблички Юлия Аршинова оставляет на каждом месте посадки. Во многих регионах России они есть...

ипотеку. Так что у меня все получилось как в той поговорке: сначала деревья посадила, потом родила, а потом ипотеку взяла и дом построила! Спасибо Юлии!» Юлия машет рукой и улыбается. Всем волонтерам известно, что, ожидая третьего по счету малыша, Юлия ездила на посадки по лесничествам. А потом, когда дочке не было еще и года, брала ее с собой на акции. Даже прошлой осенью дважды привозила ее в заповедник.

ПОГИБШИЕ СОСНЫ

Юлия Аршинова и Виктория Озерина с GPS-трекером обходят борозды по периметру, чтобы координаты новых посадок передать людям, на чьи пожертвования были куплены сеянцы и организована поездка.

По традиции после окончания посадки или во время отдыха Юлия или Виктория читают волонтерам лекции о лесе и о том, как проходят аналогичные посадки в других регионах страны. Обычно на место посадки приезжают местные жители и школьные лесничества. В прошлом году, вспоминает Юлия, звонят и спрашивают: можно со своими родителями поедем? А бывает, музыкальные инструменты берут! «Однажды в Ростовской

области, – вспоминает Виктория Озерина, – на левом берегу Дона сажали лиственный лес. Девушка из Волгограда приехала и играла нам на гуслях. Это было сильное впечатление. В Курской области администрация установила небольшую сцену. Артистов пригласили для нас. Хороводы вели. Но все это, конечно, после посадки. В Туле нас учили местным чайным традициям. В каждом регионе есть своя изюминка. Еще мы сажали лес в Якутии. Там

Люди приехали помочь Мещёре возродиться

Каждый сеянец приобретен на народные пожертвования

верят в духов. А хозяева дома, где мы жили во время посадки, предупредили нас, что нужно напечь оладий и поделиться с лесными духами, иначе не отпустят. Мы посмеялись. А на обратном пути у нас колеса пробило и мотоциклист попал в аварию. Так что мы, от греха подальше, напекли оладий, разложили их под кусты. Пришлось поверить в духов».

Последние слова Виктории заставляют всех нас задуматься о прелестях обратной дороги. Молодой сотрудник заповедника Иван Терешкин, которому поручено собрать все мечи Колесова и уложить их в багажник, успокаивает: вернетесь без приключений. Он несколько раз пересчитывает мечи, чтобы не опростоволоситься перед Юлией Аршиновой, труды и заботы которой по восстановлению леса он очень уважает. Правда, считает, что акция закончилась слишком быстро. «Тут еще и дальше горельники есть!» – с горечью сообщает он.

Родители 30-летнего Ивана Терешкина тоже трудились в этом заповеднике. Его отец – известный ученый, даже родился здесь на кордоне. Сам Иван тоже родился и вырос в заповеднике. По этим местам, когда здесь еще рос густой лес, ходил он вместе с отцом – Иваном Степановичем, автором книги «На краю Мещёры». Иван относится к лесу как к родному дому. «Будь прокляты эти пожары!» – в сердцах бросает он. И с уважением смотрит на Юлию Аршинову, которая кому-то громко объясняет, показывая на пустырь с обугленными сосновыми останками: «А я говорю, что могу до конца своей жизни сажать сеянцы в заповеднике и то не восполню то количество деревьев, которые погибли в пожарах...»

С ней одной он поделился своей тайной: если прислушаться, то в тишине, нарушаемой лишь свистом ветра, приносящего золу и песок, можно услышать гудящие сосны. Пусть они сгорели, но гул от колебаний их крон все равно по-прежнему слышен на пожарище. Нужно просто захотеть их услышать... ●

ОТ МАРОСЕЙКИ В ЛЕФОРТОВО. И ДАЛЕЕ НА ЮГ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МАЛЕНЬКАЯ, КОРОТЕНЬКАЯ, НЕШИРОКАЯ МАРОСЕЙКА КАК МАГНИТ. КАК-ТО ВОТ ТАК – РАЗ, И МЫ ОПЯТЬ ЗДЕСЬ. НУ КАКИМ ОБРАЗОМ? ВРОДЕ НЕ СОБИРАЛИСЬ, А НОГИ САМИ ПРИШЛИ... БРОСАЕМ ВЗГЛЯД НА ИЛЬИНКУ, ПАМЯТНИК ГЕРОЯМ ПЛЕВНЫ, ТЫЛЫ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО, А САМИ УЖЕ УСТРЕМЛЕНЫ В ПРИВЫЧНУЮ ДАЛЬ – НА ВОСТОК. КУДА НА СЕЙ РАЗ ДВИНЕМ? И САМИ НЕ ЗНАЕМ ПОКА. ОДНО ЯСНО: ГУЛЯТЬ БУДЕМ ТЕНЕЧКОМ. ВОН ОНО, СОЛНЫШКО, УЖЕ С УТРА ПРИПЕКАЕТ. ПЛЮС 27 ГРАДУСОВ.

И ПОКА Я ТАК УДИВЛЯЮСЬ И ПО СТОРОНАМ ГЛЯЖУ, жена говорит, что на Маросейке мы всякий раз оказываемся потому, что тут наша молодость. Что вот там стояли в пельмешке, а вон там в чебуречной, туда шли за книжками,

здесь сворачивали на практику или в библиотеку. И на солнце мы тогда особого внимания не обращали – гуляли себе. Любим мы эти места! И с этим ничего не поделаешь. А не были мы здесь давненько. Недели три или четыре.

Очень московская эта улица – Маросейка. Прежде Малоросейка, потом Маросейка, без чуждого «ло», сразу уловленного и уверенно вычеркнутого москвичами, потом вдруг улица Богдана Хмельницкого и теперь уже вновь – Маросейка во веки веков и амины!

За нашу жизнь она, конечно, менялась и меняется, но в основном остается неизменной. Главное – это фасады, малая этажность домов и знакомые переулки. Пожалуй, самым заметным изменением стало исчезновение троллейбусов. Номера 25 и 45 привычно ходили тут долгие десятилетия. Теперь единолично царствует синий автобус под номером 3, да и ему уже меняли маршрут, так что мы к нему пока не привыкли. Расширили тротуары? Понатыкали фонарей? Все одно – на тротуарах тесновато. Вот и авто-

Вот она,
маленькая
Маросейка...
За поворотом
заканчивается

бус ушел от остановки заполненным. Ну любят эту уличку москвичи... Как не любить? Все рядом: Кремль, Красная площадь, Александровский сад, Манеж, Солянка, Хитровка, Покровка, Чистые пруды, бульвары, трамваи, Ильинка, Варварка, Никольская, Мясницкая, Лубянка, Сретенка... Не говоря уж про ГУМ и «Детский мир»... А Садовое кольцо? В молодости казалось – рядом.

А вот и Петроверигский переулок! Пожалуй, свернем, уж сюда мы точно давно не сворачивали... Под углом почти в 90 градусов расположен. Так... Усадьба Боткиных отреставрирована. Бюсты правителей страны от Рюрика до Ельцина – убрали.

А на месте диетической столовой советских времен рассчитывают юристы. Вспоминается такая история. Один мой инсти-

Усадьба
Боткиных
в Петровериг-
ском переулке

В костёле
Петра и Павла
теперь органные
вечера. Бывали?

тутский товарищ установил в этой столовой олимпийский рекорд экономного питания. Взял как-то обед: на первое – молочный суп с вермишелью, на второе – манную кашу и на третье – кефир. Был еще коржик на десерт, но от коржика он благодарно отказался. Заплатил копеечку тридцать жарким летом 1980 года. Побить этот рекорд из нас никто не решился.

А жена вспоминает строки Фета. Как же не вспомнить, вполне уместно вспомнить, ведь лирик, поэт и крепкий сельский хозяйственник Афанасий Фет не просто бывал в гостях у семейства Боткиных, он был счастливо женат на Марии Петровне Боткиной.

Не здесь ли ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною

И тихо летаешь вокруг?
И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачаешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг...
А какой поразительный вид открывается из переулка Петроверигского на лютеранский костёл Петра и Павла в переулке Старосадском?! Боже мой... Картина можно писать.

Во дворике костёла расписание органных концертов, немецкая чистота и торжественность. И по соседству родная Историческая библиотека как-то похорошела, посвежела с фасада... Словно умылась.

Сколько умных книг я там пытался прочесть!

Вы помните, что располагалось в костёле в поздние советские годы? Подскажу. Студия «Диафильм». В костёле диафильмы делали. Хорошие, добрые. Вы смотрели советские диафильмы?

Памятник поэту Маршаку
открыли на Лялиной площади
в 2022 году

За костёлом – проход для сведущих: шмыг, вот мы уже и в Колпачном переулке, который относится к Покровке, куда более длинной и значительной улице, чем Маросейка, но отчего-то не такой милой.

Ох, в Колпачном, такая досада, вовсю кипят ремонты и правят благоустройство. Даже знаменитый замок, где был когда-то МГК ВЛКСМ, покрыт строительной пленкой. А вроде бы совсем недавно он выглядел вполне прлично, – удивляемся мы...

И левее, левее, в горочку, теньком поднимаемся мы на Покровку.

Ну вот тебе и здрасьте! «Что это такое, что?!» – воскликнула бы моя учительница по литературе Софья Борисовна Каплан. Даже и Николай Гаврилович Чернышевский в скверике, кажется, пригрошился больше обычного.

И здесь вечный московский ремонт! Оцеплены лентами и чистопрудный корпус бывшей стасовской гостиницы, и несколько зданий рядом... Кругом щебень, плитка, песок... И бравые товарищи в спецодежде. И строительный шум, и палящее солнце. И техника.

Но, примирительно уверяет жена, дело-то нужное, этот корпус гостиницы давно прозябал,

Колпачный
переулок идет
от Покровки
вниз

надо когда-то и его привести в порядок!

Мы прячемся от солнца у облупленной стены дворца Апраксина, знаменитого здания-комода. Его не реставрировали, видимо, очень давно, он, как брошенный, позабытый всеми исполин, печально глядит на происходящее через дорогу. И поскольку в его залах некогда учился танцу маленький Александр Сергеевич, я предлагаю жене вспомнить что-нибудь из Пушкина. Жена за поэтическим словом в карман не лезет:

*Ox, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да тыль,
да комары, да мухи.*

Ты, все душевые способности губя,
Нас мучишь; как поля,
мы страждем от засухи.
Да, лучше не скажешь... И мы, кивнув печальному стоику Чернышевскому, теньком, по изогнутои на манер индейского лука правой сторонке поспешаем вниз, к Садовому кольцу.
А вот и Лялин переулок. Ну как не свернуть? Конечно, сворачиваем. Сплошные доходные дома XIX столетия, один краше другого... Странная табличка на одном из них – «Клуб военачальников»... Ого!

А дальше, перпендикулярно, тоже знаменитый, Большой Казенный переулок со своей доро-

В ансамбль
дворца
Апраксина-
Трубецких,
что на Покровке,
входит и этот
милый
особнячок

волюционной «Булошной», которая тут продавала булки и хлеба испокон веку и всегда писалась через «ш». Заходим... Теперь это кафе-кондитерская. Столы, стулья, официанты. Но выпечку могут завернуть и с собой. Довольно симпатичное местечко, только душновато, заметна экономия на кондиционерах.

А это кто в маленьком скверике окружен детворой? Кому этот памятник? Аркадию Гайдару? А вот и нет! Это бронзовый Самуил Маршак на Лялинской площади в окружении детишек и тоже, увы, ремонта. Тут срочно меняют бордюры по обоим Казенным переулкам, Большому и Малому. Всем хороша Москва, но она давно на капитальном ремонте. И когда этот капитальный ремонт кончится, точно никто не знает. Но многие уверяют, что никогда.

* * *

Мы решаем срочно сменить диспозицию. Сделать решительный рывок в иную реальность. Причем с применением транспорта. Мы устали немножечко – от жары, ремонта, отбойного молотка и пешего хода.

Мы перебираемся через Садовое кольцо на Земляной Вал

Вид на Старую Басманную от Земляного Вала

Николай Чернышевский и в жизни был одинок

знакомым автобусом №3. Всего одна остановка.

Напротив Сада имени Баумана выходим.

Тут выныривает пустой и, как оказалось, прохладный внутри автобус из новых – Т24.

Куда он везет?

К Язее?

Замечательно.

Бесплатно?

Не возражаем.

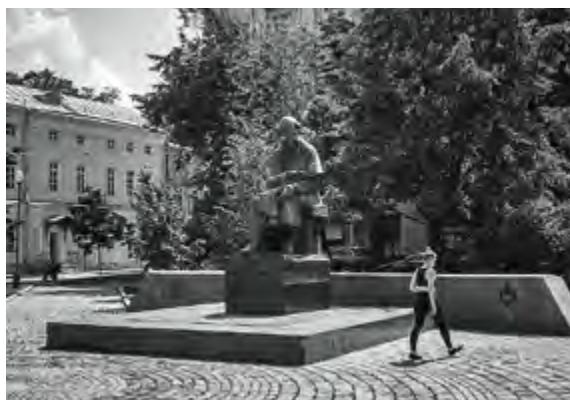
Едем к Язее без разговоров и в окошко большое смотрим. И совершенно почему-то бесплатно. И видами новыми любуемся. Без всякого плана. А ноги пока отдыхают.

И в голову отчего-то лезут строчки, на первый взгляд вовсе не относящиеся к делу:

Я с детства не любил овал!

Я с детства угол рисовал!

При чем тут овал, я сказать вам не могу, но автобус Т24 категоро-

рически рекомендую. Выручил. Да и показал многое. Конечно, Старую Басманную улицу всякий знает.

Исторические усадьбы, дядя Пушкина, Василий Львович, к которому племянник первым делом сюда и приехал – прямиком из Михайловской ссылки, Чадаев с его философическими письмами, Разгуляй...

А вот на Доброслободской улице когда вы были в последний раз? Это, знаете ли, такая... мmm... разная улица... Отдельный такой мирок. Сюда, между прочим, переехала с Тверского бульвара знаменитая Некрасовская библиотека... А вот читатели? Как они? Переехали вслед?

А улица Радио? Здесь по сию пору так крепко борются за индустриализацию, что деревьев, кажется, просто нет и быть не может...

Доброслободская улица – соседка Басманной

А сам по себе Лефортовский мост, увозящий вас за Яузу, словно совсем в иной мир... Солиден!

Нет, маршрут Т24 – находка для путешественника. Только выбирайте автобус с кондиционером!

На высоком холме выходим мы из автобуса. Голодные, но отдохнувшие. Озираем виды: смотрим на мост, на могучие корпуса Бауманки, на Яузу, что течет внизу. А через дорогу замечаем

Старая
Басманская
улица

Вознесенская церковь
на улице Радио

Лефортовский парк. Не сковаваясь, идем туда! Ну, граждане, попадаем мы, нет, не в рай – в оазис. Вы представьте себе в меру усталых путников в жару, вдруг оказавшихся в прохладном тенистом лесу, с видом на пруды, да еще на свободной лавочке, которых к тому же много... Идиллия. Мечтали тут в петровские времена о Версале на Яузе, но и без Версалия теперь вполне привольно. Клены, липы почтенного возраста. Кроны. Белки. Птицы и птички поют и летают. Утки плавают. Рыбаки рыбу ловят. Удочкой! Полный восторг у меня от такого пейзажа.

Девушки у берега читают книжки. Курсанты из Академии имени Александра Невского молодцевато бегают кроссы.

Детишки в колясках спят. А мы, значит, берем в нехитром буфете кофе и мороженое. Располагаемся в теньке. Тени здесь много. А людей мало. Вон – небольшая экскурсия. Вон – летняя группа детского сада. А в целом тишина и покой...

И нет, знаете ли, в парке современной причесанности, нет этих надоевших всем плит, бордюров, аляповатых детских комплексов и платных туалетов. Нет современного пошловатого дизайна, вот в чем дело.

Дом поэта
Василия
Пушкина

Усадьба
Муравьевых-
Апостолов

Чистота есть, а причесанности никакой нет, таких мест в столице, увы, почти не осталось.

Конечно, историческая составляющая имеется. Да еще какая! Здесь же Лефортово... Тут тебе и Петр, и Меншиков, и Миних. Бюстик императора и «плотина Венеры», грот Растрелли и творения Николаса Бидлоо...

Но, честно говоря, в плюс 27 исторические моменты хочется отложить на потом. Хочется просто отдохнуть здесь на природе, пока парк не «превращен в гранитную цитадель непоколебимого отдыха», как замечали когда-то классики. А такая тревога, что там скрывать, имеется. Если начнут улучшать – не остановятся. И атмосфера здешних мест неминуемо исчезнет, причем навсегда.

Лефортовский парк нежданно-негаданно становится изюминкой нашей прогулки. Мы ведь не просто не собирались сюда, мы и забыли о его существовании. Мы, откровенно говоря, не слишком знаем восток столицы, и кинотеатр «Новороссийск» на площади Цезаря Куникова долгое время был самой восточной точкой наших прогулок!

Здесь почти как в лесу. И мы больше помалкиваем. Кто же разговаривает в лесу? Лес, как известно, тишину любит.

Однако время идет, пора по-думать о возвращении. Более пяти часов прогулки мы уже не выдерживаем.

Возвращение – это всегда тонкий вопрос. Не хочется в метро. Людской поток и пересадки смывают полученные впечатления.

Да и потом, настоящий москвич – тот, кто способен из любой точки города вернуться домой исключительно наземным транспортом, разве нет?

И тут жена вспоминает, что в студенческие годы от Пролетарки частенько приезжала в институт на Госпитальный Вал трамвайчиком. Номер трамвая? 43. Подходит!

И мы находим остановку трамвая на знакомом уже высоком берегу. И даже, вот повезло, не-долго ждем. Скатывается к нам с Лефортовского моста бело-голубой «Витязь». И в нем пусто, прохладно и никакого шума. Слава создателю «Витязя»! С этим трамваем прогулки по городу существенно улучшились. Комфорт! Едешь и смотришь.

А взглянуть есть на что. Вот проезжаем справа белые стены Андроникова монастыря, основанного в XIV веке. Белокаменный Спасский собор монастыря – древнейший в Москве. Здесь работал над фресками инок Андрей Рублев. Здесь думал трудные думы протопоп Аввакум. Основателем монастыря был митрополит Алексий (Бянкот), а первым игуменом – Андроник, ученик преподобного Сергия Радонежского.

В 1947 году Иосиф Виссарионович Сталин подписывает указ о создании на территории монастыря историко-архитектурного центра имени Андрея Рублева, знаменитого ныне на весь мир. А вот в левые окна трамвая наблюдаем бывшее Золоторожское трамвайное депо, открытое еще в 1910 году и по сию пору действующее. Был да сплыл на этом месте и трамвайный завод, но хорошо хоть депо сохранилось. Как всегда, у нас промышленная история

Тенист
и воздушен
Лефортовский
парк

Вход в парк
совершенно
свободный!

города переплется с политической. Трамвайное депо носило имя Николая Ивановича Бухарина, а потом Сергея Мироновича Кирова...

А вот остановочка на культурную, так сказать, тему – «Библиотека имени Грина». Приятно, что на Волочаевской улице работает библиотека имени большого писателя, книги которого наше поколение читало взахлеб. Жена вспоминает серый зачитанный шеститомник, а я «Автобиографию», которую Александр Степанович, к большому сожалению, не успел дописать.

Ну и, конечно, ДК «Серп и Молот» на высоком холме, за-

росшем деревьями и кустами. Некогда весьма популярное место. Поистине центр народного творчества и досуга с обширной библиотекой, театром, студиями, секциями, концертами, кружками. К тому же памятник конструктивизма. В 1990-е позабыт, позаброшен... Вроде бы наконец-то, спустя годы безвременья, ведется реставрация. Сколько таких мест утеряно...

И вот тоже, пересекаем краешком, ансамбль улиц, который надо бы посетить отдельно. Школьная, Библиотечная, Трудовая, Вековая... Какие названия, а?

Кинотеатр «Победа» жив-здоров и работает! В детстве считалось, что в этих местах наш район, а точнее сказать, сфера обитания заканчивается, дальше в детстве без родителей мы уже не ездили, но в «Победе» бы-

вали самостоятельно. Тоже ведь памятник архитектуры теперь! 1957 год. Архитектор Иван Жолтовский. Схожие архитектурным проектом кинотеатры – «Буревестник» и «Слава» – давно уже не показывают

Река Яуза. Вид из Лефортова

кино. Выходит, не просто памятник, а раритет.

Его величество трамвай! Полчаса всего – и мы скатываемся из Лефортова малым ходом через Рогожку, Пролетарку, Шарик (так местные испокон веку называют Шарикоподшипниковскую улицу и окрестности) в родные южнопортовские края. За эти полчаса мы не просто отдохнули, мы лишний раз убедились, что в нашем городе так много городов...

Мы вернулись из Лефортова в Кожухово, не выходя из вагона, мы доехали от реки Яузы до Москвы-реки.

Позвольте... А что это за кораблик отдыхает у пристани? Трехпалубник «Александр Грин» – редкий гость в наших краях. ...Маросейка, Покровка... Кажется, что там мы были – вчера.

Старый
знакомый –
трамвай №43
идет на юг

ПОРТАЛ В ПРОШЛОЕ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МОЛОДОЙ ФРАНЦИСКАНЕЦ СТАРАТЕЛЬНО ВОДИТ ГУСИНЫМ ПЕРОМ ПО БУМАГЕ: ПИШЕТ ГОТИЧЕСКОЙ ФРАКТУРОЙ ИМЕНА СТОЛПИВШИХСЯ ВОКРУГ ЗРИТЕЛЕЙ. ВОСТОЧНЫЙ ГОСТЬ В ТЕРРАКОТОВОМ ХАЛАТЕ И УЗОРЧАТОЙ ТЮБЕТЕЙКЕ СТЕПЕННО ПОГЛАЖИВАЕТ СОБРАННУЮ В ХВОСТИК БОРОДКУ. МИМО ШАГАЕТ СУРОВЫЙ САМУРАЙ. ОДНУ ИЗ ПАЛАТОК УКРАШАЕТ КРАСНО-СИНЯЯ ВЫВЕСКА: «КЛУБ ТРЕХ БАБ». ПРАВДА, ЗА СТОЛОМ СИДЯТ ТОЛЬКО ДВЕ КРАСОТКИ, ТАК ЧТО ПОЧТИ КАЖДЫЙ ПРОХОДЯЩИЙ МИМО ИНТЕРЕСУЕТСЯ: «А ГДЕ ТРЕТЬЯ?» «ОБЕДАТЬ ПОШЛА!» – ХОРОМ ОТВЕЧАЮТ ДЕВУШКИ...

МОСКОВСКИЙ ПАРК «Южное Бутово» на несколько дней преобразился волшебным образом. В зеленой зоне, соседствующей с современными многоэтажками, раскинулся настоящий средневековый город. Среди изумрудных трав с россыпями одуванчиков и диких ромашек белеют бесчисленные шатры, сверкают разнообразные доспехи, звучат старинные песни. А чуть в стороне, на поле сражений, вновь и вновь сходят

ся рати, чтобы решить наконец, кому же в XIII веке править Великим Новгородом.

Между тем средневековый город живет обычной жизнью: колоритные хозяйушки пекут хлеб и варят кашу, расторопные купцы нахваливают свои товары, молчаливые гончары лепят чашки и плошки, ремесленники нанизывают стеклянные бусы, плетут затейливые пояса, разбитной скоморох в мокнатой шапке трещоткой веселит честной народ...

Тот самый
«Клуб трех баб»

В конном турнире участвовали и рыцари из военно-монашеских орденов

В плавящейся от жары июньской Москве царил фестиваль «Времена и эпохи». На 53 площадках в разных районах столицы реконструкторы представили периоды мировой истории – от Древнего мира до середины XX века.

В «Южном Бутове» расположилась площадка «Господин Великий Новгород», где любой гость мог воочию убедиться, каким удивительно красочным было Средневековье.

В Новгороде XIII века были Немецкий и Готский двор, здесь торговали европейские купцы. Так что вполне к месту на фестивале оказались и мы – гости из Южной Франции, родины рыцарства, трубадуров и культа Прекрасной Дамы. То есть омский клуб исторической реконструкции Terra Provansal.

Обычно фестивали реконструкторов проходят в окрестностях сохранившихся замков и крепостей. Или хотя бы в чистом

Рядом с современными многоэтажками как по волшебству появился настоящий средневековый город

поле. В таких местах «машина времени» работает безотказно: о том, что на дворе XXI век, быстро забываешь. Совсем другое дело – оказаться в окружении современных многоэтажных домов, постоянно напоминающих о том, что ты находишься в шумном мегаполисе. Но, к счастью, портал в прошлое открылся и здесь. Правда, на

это потребовалось чуть больше времени.

И было все.

Обильные ливни и палящее солнце.

Шелест шёлка на ветру и капли дождя на клинке.

Роскошь общения со старыми и новыми знакомыми.

Ощущение удивительной яркости бытия...

В минуты
отдыха

ЛИКИ ВОЙНЫ

Пять дней на бранном поле под палящим солнцем и даже проливными дождями сходилось по 120 человек. Дружины посадника Новгородского, князя Псковского и князя Владимира. А также войско европейцев, у которых здесь был свой особый интерес. И не раз, глядя на жаркие схватки, вспоминала я самую известную сирвенту (один из жанров поэзии трубадуров XII–XIII веков. – Прим. ред.) окситанского поэта и трубадура Берграна де Борна, которая в русском переводе обычно называется «Похвала войне»:

Как мне мила пора весны –
Пасхальной радости пора,
Что возвращает песни птиц,
Объятых зеленью лесам,
Осыпав все цветами...
Еще отрадней видеть вновь
Ряды палаток и шатров –
Предвестье спора стали.
И стольких всадников в броне,
И стольких рыцарских коней...

Китайские гости активно участвовали в боевых действиях

Два товарища

Сначала в бой вступают всадники – русские витязи и европейские рыцари. Пешую часть сражения открывают стрелки – лучники и арбалетчики. Во врага летят стрелы, но скоро стрелки, израсходовав «боезапас», отступают за строй. Затем выходят пешие единицы, то есть единоборцы: лучшие воины вызывают на бой любого смельчака из стана противника. И только потом в бою сходятся основные силы.

Картина дополняла уменьшенная версия предшественницы требушета – перрье (от фр. *pergier* – «камнемёт». – Прим. ред.). Запускало это чудо средневековой технической мысли кожаные мешочки, набитые горохом. Правда, поначалу – во время первых технических испытаний перед фестивалем – мешочки упрямо летели в обратную сторону. Но проблему удалось решить: технику в итоге наладили, изменив длину веревки и вес «снарядов».

Средневековая война тоже была красочной, она очень отличалась от современной, где у всех

Любого заинтересованного мастер научит работать с берестой

бойцов одинаковый камуфляж. Тогда, до появления огнестрельного оружия, кардинально изменившего ситуацию на полях сражений, воины стремились привлечь к себе внимание противника. Как бы заранее бросая вызов любому, кто решится его принять. Неслучайно у лангедокского графа Гастона де Фуа был девиз «Тронь, если посмеешь»...

Кольчуга весит около 10 килограммов, классический рыцарский шлем топфхельм – 4 килограмма, длинный «полуторный» меч (англ. *bastard-sword*) – килограмм с небольшим. Нелегкая экипировка! Но когда ты становишься частью стальной волны воинов, когда тебя подхватывает и несет буря мечей, обычные законы природы над тобой уже не имеют власти, всё иначе. Мир сужается до полоски, видимой сквозь прорезь шлема. Веса доспехов не чувствуешь. Усталости – тоже. И нет большей радости, когда в бою «строй на строй» понимаешь, что, сбивая мечом вражеские копья, облегчаешь (а в реальном бою – спасаешь) жизнь тем, кто плечом к плечу рубится рядом с тобой. Но в этот раз я чаще была среди тех, кому поручалось обходить противника с фланга. И однажды, оказавшись в нужном месте в нужное время, сумела сорвать аналогичную попытку обхода противника.

Правда, в первый день сражений фортуна была не на нашей стороне. Зато далее – после того как разверзлись хляби небесные – случилось так, что «европейцы» вместе с примкнувшими к нам псковичами побеждали с завидной регулярностью.

Для участников «сражения» завершались после того, как пропустил удар мечом или копьем. Это означает, что ты «убит». Опускаешься на одно колено и стоишь, наблюдая за тем, как дальше разворачивается бой. Кстати, реконструкторские сражения более «кровопролитные», чем реальные исторические. Настоящие средневековые битвы нередко заканчивались довольно быстро: осознав, что ситуация складывается явно не в их пользу, командующие предпочитали отступать, чтобы сохранить людей. На фестивале же битва продолжается до тех пор, пока не останется никого, кто может сражаться.

О, сколько здесь щитов цветных,
Мечам и копьям нет числа.

Вот рыцари, себя забыв,
Как на веселый тир спешат...

Да, в оригинале «Похвала войне» вообще-то любовная кансона – посвящение даме, которой Берtran de Born служил всю жизнь. Имя ей – Guegga, то есть война. У этой дамы бывают разные личи. Ведь очень отличаются сражения под жарким солнцем и под проливным дождем, когда сходишься с противником в чистом поле или обороныешь импровизированное укрепление... Отдельного упоминания заслуживает эпичная битва под дождем. В тот день на Москву обрушился сильнейший ливень. Странное ощущение: видишь, что идет дождь, но ты его не замечаешь, пока не начинает промокать обувь. А еще чуть позже понимаешь, что шелковые накидки поверх доспехов несут не только эстетическую функцию: кольчуги под ними остались совершенно сухими. Так что спешно обрабатывать современным средством WD-40 от ржавчины пришлось только рукава...

Европейский
военный лагерь
смотрится
весьма
живописно

Украшения
на любой вкус

В московском фестивале принимали участие несколько реконструкторских клубов из Санкт-Петербурга. На следующий день после вселенского потопа на парковых бордюрах кто-то написал «поребрик» и повсюду начали шутить, что Петербург захватывает Москву. Погода ведь уже совершенно петербургская.

ВОИНСКИЕ ЗАБАВЫ

Впервые термин «турнир» (от старофр. *tornei*) применительно к военным упражнениям рыцарей употребляется в 1149 году Гильомом из Сен-Тьеири в жизнеописании богослова и вдохновителя Крестовых походов святого Бернарда Клервоского. Со второй половины XII века турниры вошли в моду в Англии, Германии и Северной Италии. В это время возник и новый стиль конного боя, применяющийся рыцарями Высокого Средневековья, – таранный удар с зажатым под мышкой копьем.

Разумеется, конный турнир на московском фестивале неизменно собирал толпы зрителей. Там я присутствовала уже в качестве *belle dame* – в организованном прямо на месте суде прекрасных дам. Нам надлежало выбрать среди рыцарей самых куртуазных.

На поле в воинском мастерстве состязались 10 рыцарей из Москвы и Санкт-Петербурга.

Были бои конных отрядов на мечах, в старину именуемые «меле». Причем с самыми разными заданиями: отобрать у знаменосца команды соперников флаг, срубить яблоки с трех столбиков, изображав-

ших обоз. Еще был «бой за переправу»: одному из всадников нужно было уберечь кружку с водой, к тому же не расплескав ее полностью.

В финальный день фестиваля под восторженные возгласы

зрителей проходил джостинг – классическая сшибка конных рыцарей на копьях. Причем мало было просто сломать копье, нужно, чтобы обломок при этом оказался определенной длины. У маршалов (судей

Рыцари ожидают
начала турнира

На полевой
кухне жарко
в любую погоду

турнира) есть специальный жезл, по которому они провесят длину обломка. Когда одновременно ломаются копья у обоих противников – это по-разительное зрелище. Один из рыцарей, ставший в итоге победителем, неизменно складывал обломки копий к ногам прекрасных дам. Впрочем, финала и награждения победителей я тогда не дождалась – нужно было переодеваться на турнир вызова...

Пешие турниры организовывались каждый день в разных форматах. В один день бойцы сражались на копьях, в другой – метали сулицы (короткие копья). А турнир вызова, в котором мне довелось участвовать, проходит так. Участники делятся на две группы и встают по разные стороны площадки. А потом по очереди вызывают на бой любого из тех, кто стоит на противоположной стороне. Меня своим вниманием

нием удостоил весьма достойный противник, так что дальше первого круга я не прошла. Мой супруг участвовал в сражениях «троек», то есть в битвах «три на три»: с каждой стороны рыцарь со щитом и мечом и два копейщика. Копейщик из меня никакой, потому в этой дисциплине я выступала в качестве оруженосца – помочь надеть тяжелый шлем, поднести щит. Получился очень динамичный, интересный и по-своему веселый вид соревнований, который стал своеобразной визитной карточкой поединков реконструкторов XIII века. Командные воинские состязания, которые в программе имелись «битва дружины», нам довелось наблюдать со стороны – в ней наш клуб не участвовал. На поле разворачивались весьма интересные события. Например, битва за переправу. Каждой команде надо преодолеть две «переправы», обой-

Как на средневековой миниатюре

И музыка звучала...

значенные лежащими на траве палками. Но «переправы» заняты защищающими их отрядами. Выходит копейщик и активно провоцирует защитников. Но все его усилия оказываются тщетными. В итоге участ-

ники всех команд выходят «в поле», где все решают копья. А ведь нужно не только пройти две «переправы», нужно еще «вернуться домой». В этом состязании обычно выигрывала новгородская дружина.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФЕЕРИЯ

Что же касается мирной жизни, здесь творилась настоящая средневековая феерия. Ведь на этом фестивале зрители могли не только смотреть, но и участвовать в происходящем.

На полевой кухне пекли лепешки по старинным рецептам. Здесь же устроили кулинарный мастер-класс, на котором можно было научиться их готовить.

Сделать красивую стеклянную бусину? Легко! Отчеканить монету? Запросто! А еще плести, вышивать, рисовать, ткать, прядь и даже строить крепость, правда, небольшую... Всему этому обучали на фестивале.

Детям тоже было чем заняться. Можно было зерно и в ступе потолочь, и в жерновах смолоть, а также со скоморохами поплясать....

Что же касается нас – непосредственных участников фестиваля, – погружаться в эту веселую атмосферу нам удавалось только урывками. К тому же женский костюм от мужского отличается кардинально, а у меня каждый день предполагалась смена «ролей». Так что переодевание отнимало немало времени. Но кое-что все-таки удалось успеть. Например, не-

много позаниматься каллиграфией в местном скриптории. Лист расположен так, что рука сама выводит нужные линии. Их нужно только дополнить некоторыми элементами. Из ряда палочек как по волшебству получается слово *minimum*...

Средневековая
танцплощадка

Корзины бывают
разные

Еще были неожиданные беседы о куртуазном Юге, песни под цитоль (струнный музикальный инструмент. – Прим. ред.) и без аккомпанемента. И знакомство с москвичкой Марией, тоже увлеченной поэзией трубадуров. «Лирика трубадуров заинтересовала меня красотой языка, поэтической риторикой, слиянием в мировоззрении сакрального и профанного, – делится Мария. – Например, в альбе *Reis glorios* герой просит у Бога помощи в любовных делах. Эти песни исполнялись под аккомпанемент цитоли – лютня тогда была меньше распространена. Вообще, есть версия, что в основном песни трубадуров исполнялись без инструментального сопровождения».

А когда я разгуливалась в костюме мальчишки-оруженосца, то зашла в мастерскую, где делали стеклянные бусины. И попробовала сделать бусину цвета неба. Сначала стеклянную палочку нужно нагреть на огне – дело это небыстрое. А потом – «намотать» на основу. «Стекло спешки не любит», – поясняет Евгения Бирюкова из самарского военно-исторического клуба «Легенда». Как выяснилось, резких движений – тоже. Потому сделать самую простую бусину оказалось для меня сверхзадачей: она никак не получалась ровной. Но мастерица поправила ее с помощью огня и оставила остывать в емкости с песком – ее можно было забрать на следующий день.

Выяснилось, что в доме новгородского посадника работает рукописная школа. «Кириллица появилась на Руси в X веке, было найдено несколько предметов с надписями и единичные грамоты, датированные этим временем. Также были обнаружены кириллические грамоты и книги, относящиеся к XI столетию. Даже если допустить, что книги были привезены из других стран, то грамоты совершенно точно были написаны на территории Руси, что свидетельствует о распространении

нении грамотности», – объясняет Максим Соколов из клуба «Легенда».

В мастерской новгородского серебряника (ювелира) по имени Гуннар царил настоящий ажиотаж. Здесь все желающие делали украшения из медной проволоки. Жена ювелира, София, блистала украшениями и отвечала на бесконечные вопросы. Подмастерье трудился, честно отрабатывая стол, кров и уроки мастера... Правда, время от времени удирал и затевал драки с другими подмастерьями, что немало забавляло всех присутствующих.

Фестивали реконструкторов очень украшают театрализованные выступления. Иногда к ним долго и всерьез готовятся. А в этот раз получилась импровизация. Когда в лагерь Европы нежданно прибыл гонец от новгородского посадника, его встретили по всем правилам средневекового этикета – с музыкой и угощением. А потом отправили посольство с ответной грамотой – и завертелось! По пути на войну прибыли сваты, однако сватовство оказалось неудачным, и это привело к усобице в последний боевой день...

«КНИЖНЫЕ ДЕТИ» И ИНОСТРАННЫЕ ГОСТИ

Из-за насыщенной программы общаться на фестивале с «коллегами» тоже получалось урывками. В основном за едой. И порой весьма удачно.

Однажды с рыцарем, который пришел после конного турнира обедать прямо в кольчуге, мы обсуждали известную немногим любителям книгу из серии «Литературные памятники» – «Повесть о Сегри и Абенсеррахах». Это один из первых исторических романов в Европе, написанный хронистом Хинесом Пересом де Итой и повествующий о событиях времен Реконкисты. Да, «книжных детей» на таких фестивалях всегда хватает...

Помимо реконструкторов из разных российских городов на

Фото на память

Так сбываются
мечты

фестиваль приехали и гости из-за рубежа. Здесь были ребята из Сербии, Китая и Японии. Ассоциация «Белые орлы» занимается историей средневековой Сербии. Проект «Поднебесная империя» объединяет реконструкторов из Шанхая,

Пекина, Чэнду. А японец Юта Ивасаки ни в каких ассоциациях не состоит. «Я с детства люблю историю и самостоятельно выучил русский язык – много общался с русскими, – рассказывает он. – По профессии я дизайнер и люблю рисовать доспехи. Однажды нарисовал русский доспех, выложил в интернет, реконструкторы увидели и написали: «Приезжай к нам, покажем настоящий доспех». Так я оказался в России. Мой первый фестиваль проходил в Самаре. Теперь вот и на «Времена и эпохи» русские друзья позвали. Пока у меня нет шлема – на фестивале я надевал китайский. Но к следующему году хочу сделать японский шлем».

А еще к нам часто подходили люди из соседних домов и благодарили за праздник. И даже приносили угощение. И когда ты замечаешь сияющие глаза мальчишки, который в первый раз увидел настоящих рыцарей, понимаешь, что все эти приключения под дождем и палящим солнцем точно были не зря. Звучит привычная просьба: «Можно с вами сфотографироваться?» Достаю меч из ножен: «Держите, юноша». Да простит меня его мама...

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспотрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

Читайте журнал на сайте
[**https://rusmir.media**](https://rusmir.media)

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru